

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО

ПЕРВЫЕ ВСЕРОССИЙСКИЕ ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

27.04.25 – 30.04.25

**Человек в современном мире:
как жить?**

Материалы конференции

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОГРАФИЯ

АНТИКВА

Симферополь
2025

УДК 001.1
ББК 72.5
П 26

Составители:

Л. Т. Рыскельдиева, О. В. Зарапин, А. В. Бойко

П 26 Первые Всероссийские Таврические чтения молодых ученых : материалы конференции (Симферополь, апрель 2025) / сост.: Л. Т. Рыскельдиева, О. В. Зарапин, А. В. Бойко. – Симферополь: ООО «Антиква», 2025. – 208 с.

ISBN 978-5-6053943-1-0

Сборник содержит тезисы докладов участников Первых Таврических чтений молодых ученых – конференции, организованной силами молодых ученых (бакалавров, магистрантов, аспирантов, молодых преподавателей) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь) при поддержке молодых ученых РГГУ (г. Москва). Междисциплинарная общегуманитарная конференция, собравшая философов, культурологов, психологов, политологов, историков разных регионов России, показала и сферу интересов молодежи в науке, и интеллектуальные возможности современного молодого человека, и его способность отвечать как на актуальные, так и на вечные, смысложизненные вопросы. Она показала, что те, кто идет на смену «старикам», понимают и важность нынешнего момента, и необходимость быть готовыми разделить ответственность за него. Кроме тезисов докладов сборник содержит изложение обсуждения основных проблем и существенных вопросов, стоящих перед молодыми учеными-гуманитариями, исследователями разных возрастов в наши дни.

Для обучающихся в вузах всех уровней подготовки, для преподавателей и всех, кто интересуется современным состоянием гуманитарного знания в России.

УДК 001.1
ББК 72.5

ISBN 978-5-6053943-1-0

© Авторы статей, текст, 2025
© Оформление (оригинал-макет),
ООО «Антиква», 2025

ИСТИНА КАК ПРОЦЕСС И СОБЫТИЕ В ФИЛОСОФИИ А. БАДЬЮ

Татьяна М. Акулова

*Аспирант кафедры философии
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*

Аннотация. В статье исследуется оригинальная концепция истины в философии Алена Бадью, предлагающая радикальный пересмотр традиционных эпистемологических подходов. Анализируются ключевые характеристики истины как процессуальной и событийной реальности, возникающей через четыре родовые процедуры (науку, искусство, политику и любовь), но не сводимой к ним. Особое внимание уделяется диалектике партикулярного и универсального в бадьюанском понимании истины, её связи с категориями события, верности и субъективации. Рассматривается значение этой концепции для преодоления альтернативы между метафизическим объективизмом и постмодернистским релятивизмом в современной философии.

Ключевые слова. теория истины, событийная онтология, родовые процедуры, философия события, верность событию, универсальная сингулярность, постметафизическая философия, математическая онтология, субъективация.

TRUTH AS PROCESS AND EVENT IN THE PHILOSOPHY OF ALAIN BADIOU

Tatiana M. Akulova

*PhD Student, Department of Philosophy
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation*

Abstract. The article examines Alain Badiou's original concept of truth, which proposes a radical revision of traditional epistemological approaches. It analyzes the key characteristics of truth as a procedural and eventual reality that emerges through four generic procedures (science, art, politics, and love) yet cannot be reduced to them. Special attention is paid to the dialectic of the particular and universal in Badiou's understanding of truth, as well as its connection to the categories of event, fidelity, and subjectivation. The significance of this concept for overcoming the dichotomy between metaphysical objectivism and postmodern relativism in contemporary philosophy is also explored.

Keywords: theory of truth, eventual ontology, generic procedures, philosophy of the event, fidelity to the event, universal singularity, postmetaphysical philosophy, mathematical ontology, subjectivation.

В современном философском дискурсе концепция Алена Бадью выделяется своей радикальной попыткой реконцептуализации онтологических оснований через математический формализм. Ядро его подхода заключается в парадоксальном утверждении о тождестве онтологии как таковой и аксиоматической теории множеств в ее цермело-френкелевской формулировке [2]. Такой нетривиальный методологический ход, несмотря на свою концептуальную строгость, становится предметом оживленных дискуссий в академической среде, где подвергается сомнению сама возможность редукции фундаментальных онтологических вопросов к формально-логическим схемам.

Бадью проводит принципиальное различие между собственно онтологическим уровнем, эксплицируемым средствами математического формализма, и метаонтологическим измерением как сферой философской интерпретации этих формальных структур. Важно подчеркнуть, что метаонтологическая рефлексия, сохраняя связь с математическим дискурсом, тем не менее выходит за его пределы, образуя автономное поле философской проблематизации. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается существенный концептуальный разрыв между этими регистрами, особенно явственно проявляющийся в дихотомии «природных» (характеризующихся устойчивостью и повторяемостью) и «событийных» (отмеченных признаками историчности и сингулярности) множеств [1]. Данное разделение создает системное напряжение, поскольку событийность выступает в качестве конститутивного

элемента как для формальной онтологии, так и для ее философской интерпретации.

В рамках бадьюанской системы любая ситуация подпадает под одну из двух модальностей: либо она принадлежит к природному порядку с его имманентной нормативностью и стабильностью, либо к историческому измерению, определяемому через категории событийности и сингулярности. Это различие закономерно приводит к вопросу о статусе самой онтологической ситуации. Бадью предлагает ее понимание как «презентации презентации» – концепт, фиксирующий двойственную природу онтологии: с одной стороны, это строгий формальный аппарат математического описания, с другой – философская конструкция, требующая герменевтического освоения. Такая амбивалентность свидетельствует о глубинных трудностях, возникающих при попытке синтеза математической онтологии и философской метаонтологии в единую теоретическую систему.

Для понимания истины Бадью следует обратиться к работе «Манифест за философию», которая представляет собой выдержки из работы А. Бадью «Бытие и событие». Центральное положение манифеста Бадью заключается в утверждении, что философия сама по себе не продуцирует истины, но осуществляет работу с ними, опираясь на четыре «условия» (или «родовые процедуры»), которые их поставляют [1]. Этими условиями выступают: математика (в древнегреческом понимании – знание, научное познание), поэма (художественное творчество), политическое изобретение и любовь. Следовательно, любая истина имеет своим источником либо науку, либо искусство, либо политику, либо сферу любовного опыта. Функция философии, таким образом, заключается не в создании истин, а в конфигурировании их совместной возможности, в выстраивании пространства, где они могут сосуществовать и взаимодействовать. Именно на этой совозможности, как утверждает Бадью, основывается структура философии Нового времени.

Ключевым условием существования философии, согласно «Манифесту», является равновесное соотношение всех четырех родовых процедур [1]. Однако исторически такое равновесие достигалось крайне редко: в большинстве случаев происходил перекос в сторону доминирования одного из условий, что приводило к

блокировке динамики взаимодействия между ними. Подобная ситуация лишала философию необходимой свободы, требуемой для перехода между различными режимами мышления.

Бадью указывает, что основной причиной этой блокировки становится подмена философской функции одной из процедур. Вместо того чтобы конструировать пространство со-возможности, в котором осуществляется мышление эпохи, философия делегирует свои полномочия одному из своих условий, тем самым самоустраняясь. В таком случае она перестает быть самостоятельной формой мысли, растворяясь в логике научного, художественного, политического или любовного дискурса. Это, по сути, означает подавление философии как таковой, ее редукцию к одной из родовых процедур, что лишает ее собственного места в структуре мышления.

Так в концептуальном аппарате Бадью особое место занимает понятие «швов» – ситуаций, при которых философское мышление делегирует свои функции одной из истинностных процедур. Эти швы представляют собой своеобразные узлы редукции, где философия теряет свою автономию, подчиняясь логике одного из своих условий.

Исторический анализ Бадью выявляет доминирование «позитивистского шва» в XIX веке, начиная с гегелевской системы и завершая ницшеанской критикой. Этот шов, пришивающий философию к ее научному условию, сохраняет свое влияние и в современной англо-американской аналитической традиции. В дальнейшем произошло наложение позитивистского шва на политический, представленный марксистской традицией [1]. Ответом на такое положение дел, по Бадью, стало возникновение «поэтического шва», предвосхищенного Ницше и получившего свое полное выражение в хайдеггеровской философии.

Данная конфигурация привела к феномену, который Бадью обозначает как «век поэтов». В этот период, характеризующийся доминированием научного и политического швов, именно поэтический дискурс взял на себя функции философского осмысления бытия. Как отмечает Бадью, поэтическое слово стало носителем подлинного смысла эпохи, формой наиболее непосредственного доступа к вопросу о бытии. В метафорическом языке поэзии кристаллизовалась сама суть исторического момента, когда экзистен-

циальная неустойчивость находила свое выражение в образной структуре стихотворения.

Хотя «век поэтов», к которому Бадью относит творчество Гельдерлина, Малларме, Рембо, Тракля, Пессоа, Мандельштама и Целана, завершился, его наследие продолжает оказывать влияние на современную мысль через сохраняющийся поэтический шов [1]. Преодоление этой ситуации, создание новой концептуальной конфигурации, способной обеспечить подлинное взаимодействие всех родовых процедур, рассматривается Бадью как важнейшая задача современной философской мысли.

В онтолого-гносеологической системе Бадью истина предстает как радикально новаторская категория, принципиально отличная от классических эпистемологических трактовок. Истина у Бадью – это не соответствие знания действительности, не когерентность логических структур и не феноменологическая очевидность, а процессуальная и событийная реальность, возникающая в разрывах существующего порядка. Таким образом, истина в философии Бадью представляет собой динамический процесс трансформации ситуации через верность событию, реализуемый в одной из четырёх родовых процедур, но не сводимый к их операциональной логике.

Список литературы

1. Бадью А. Манифест философии / сост., пер. с франц. и послесловие В. Е. Лапицкого. 2-е изд., испр. СПб.: Machina, 2012. 190 с.
2. Никулина А.С. Проблема истины у А. Бадью: между историей и природой // Вестник РХГА. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-istiny-u-a-badyu-mezhdu-istoriey-i-prirodoy> (дата обращения: 01.03.2025).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ПРАВОВЫХ И МОРАЛЬНЫХ НОРМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Иван А. Алымов

*магистрант,
Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация,
научный руководитель – доктор философских
наук С. А. Храпов*

Аннотация: Для современных обществ многих стран характерно существование в рамках переходного состояния. Это характерно в том числе и для Российской Федерации. Специфика данного статуса проявляет себя в социально-экономической, политической и духовной сферах. В таких условиях постепенно осуществляется трансформация государства и общества, при которой приемлемая прежде совокупность ценностей и норм не способна продолжать в достаточной степени обеспечивать стабильность и упорядоченность социальных связей и взаимодействий.

Ключевые слова: геополитические процессы, глобализация, правовые нормы, кризис глобализма.

GEOPOLITICAL FACTORS OF THE DYNAMICS OF LEGAL AND MORAL NORMS IN MODERN SOCIETY

Ivan A. Alymov

*Master's student,
Astrakhan State University named after
V.N. Tatishchev
Astrakhan, Russian Federation,
scientific supervisor – Doctor of Philosophy
S.A. Khrapov*

Annotation: Modern societies in many countries are characterized by existence in a transitional state. This is also typical for the Russian Federation. The specifics of this status manifest themselves in the socio-economic, political and spiritual spheres. In such conditions, the transformation of the state and society is gradually taking place, in which the previously acceptable set of values and norms is not able to continue to sufficiently ensure the stability and order of social relations and interactions.

Keywords: geopolitical processes, globalization, legal norms, crisis of globalism.

Современное общество сталкивается с множеством факторов, влияющих на динамику правовых и моральных норм. Эти факторы можно разделить на несколько ключевых категорий: социально-экономические, геополитические и аксиологические.

Геополитический фактор играет значительную роль в динамике правовых и моральных норм современного общества. Он включает в себя влияние географических, политических, экономических и культурно-религиозных факторов на международные отношения и внутреннюю политику государств. В условиях многополярного мира геополитические процессы становятся все более сложными и динамичными, что требует адаптации правовых и моральных норм к новым реалиям.

Геополитические процессы влияют на моральные нормы через формирование национальных интересов и идеологических концепций. В современном мире границы между государствами не только географические, но и идеологические, что приводит к разделению

обществ на «своих» и «чужих» по принципу принадлежности к определенным ценностям и идеологиям [7, с. 66]. Это разделение может привести к конфликтам между моральными нормами разных обществ, поскольку некоторые государства стремятся распространять свое влияние и свои ценности на другие территории.

Геополитические процессы также влияют на правовые нормы, особенно в области международного права. В условиях глобализации и многополярности международное право сталкивается с вызовами, связанными с необходимостью учета интересов различных государств и цивилизаций [9, с. 340]. Правовые нормы должны адаптироваться к новым геополитическим реалиям, что может привести к изменениям в международных договорах и соглашениях. Однако в геополитике моральные и правовые ценности часто воспринимаются как вторичные по отношению к политическим и экономическим интересам.

В России, например, геополитические факторы способствуют укреплению национальной идентичности и развитию правовых и моральных норм, соответствующих историческим и культурным традициям страны. Это может привести к конфликтам с международными нормами, если они не соответствуют национальным интересам.

Важную роль в геополитическом дискурсе в контексте трансформации правовых основ и морально-нравственных норм сегодня играет кризис глобализма. Он представляет собой сложное явление, включающее экономические, политические и социальные аспекты. Он возникает из-за внутренних противоречий глобализации, экономических, политических и социальных [8, с. 463].

Так глобализация стимулировала усиление экономического неравенства между странами и внутри них. Это вызвано либерализацией экономики и доминированием крупных корпораций, что приводит к эксплуатации ресурсов и рабочей силы в развивающихся странах. В свою очередь, это ведет к экономической нестабильности, включая глобальные финансовые кризисы и снижение доверия к международным экономическим институтам.

Негативные экономические последствия глобализации вызывают изменения в моральных ценностях, поскольку потребительская ориентация становится доминирующей, а духовное развитие отхо-

дит на второй план. Правовые нормы также адаптируются к новым экономическим реалиям, что может привести к конфликтам между национальными и международными правовыми системами.

Кризис глобализма также связан с политической нестабильностью и отсутствием четких правил в международных отношениях. Это может вести к ослаблению национально-государственной политики в пользу усиления роли международных организаций [3, с. 108]. Вследствие этого могут быть усилены реакционные стремления к национализму и протекционизму, способные повлечь снижение международного сотрудничества и усиление конфликтов.

В числе прочего глобализация вызывает культурную гомогенизацию, что приводит к потере национальной идентичности и культурной специфики. Это может вызывать социальные напряжения и протесты против глобализации и ее последствий, а также конфликты между локальными и глобальными моральными ценностями, что требует разработки новых моральных и правовых рамок для обеспечения социальной гармонии.

Обобщая вышеописанное, необходимо отметить, что последствия кризиса глобализма для моральных норм включают снижение уровня нравственности и образованности общества, а также потребительскую ориентацию общественного сознания [5, с. 12]. Это требует переоценки моральных ценностей и разработки новых этических регулятивов для преодоления глобальных кризисов. Последствия данного кризиса для правовых норм включают необходимость адаптации правовых систем к новым экономическим и политическим реалиям. Это может привести к изменениям в международном праве и усилению роли международных организаций в правовом регулировании.

В результате, кризис глобализма оказывает глубокое влияние на трансформацию моральных и правовых норм. Он требует разработки новых моральных и правовых рамок, которые бы учитывали экономические, политические и социальные аспекты современного общества. Необходимо переоценивать моральные ценности и адаптировать правовые системы к новым реалиям для обеспечения социальной гармонии и справедливости.

Борьба крупных держав, таких как Китай, Россия и Иран, также не может не оказывать значительное влияние на трансформацию

моральных и правовых норм в актуальном геополитическом контексте. Этот процесс включает в себя геополитические, экономические и культурные аспекты, которые взаимодействуют и влияют друг на друга [1, с. 166].

Геополитическая борьба между крупными державами приводит к усилению национализма и суверенитета, что влияет на моральные нормы. Каждая страна стремится укрепить свою национальную идентичность и продвигать свои моральные ценности как универсальные.

Экономическая конкуренция между крупными державами влияет, в свою очередь, на правовые нормы. Каждая страна стремится создать благоприятные условия для своего бизнеса и экономики, что может привести к изменениям в правовых системах. Например, Китай и Россия активно продвигают свои экономические интересы через проекты типа «Пояс и путь» (Экономический пояс Шёлкового пути), впервые представленного Си Цзиньпином в сентябре 2013 года в рамках лекции в Назарбаевском университете Казахстана как современная альтернатива древнего Шёлкового пути [4, с. 61], и «Евразийский экономический союз» – международная организация региональной экономической интеграции [6, с. 33–47], членами которой сегодня являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. Осуществление и эффективное функционирование подобных проектов и инициатив требует адаптации правовых рамок для обеспечения сотрудничества и защиты национальных интересов.

Важным в таких условиях является и духовно-культурный аспект, так как культурная борьба между крупными державами включает в себя распространение своих моральных и ценностных систем. Западные страны традиционно продвигают либеральные демократические ценности, в то время как Китай и Россия подчеркивают важность суверенитета и традиционных ценностей [1, с. 166]. Это может привести к конфликтам между разными моральными нормами и правовыми системами, что требует разработки новых подходов к международному сотрудничеству и правовому регулированию.

Последствия борьбы крупных держав для моральных норм включают усиление национализма и укрепление национальной идентичности. Это может привести к снижению универсальности моральных ценностей и усилению роли национальных моральных

норм в международных отношениях. Моральные ценности становятся инструментом влияния на международную политику, что может привести к конфликтам между странами с разными моральными ориентирами.

Последствия для правовых норм включают необходимость адаптации международного права к новым геополитическим реалиям. Это может привести к изменениям в международных договорах и соглашениях, а также к усилению роли национальных правовых систем в регулировании международных отношений [8, с. 464].

В результате, такие современные геополитические явления как кризис глобализма и борьба крупных держав влияют на международные отношения и ценностные ориентиры. В условиях многополярного мира происходит дестабилизация традиционных систем международной безопасности, что приводит к необходимости пересмотра норм международного права. Это также вызывает девальвацию международных ценностей и принципов, ранее считавшихся универсальными [2, с. 77]. Геополитический фактор формирует национальные интересы, идеологические концепции и правовые рамки, что может привести к конфликтам между моральными и правовыми нормами разных обществ. Необходимо учитывать геополитические реалии при разработке правовых и моральных норм, чтобы обеспечить их соответствие меняющимся условиям международных отношений и внутренней политики государств. Это требует гибкого подхода к правовому регулированию и моральной регуляции, учитывающего интересы различных государств и цивилизаций.

Таким образом, динамика правовых и моральных норм в современном обществе определяется сложным взаимодействием важного геополитического фактора с социально-экономическим и аксиологическим. Эти изменения требуют от общества адаптации к новым условиям и пересмотра существующих норм для обеспечения гармонии в социальном взаимодействии.

Список литературы

1. Гарбузарова Е.Г. Геополитический треугольник «Россия-Иран-Китай» в условиях глобальных трансформаций // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 1 (68). С. 166-175.
2. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: монография. – М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016. – 77 с.
3. Жожуашвили Н.Н. Кризис глобализации и национальные экономики: сложные взаимосвязи // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 107-112.
4. Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение» // Сравнительная политика. 2018. № 3. С. 61-74
5. Колин К.К. Глобализация общества и нравственное измерение современного кризиса цивилизации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 10. С. 10-16.
6. Кротов М.И. (Мунтиян В.И.) Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы // Управленческое консультирование. 2019. № 11 (83). С. 33-47.
7. Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос // Мировая политика. 2015. № 1. С. 66-88.
8. Тюпина А.В. Современное право и государство в условиях глобализации // Молодой ученый. 2024. № 48 (547). С. 462-465.
9. Эсуев С.С. Адаптация правовой системы России к современным социально-экономическим вызовам // Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С. 339-341.

ВИРТУАЛЬНЫЕ АРТИСТЫ КАК ФОРМА КОЛЛЕКТИВНОГО СЕТЕВОГО ТВОРЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ХАЦУНЭ МИКУ)

Аспирант кафедры философии,
культурологии и социологии
Анатолий Р. Базаев
*Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого*

доктор философских наук, профессор кафе-
дры философии, культурологии и социологии
Андрей Г. Некита
*Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Российская Федерация*

Аннотация. Цифровая эпоха не только изменила условия культурного производства и потребления контента – она трансформировала саму логику авторства, идентичности и субъективного участия. Появление виртуальных артистов, таких как Хацунэ Мику, обозначает переход к новой форме культурного существования, в которой полностью размывается и исчезает индивидуальный автор, а его функции перераспределяются между фанатскими сообществами, алгоритмами и медиаплатформами. Здесь артист – не полноценный субъект, а лишь интерфейс; не исполнитель, а точка сборки коллективных проекций и синтетических голосов. Парадокс виртуального артиста состоит в том, что его отсутствующая телесность становится источником символической продуктивности: чем меньше он «воплощён», тем более активной становится креативная кооперация вокруг него. Кроме того, феномен виртуального артиста показывает теоретические изъяны традиционных представлений о творчестве, коммуникации и творческой субъектности в условиях новой сетевой культуры.

Ключевые слова: виртуальный артист, коллективное творчество, Хацунэ Мику, Vocaloid, сетевое творчество, постгуманизм.

VIRTUAL ARTISTS AS A FORM OF COLLECTIVE NETWORKED CREATIVITY (THE CASE OF HATSUNE MIKU)

Anatolii R. Bazaev

*PhD Student, Department of Philosophy,
Cultural Studies, and Sociology
Yaroslav the Wise Novgorod State University
Dr. of Sci. (Philosophy), Professor, Department
of Philosophy, Cultural Studies, and Sociology
Yaroslav the Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russian Federation*

Andrei G. Nekita

Abstract. The digital age has not only changed the conditions of cultural production and consumption of content, it has transformed the very logic of authorship, identity, and subjective participation. The emergence of virtual artists such as Hatsune Miku marks the transition to a new form of cultural existence in which the individual author is completely blurred and disappears, and his functions are redistributed between fan communities, algorithms and media platforms. Here, the artist is not a full-fledged subject, but only an interface; not a performer, but an assemblage points of collective projections and synthetic voices. The paradox of the virtual artist is that his absent physicality becomes a source of symbolic productivity: the less he is “embodied”, the more active the creative cooperation around him becomes. In addition, the phenomenon of the virtual artist shows the theoretical flaws of traditional ideas about creativity, communication and creative subjectivity in the context of a new online culture.

Keywords: virtual artist, collective creativity, Hatsune Miku, Vocaloid, networked creativity, posthumanism

Современное общество характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые кардинально изменяют способы взаимодействия, коммуникации и креативности. В условиях глобальной цифровизации традиционные формы творчества трансформируются, уступая место новым, инновационным подходам. Одним из наиболее значимых аспектов подобного процесса является возникновение и развитие сетевого творчества. Его значимой формой выступает коллективное создание контента, в рамках которого пользователи взаимодействуют через общие цифровые платформы. Такой подход позволяет людям по всему миру

совместно работать над проектами, обмениваться идеями и создавать уникальные произведения, которые невозможно было бы реализовать в одиночку.

В этом контексте особое внимание привлекают виртуальные артисты – аватары-исполнители, созданные с использованием передовых технологий, они демонстрируют, как цифровые платформы и искусственный интеллект могут способствовать развитию коллективного творчества в глобальном масштабе. Виртуальные артисты не только изменяют традиционные способы создания и восприятия произведений культуры, но и открывают новые возможности для взаимодействия и сотрудничества между пользователями, технологиями и контентом. Важно проанализировать вклад виртуальных артистов в процессы коллективного творчества, включая их влияние на взаимодействие между пользователями, технологиями и контентом, и понять, как именно они способствуют формированию сообществ и стимулируют совместное творчество.

Цель данного исследования – проанализировать феномен виртуальных артистов как форму коллективного сетевого творчества и изучить их влияние на процессы совместного создания контента, их влияние на культуру сетевого творчества, включая анализ изменения подходов к созданию и восприятию музыки на примере японской виртуальной певицы Хацунэ Мики (Hatsune Miku).

Термины «виртуальный артист» и его коллективный аналог «виртуальная группа» впервые упоминаются в начале 2000-х на фоне популярности британского проекта Gorillaz самими же его создателями [4]. Несмотря на отсутствие чёткого академического определения этого термина в научной среде на основе анализа существующих проектов и публикаций в СМИ, виртуальных артистов можно определить как музыкальных исполнителей или группы, члены которых представлены в виде анимационных персонажей или виртуальных аватаров, созданных с помощью современных цифровых технологий. Произведения, ассоциированные с такими артистами, исполняются реальными музыкантами и продюсерами, однако вся визуальная составляющая, включая видеоклипы, альбомы и сценические выступления, полностью реализуется только в цифровом или визуальном (виртуальном) формате. Виртуальные артисты могут быть официально признаны

авторами и исполнителями своих произведений, хотя их физическое существование не подтверждено. Этот феномен качественно размывает границы между реальностью и вымышленным миром, предлагая новые формы взаимодействия с аудиторией и трансформируя представление о творчестве, авторстве и идентичности в музыкальной индустрии.

Подобный концепт исполнителя, существующего вне физической реальности, впервые был продемонстрирован в 1958 году американским композитором и музыкантом Россом Багдасаряном, создавшим проект «Элвин и Бурундуки», который представлял из себя анимационное изображение поющих бурундуков, для звучания которых композитор использовал ускоренные записи собственного голоса для достижения эффекта «голоса бурундука». В дальнейшем эта практика обрела популярность и было создано множество проектов. Наиболее известными примерами являются группа Gorillaz и анимационный персонаж, лягушонок-певец Crazy Frog.

Несмотря на то, что такие проекты стали важным этапом в развитии феномена виртуальных артистов, они всё же сохраняли элементы традиционного авторства. За визуальным и музыкальным обликом, как правило, стояли конкретные создатели, которые, несмотря на сотрудничество с другими авторами, сохраняли статус основного творческого центра. Приводя в качестве примера вышеупомянутых Gorillaz, исследовательница Шара Рамбарран подчёркивает, что виртуальные группы начала 2000-х опирались на «определённый авторский контроль» [3, с. 151], и даже при использовании анимации и цифровых медиа вектор креативности всё ещё «был сосредоточен в руках небольшой команды» [Там же]. Несмотря на эффект вовлечённости зрителя в мир виртуального исполнителя, она все еще остается в рамках заранее сконструированной иерархии, а аудитория выступает больше потребителем, чем соавтором процесса.

Ситуация радикально изменилась с изобретением вокалоидов, в особенности японской виртуальной певицы Хацунэ Мику. Она была разработана в 2007 году компанией Crypton Future Media на базе технологии вокального синтеза Vocaloid 2, созданной корпорацией Yamaha. Её голос собран из фрагментов реального вокала японской актрисы Саки Фудзиты, оцифрованных и разбитых на

фонемы, которые пользователь может комбинировать в произвольные фразы и мелодии. Но критически важным оказался не только голос прототипа, но и его визуальный образ – молодая девушка с бирюзовыми волосами, нарисованная художником KEI. Как подчёркивают немецкие исследовательницы Мелисса-Лили Арендт и Наталия Новак, «именно благодаря аватару программа Vocaloid распространилась по всему миру через интернет» [1, с. 175].

Таким образом, Мику изначально задумывалась не просто как программный продукт, но как особая культурная оболочка, открытая для последующего визуального и содержательного наполнения. В отличие от предыдущих вокалоидов, которые представляли собой чисто технические инструменты, Мику была представлена как персонаж, к которому можно относиться как к исполнителю, героине, медиаперсоне. Этот образ был быстро принят сообществом фанатов и начал стремительно развиваться – уже не как продукт компании, но как совместное воображаемое, коллективный медиапроект.

Концепция коллективного сетевого творчества в случае Мику базируется на принципиальном сдвиге от линейной модели производства к модели распределённого, децентрализованного творчества. Мику, как персонаж, не принадлежит какому-либо единому автору или продюсеру, а представляет собой своего рода платформу, в рамках которой фанаты, программисты, композиторы, аниматоры и художники уже совместно создают её «тело», «голос» и «репертуар». Исследователь Рафаль Заборовски подчёркивает, что вокалоид «не является ни человеком, ни полноценным персонажем... и уж точно не персоной в классическом смысле слова. В отличие от «невиртуального» кумира, виртуальный идол выигрывает от отсутствия физической оболочки... культурный обмен между продюсерами и аудиторией носит коэволюционный характер» [5, с. 112].

Творчество Мику – это не просто работа фанатов на готовом материале, а полноценный совместный процесс. Как отмечает Томас Коннер, «всё, что она исполняет, написано инновационной сетью фанатов-контентмейкеров» [2, с. 130]. Эти фанаты не просто публикуют свои версии песен, они формируют саму идентичность Мику. Она – не персонаж, которому пишут песни, а фигура, чьё существование возможно только благодаря «коллективному труду» [2, с. 131].

Ключевой элемент этого коллективного творчества – свободный доступ к образу и голосу Мику. С этой целью разработчики запустили систему лицензирования PiaPro, позволяющую не только некоммерчески использовать облик Мику, но и создавать на его основе производные произведения без оплаты: «Каждому разрешено трансформировать и воссоздавать образ Хацунэ Мику в некоммерческих целях и создавать производные работы... Создатели свободно пишут музыку для Vocaloid и выкладывают её на видеохостингах» [5, с. 116].

При этом подобные платформы играют роль не просто места размещения контента, а становятся пространством коллективного взаимодействия. Это социальная среда, где каждый клип или песня может быть осмыслена, переделана, прокомментирована – в режиме живого диалога с другими участниками сообщества. Сам формат этой платформы способствует эффекту «виртуального соучастия» и позволяет воспринимать творчество как коллективный поток, а не как замкнутое произведение.

В этом смысле коллективное творчество Хацунэ Мику приобретает черты подлинной децентрализации. По мнению Томаса Коннера, «виртуальный поп-идол <...> создаётся, озвучивается и визуализируется, как правило, в результате коллективного труда» [2, с. 131]. Подростки, вовлечённые в создание контента, воспринимают этот процесс как альтернативу традиционной музыкальной индустрии. Рафаль Заборовский в своей книге «Music Generations in the Digital Age: Social Practices of Listening and Idols in Japan» приводит мнение молодого человека, которое можно считать основой философии коллективного сетевого творчества: «Это просто много талантливых людей, которые используют программу, чтобы радовать всех. Им не нужно проходить через индустрию – они просто выкладывают контент» [6, с. 171].

Таким образом, феномен Хацунэ Мику позволяет по-новому взглянуть на специфику трансформации культурного производства в условиях цифровой эпохи. Здесь мы наблюдаем переход от модернистского понимания авторства – как индивидуального, автономного акта – к постчеловеческой модели распределённого творчества, где границы между автором, медиумом и аудиторией значительно размываются. Виртуальные артисты выступают не

просто как технологический феномен, но как индикаторы определенных изменений в культуре: они воплощают собой узлы сетевого взаимодействия, в которых параллельно сосуществует *человеческое* и *нечеловеческое*, *программное* и *социальное*, *визуальное* и *звуковое* и т.д.

В этой перспективе виртуальный артист не является ни исполнителем в классическом смысле, ни полностью вымышленным персонажем. Он представляет собой особую медиаплатформу, интерфейс для коллективного участия, символ децентрализованного субъекта, который формируется и обновляется в непрерывном процессе сетевого сотворчества. Такой субъект, лишённый фиксированной идентичности, но наделённый символическим и эмоциональным резонансом, становится носителем нового типа креативности – распределённой, открытой и коэволюционной.

Случай Хацунэ Мику наглядно демонстрирует, как технологии вокального синтеза, цифровые визуализации и механизмы лицензирования создают условия для радикального пересмотра традиционных понятий «автор», «произведение» и «аудитория». Как указывает Рафаль Заборовски, вопрос «с кем сотрудничает пользователь, если он сам композитор?» [5, с. 112] получает принципиально новый ответ: не с конкретным лицом, а с анонимным, но продуктивным коллективом, чьё творчество структурируется не иерархически, а по принципу открытой сети.

Таким образом, виртуальных артистов следует рассматривать не только как новый тип культурных объектов, но и как медиаторов теоретических вызовов, с которыми сталкивается современная гуманитарная мысль: размывание границ между человеком и технологией, преодоление отчуждения, перераспределение авторства, превращение культуры в открытую систему взаимодействий. Хацунэ Мику, как пример, демонстрирует потенциал этих изменений, становясь эмблемой цифровой эпохи – эпохи, в которой творчество перестаёт быть исключительным актом индивидуального гения и становится коллективной практикой, распределённой во времени, пространстве и медиаплатформах.

Список литературы

1. Арендт М.-Л., Новак Н. Виртуальный артист. Vocaloid и эксперимент по его восприятию // Наука телевидения. 2021. №17.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnyy-artist-vocaloid-i-eksperiment-po-ego-vospriyatiyu> (дата обращения: 06.04.2025).
2. Conner T. Hatsune Miku, 2.0 Pac, and Beyond. Rewinding and Fast-Forwarding the Virtual Pop Star // The Oxford Handbook of Music and Virtuality. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 129–147.
3. Rambarran S. “Feel Good” with Gorillaz and “Reject False Icons”. The Fantasy Worlds of the Virtual Group and Their Creators // The Oxford Handbook of Music and Virtuality. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 148–165.
4. Whitley S., Rambarran S. etc. The Oxford Handbook of Music and Virtuality. Oxford: Oxford University Press, 2016.
5. Zaborowski R. Hatsune Miku and Japanese Virtual Idols // The Oxford Handbook of Music and Virtuality. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 112–128.
6. Zaborowski R. Music Generations in the Digital Age: Social Practices of Listening and Idols in Japan. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2024.

СТРАТЕГИИ РЕКОНСТРУКЦИИ СУБЪЕКТА

Александр В. Бойко
*Аспирант кафедры философии
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация*

Аннотация. Определение статуса человека является одной из актуальных задач современной философской антропологии. Для решения этой задачи производится реконструкция понятия субъекта в философском дискурсе Модерна. В качестве оснований для реконструкции сравниваются понятия субъективности и субъектности. В результате сравнения устанавливается прямо противоположный смысл субъективности и субъектности. На основании этого, утверждается необходимость формирования холистической концепции субъекта, которая позволила бы соединить субъективность и субъектность.

Ключевые слова: субъект, человек, субъективность, субъектность.

STRATEGIES OF RECONSTRUCTION OF THE SUBJECT

Alexander V. Boyko
*Post-graduate student
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation*

Abstract. Determining a human's status is one of the urgent goals of modern philosophical anthropology. To solve this problem, the concept of the subject in the philosophical discourse of Modernity is reconstructed. The concepts of sub-

jectivity and agency are compared as the basis for reconstruction. As a result of the comparison, the opposite meaning of subjectivity and agency is established. Based on this, it is argued that it is necessary to form a holistic concept of the subject, which would allow combining subjectivity and agency.

Keywords: subject, human, subjectivity, agency.

В философской мысли эпохи Модерна ключевым аспектом осмысления человека выступало представление последнего в качестве субъекта. Важность этого представления трудно переоценить. Впоследствии мыслители, занимавшиеся переосмыслением наследия философской традиции Модерна, основывали свою критику на деконструкции субъекта. По итогу, одной из важнейших концепций второй половины XX в. стала так называемая «смерть субъекта», которая ставит перед современной философской антропологией ряд серьёзных вопросов. Действительно ли попытки мыслить человека в качестве субъекта более не представляются актуальными, и как тогда мы можем мыслить о человеке иначе?

Ответ на первый вопрос не является однозначно отрицательным, как можно было бы полагать. Понятие субъекта все еще активно употребляется современными мыслителями, причем не только теми, кто критично относится к философии постструктурализма, но и теми, кто во многом опирается на работы постструктуралистов. Любопытным примером является постгуманизм, который постулирует «смену человека постчеловеком», что означает признание в качестве субъектов не-человеческих существ (животных, экосистем, машин). Эта установка не отвергает человеческий статус субъекта, но при этом упирается в проблему полного размытия субъекта. Традиционная для философии модерна оппозиция «субъект-объект» устанавливала принципиальное различие между человеком и не-человеческими существами, но если отбросить это различие, то само понятие субъекта лишается своего исходного значения, а его смысл становится вовсе не ясным. Эта непрояснённость субъекта и представляется собой самую суть проблемы современной философской антропологии, которая требует своего разрешения.

Однако, складывается впечатление, что любые попытки прояснить значение понятия субъекта заходят в тупик. Обращаясь к

истории понятия субъекта в философии Модерна наше внимание привлекает оппозиция «субъект-объект», первой итерацией которой можно считать картезианское разделение между *res cogitans* и *res extensa*. При этом важно отметить, что в работах самого Р. Декарта понятие субъекта отсутствует, а сам термин в философский дискурс Модерна введёт И. Кант. Сама эта оппозиция устанавливает разделение между человеком, как мыслящим существом, и материальными вещами. Конечно, не следует забывать про картезианское *cogito*, которое отсылает нас к «Я». Но само «Я» оказывается тупиком, которое, справедливо признаётся в качестве субъекта, но при этом не позволяет нам более ясно взглянуть на сущность субъекта. Впоследствии эту мысль отлично выразить Гегель: «“Я” есть только всеобщее “я”, так же как “теперь”, “здесь” или “это” вообще; я подразумеваю, конечно, некоторого единичного “я”, но подобно тому, как я не могу выразить словами, что я подразумеваю под “теперь”, “здесь”, точно так же я не могу выразить словами, что я подразумеваю под “я”» [1, с. 57]. Однако, если возможно выделить нечто, способствующее прояснению вопроса из оппозиции «субъект-объект», то в качестве такового следует выделить ассоциацию человека с субъектом, хотя наверняка найдутся те, кто станет оспаривать данное утверждение.

Но даже если взять человека в качестве отправной точки прояснения вопроса, мы столкнёмся с двусмысленностью, которая усложняет нашу задачу. Эта двусмысленность находит точное выражение в нашем языке. Когда речь заходит о человеке в качестве субъекта, речь идёт либо о его субъективности, либо о его субъектности. Оба термина отсылают нас к субъекту, но при этом имеют различную коннотацию. Под субъективностью принято понимать особенности, связанные с индивидуальными представлениями и ценностями человека, его восприятием и чувствами, иначе говоря, субъективность есть выражение познавательных способностей и способностей суждения. Под субъектностью обычно понимают способность человека действовать и принимать решения, для которой особое значение имеет воля. Этот термин является синонимичным агентности («agency»). Если пытаться проводить реконструкцию понятия субъекта, исходя из этих понятий раздельно, то станет очевидным, что результат будет принципиально отличаться

ся. Так, субъект реконструируемый по линии субъектености будет мыслиться через активность, и ключевым понятием для прояснения его сущности станет действие.

Если же исходить из субъективности, то определить исходную категорию для описания субъекта становится более трудной задачей. Я полагаю, что категорией является аффекция. Если обратиться к «Критике чистого разума» Канта, которая может быть охарактеризована как работа, исследующая субъективность субъекта, то мы обнаружим, что кантовский анализ начинается с утверждения о том, что предмет аффегируют душу, а сама способность души воспринимать представления подобным образом называется чувственностью [3, с. 49]. Саму возможность аффегии пытался объяснить М. Хайдеггер. Он утверждал, что сама аффегия возможна лишь за счёт расположенности бытия-в-мире, которая делает возможной задетость миром [2, с. 137]. Можно вести дискуссии о том, какое понятие больше подходит для прояснения вопроса – аффегия, расположение или задетость – в любом случае, мы обнаружим, что субъект, реконструированный из понятия субъективности, будет характеризоваться своей пассивностью и открытостью к воздействию на него, что прямо противоположно субъекту другой линии реконструкции.

Вышеописанное противоречие реконструкций может показаться еще одним тупиком в попытках прояснить сущность субъекта, однако настоящая проблема заключается не в самом противоречии, но в попытке свести субъекта к чему-то единому. Очевидно, что сам субъект как сущность устроен более сложно. В настоящее время субъект требует холистического концептуального решения, а ключевая задача, стоящая перед исследователями, – это поиск путей синтеза проявлений субъекта в принципиально различных сферах.

Список литературы

1. Гегель. Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
2. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. 5-е изд. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
3. Кант. И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Академический проект, 2020. 567 с.

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ И НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОДЫ В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КНР

Данила Бурлаченко

*студент 2-го курса, направления подготов-
ки «Политология»,
философского факультета Института
«Таврическая академия»
КФУ им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*

Аннотация. В работе анализируются реалистический и нормативно-ценностный подходы к принятию политических решений на примере Китайской Народной Республики (КНР). Рассматриваются теоретические основы обоих подходов, их ключевые представители и особенности применения в контексте китайской политической практики. Через анализ конкретных примеров, таких как антиковидная политика, репрессии против технологических компаний (Alibaba) и политика в отношении Тайваня, выявляются черты реализма и нормативно-ценностного подхода. Особое внимание уделяется влиянию китайской философской традиции, включая идеи Сунь-цзы и Конфуция, на современные политические решения. В заключении формулируются выводы о соотношении и взаимодействии этих подходов в политике КНР.

Ключевые слова: Политический реализм, политические решения, реалистический подход, нормативно-ценностный подход, Китайская Народная Республика, Сунь-цзы, Конфуций.

REALISTIC AND NORMATIVE-VALUE APPROACHES IN MAKING POLITICAL DECISIONS ON THE EXAMPLE OF CHINA

Danila Burlachenko

*2nd year student, «Political science» program,
Faculty of Philosophy
V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

Abstract. The work analyzes the realistic and normative-value approaches to the adoption of political decisions on the example of the Chinese People's Republic (PRC). The theoretical foundations of both approaches are considered, their key representatives and features of application in the context of Chinese political practice. Through the analysis of specific examples, Such as zero-COVID policy, repressions against technological companies (Alibaba) and a policy in relation to Taiwan, the features of realism and normative-value approach are revealed. Particular attention is paid to the influence of the Chinese philosophical tradition, including the ideas of Sun Tzu and Confucius, on modern political solutions. In the conclusion, conclusions are formulated about the ratio and interaction of these approaches in the PRC policy.

Keywords: Political realism, political decisions, realistic approach, normative-value approach, People's Republic of China, Sun Tzu, Confucius.

В политической науке традиционно выделяют два подхода к принятию политических решений: реалистический, ориентированный на прагматизм и национальные интересы, и нормативно-ценностный, акцентирующий моральные и идеологические принципы. Данные подходы часто рассматриваются в контексте дихотомии политики и морали, что делает их изучение актуальным для анализа современных государств. Данная работа посвящена применению этих подходов к анализу политических решений Китайской Народной Республики (КНР), с учетом особенностей китайской политической и философской традиции.

Реалистический подход в политической науке подчеркивает приоритет национальных интересов, силы и прагматизма в принятии решений. Впервые идеи политического реализма встречаются у Никколо Макиавелли, чьи идеи о приоритете государственной власти нашли отражение в его труде «Государь», а Ганс Моргентау разработал теорию политического реализма в XX веке.

Важным примером реалистического подхода является «Реалполитик» Отто фон Бисмарка, где решения принимались на основе практических расчетов, а не идеалов. В контексте КНР реализм проявляется в стратегическом подходе к внешней и внутренней политике, где приоритет отдается стабильности и укреплению государственной власти.

Нормативно-ценностный подход акцентирует моральные и идеологические принципы в политике. «Зачатки нормативно-ценностного подхода можно найти уже в концептуальных положениях древнегреческих философов. Так, ядром политико-философской системы Платона является представление о счастье как о соответствии между социальными классами, функционалом и добродетелями. Если имеет место гармоничное сочетание классово-принадлежности – к правителям (философам), управляющим (воинам) или производителям (ремесленникам и земледельцам) с функционалом, вытекающим из места в стратификационной структуре (правление, управление и производство соответственно), и добродетелями (мудрость, мужество и послушание соответственно), то речь идет о счастье» [1, с. 3].

Развитие этического подхода происходит у Аристотеля: «Для Аристотеля политика – это наука о высшем благе человека и государства. Целью политики является счастье и благосостояние человека и полиса. В данной трактовке трудно не увидеть синкретизм: политика, хотя и является самостоятельной сферой, но в то же время немыслима без морали и экономики» [1, с. 3].

Также к этому подходу близки идеи Иммануила Канта, подчеркивавшего роль морали в международных отношениях. В случае КНР нормативно-ценностный подход проявляется в апелляции к социалистическим ценностям, конфуцианским принципам гармонии и идеологии «социализма с китайской спецификой».

Анализ политических решений КНР требует учета ее философских традиций. Сунь-цзы в своем трактате «Искусство войны» подчеркивал стратегический расчет и гибкость, что соответствует реалистическому подходу. В то же время конфуцианская философия, акцентирующая гармонию, долг и моральное правление, влияет на нормативно-ценностные аспекты политики КНР. Роль конфуцианства можно проследить в политических решениях КНР,

особенно это видно при проецировании цитат Конфуция на китайскую политику:

- «Я познаю все с помощью одной истины». У современного Китая есть «одна истина» – процесс становления полноценной сверхдержавой, какой он был в незапамятные времена, а следовательно, «познать все с помощью» этой «одной истины»;

- «Как на небе не может быть двух солнц, так и у народа не может быть двух правителей». Исходя из этого, у человечества не может быть несколько правителей, должен быть один правитель, и это, безусловно, Китай;

- «Платить добром за зло – нелепость». Этот принцип реализуется в торговых отношениях Китая с странами-соседями.

Эти традиции формируют уникальный синтез, который проявляется в современных политических решениях. Рассмотрим влияние реалистического и нормативно-ценностного подходов в принятии политических решений КНР:

Первым рассматриваемым политическим решением будет политика «нулевой терпимости к COVID-19» Китая: «С самого начала пандемии китайское руководство предприняло целый ряд мер, основанных на «нулевой терпимости к COVID-19»: 1) ПЦР-тестирование на наличие коронавируса, включая тех, у кого отсутствуют симптомы или не было контактов с инфицированными; 2) регулярное измерение температуры; 3) введение локдаунов, закрытие предприятий, самоизоляция и ограничение передвижения; 4) социальные выплаты, снабжение продуктами питания людей, находящихся в изоляции; 5) отслеживание контактов, карантины; 6) отмена развлекательных мероприятий, закрытие туристических объектов; 7) обязательное ношение медицинских масок; 8) переход на удалённую работу (online); 9) создание «кодов здоровья»; 10) усиление юридической ответственности больных за нарушение противоэпидемиологических норм и правил. Главная цель принимаемых решений и совершаемых действий центральными, региональными и местными властями Китая в соответствии с «политикой нулевого COVID-19» заключалась в локализации пандемии, сокращении числа заболевших, сохранении жизни людей. Причём последнее представляется наиболее важным, что находит яркое выражение в низком уровне смертности от коронавируса» [2, с. 3].

Политика «нулевой терпимости к COVID-19» демонстрирует нормативно-ценностный подход, поскольку предпринимаемые меры по защите населения оказались экономически неэффективны и привели к закрытию предприятий и снижению фабричного производства.

Другим политическим решением выступает давление на компанию Alibaba, начавшееся в 2020 году, что отражает стремление государства усилить контроль над крупным бизнесом. Одним из ключевых событий стала отмена IPO (первичного публичного размещения акций) финансового подразделения Alibaba – Ant Group. Это решение было связано с желанием властей ограничить влияние технологических гигантов на экономику и предотвратить возможные угрозы политической стабильности.

Репрессии против Alibaba включали антимонопольные штрафы и новые законы, регулирующие деятельность технологических компаний. Например, в 2021 году Alibaba была оштрафована на 2,8 миллиарда долларов за нарушение антимонопольного законодательства. Эти меры позволили государству укрепить контроль над сектором, используя зависимость компаний от внутреннего рынка и государственной поддержки. Такие действия подчеркивают реалистический подход КНР, направленный на минимизацию рисков для власти.

В отношении Тайваня Китай прибегает к использованию обоих подходов. Как писал Сунь-цзы: «Метод использования войск следующий: наилучшее – сохранить столицу государства (врага), на втором месте – разрушить его столицу. Наилучшее – сохранить его армию, на втором месте – разбить ее. Наилучшее – сохранить соединения врага, на втором месте – уничтожить их. Наилучшее – сохранить подразделения врага, на втором месте – уничтожить их. Наилучшее – сохранить “пятерки” врага, на втором месте – уничтожить их. Поэтому одержать сто побед в ста сражениях – это не вершина превосходства. Подчинить армию врага не сражаясь – вот подлинная вершина превосходства» [3, с. 3–4].

Эта цитата отражает стратегический принцип достижения целей с минимальными потерями через дипломатические, экономические и психологические методы, а не через разрушительную войну. В контексте политики КНР по отношению к Тайваню данный

принцип интерпретируется как стремление к воссоединению без военного конфликта, что соответствует реалистическому подходу, акцентирующему национальное единство и геополитическую мощь. Как пример, КНР использует военные учения вокруг Тайваня, такие как крупные маневры в море и воздушном пространстве в 2022 и 2023 годах, для демонстрации силы, но избегает прямых боевых действий. Это создает психологическое давление, побуждая Тайвань к переговорам или уступкам без необходимости разрушать его инфраструктуру или армию. Вместе с тем используются методы нормативно-ценностного подхода, такие как риторика о воссоединении Родины и исторической справедливости.

Исходя из анализа, реалистический и нормативно-ценностный подходы в политике КНР не являются взаимоисключающими, а взаимодополняют друг друга. Реалистический подход обеспечивает прагматичное достижение целей, таких как стабильность и национальная безопасность, тогда как нормативно-ценностный подход легитимизирует эти действия через апелляцию к идеологии и традициям. Синтез этих подходов, подкрепленный китайской философской традицией, формирует уникальную модель принятия политических решений в КНР, что требует дальнейшего изучения в контексте глобальных политических процессов.

Список использованной литературы

1. Зубов В.В. Немецкая доктрина «Realpolitik» сквозь призму современной мировой политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. №1. С. 100–107.
2. Мезенцев С.Д., Бернюкевич А.А. О воздействии «Политики нулевого COVID-19» на экономическую и финансовую системы Китая // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19. №1. С. 85–93.
3. У-Цзин. Семь военных канонов Древнего Китая / Пер. с кит. и коммент.: Ральф Д. Сойер. СПб.: Издательская группа «Евразия». 2001. 478 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕКСТОВ ТИПА МАНИФЕСТ В ПОЗДНЕМ МОДЕРНЕ

Дмитрий Г. Валуев

*старший преподаватель кафедры основ
российской государственности
КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь
Email: dgvaluev@gmail.com*

Аннотация. В тексте рассматривается трансформация жанра манифеста в условиях позднего Модерна и сетевой культуры. Отмечается кризис классической манифестарной формы, вызванный утратой ее мобилизующей и трансформативной силы в эпоху мгновенной реактивности и информационного шума. Автор анализирует новые формы манифеста, сохраняющие философский и культурный потенциал, несмотря на отказ от декларативности и обращённости к уже готовой аудитории. Особое внимание уделяется текстам, способным не просто вызывать отклик, но создавать условия для замедленного мышления, переосмысления и формирования новой субъектности.

Ключевые слова: манифест, поздний Модерн, реляционная сеть, трансформация публичности, философская манифестация.

THE TRANSFORMATION OF MANIFESTO-TYPE TEXTS IN LATE MODERNITY

Dmitry G. Valuev

*Senior Lecturer, Department of Foundations
of Russian Statehood
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol
Email: dgvaluev@gmail.com*

Abstract. This paper explores the transformation of the manifesto genre in the context of late Modernity and networked culture. It highlights the crisis of the classical manifesto form, caused by the loss of its mobilizing and transformative power in an era of instantaneous reactivity and informational noise. The author analyzes new forms of manifestos that retain philosophical and cultural potential despite abandoning declarativity and direct address to a pre-defined audience. Special attention is given to texts capable not merely of eliciting a response but of creating conditions for slowed-down thinking, re-evaluation, and the formation of new subjectivities.

Keywords: manifesto, late Modernity, relational network, transformation of publicity, philosophical manifestation.

Манифест – это жест культуры, с помощью которого утверждалось нечто новое в попытке обосновать своё место в мире устоявшихся форм современной жизни. В XX веке манифест ритуализировался, став неотъемлемым элементом общественной жизни: к нему прибегают политические партии и общественные движения, крупные корпорации и стартапы, блогеры и лидеры общественного мнения. Однако если прежде манифесты могли мобилизовать общественные массы, становиться актом рождения новых культурных и социальных явлений, то сегодня их прагматика ослабла. Конец XX – начало XXI века, эпоха позднего Модерна, словно глушит их воздействие, подрывая манифестарный посыл или принижая их значимость и роль в культурной и общественной жизни. Развитие новых медиа и интернет-коммуникаций превращает манифесты в часть большого информационного шума, погружая их в пучину неконтролируемой сети реляций позднего Модерна.

Как возможен манифестарный жест в условиях сети реляций, где отклик публики стал мгновенным и зачастую ритуализированным? Возможно ли создание текста, который будет не просто провоцировать реакцию, но задерживать её – тем самым открывая пространство для метанойи [5], преобразования мышления, необходимого для восприятия манифеста?

Радикальная трансформация публичного пространства сопровождается обострением его реактивности. Сетевые алгоритмы способствуют ускоренной циркуляции и обесцениванию высказываний: пародия, автоматизированный репост и ситуативное вовлечение подменяют длительное размышление. В таких условиях

классическая форма манифеста сталкивается с кризисом: вместо инициирования – моментальная утилизация.

Классическая манифестарная форма строится на взаимодействии двух компонентов: малой и большой форм. Малая форма – это импульс, лозунг, провокация; она несёт в себе символический заряд, способный мобилизовать или шокировать. Большая форма – это развернутое рассуждение, структурированный текст, в котором субъект артикулирует своё историческое положение и предлагает трансформативный проект. Сочетание этих форм позволяло манифесту выполнять двойную функцию – быть одновременно событием и программой, вызовом и системой. От футуристических деклараций до философских проектов зрелого Модерна – манифест сохранял свою трансформативную потенцию именно благодаря этой двойственности.

В конфигурации позднего Модерна мы наблюдаем вырождение большой формы. Современные идеологические манифесты, такие как «Манифест нового народного интернационализма» [7] или «Предвыборный манифест 2024» [9], формально следуют канону, но лишены подлинной трансформативной силы. Они замыкаются на уже существующем адресате, не провоцируя мышление, а лишь подтверждая идентичность. Эти тексты функционируют как ритуалы: они не изменяют, а воспроизводят. Классическая формула манифеста – «Если X есть Y, то должно Z» [4] – теряет свою действенность. В ней больше нет перехода от онтологического к этическому, от описания к призыву. Манифестарное высказывание теряет напряжение между утверждением и обязанностью, превращаясь в жест самоподтверждения, а не интервенции.

Однако отказ от традиционного манифеста не равнозначен отказу от манифестации как таковой. Напротив, мы наблюдаем формирование новых форм, в которых сохраняется, а порой даже усиливается манифестарный потенциал. Такие тексты, как «Манифест медленной науки» [1], «Хакерский манифест» [2], «Похищение Европы 2.0» [3], а также работы Квентина Мейясу [8], Донны Харауэй [10] и Бруно Латура [6], представляют собой манифесты парадигмального перехода. Эти тексты не апеллируют к уже существующей публике – скорее, они её производят. Их цель – не мобилизация, а трансформация эпистемологических и онтологи-

ческих координат. Они трудночитаемы – и именно это делает их манифестами: они требуют усилия, времени, философской аскезы. Их стратегия – не ускорение, а сбой; не призыв, а концептуальное прерывание. Манифестарность этих текстов заключается не в декларативности, а в изобретении рамок, внутри которых возможно новое мышление. Они не опираются на мгновенный отклик, а прерывают его автоматизм. Они создают не эффект возбуждения, а пространство переосмысления.

Таким образом, манифестарная форма в условиях позднего Модерна не исчезает, а трансформируется. Она выживает там, где происходит отказ от мгновенной реактивности, где текст создаёт условия замедления, а публика не предполагается заранее, но конституируется в самом акте чтения и мышления. Будущее манифеста – в его способности становиться схемой мышления, а не лозунгом. Манифест сегодня – это философский и культурный жест, направленный на формирование новых онтологических и эпистемологических условий. Его задача – не возбудить, а преобразовать. Не интерпретировать мир – но моделировать топологии, в которых новое мышление становится возможным.

Список литературы

1. Slow Science Manifesto / пер. с англ.: А. Плешкова и А. Русанова. URL: <http://slow-science.org/slow-science-manifesto.pdf> (дата обращения 15.01.2025).
2. Wark M. A Hacker's Manifesto. URL: <https://edu.anarcho-copy.org/A%20Hacker%27s%20Manifesto.pdf> (дата обращения 15.04.2025).
3. Богомолов К. Похищение Европы 2.0 / К. Богомолов. Новая газета. 2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/02/10/89120-pohischenie-evropy-2-0> (дата обращения 15.04.2025).
4. Валуев, Д. Г. «Манифест» как предмет философского исследования // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 1(62). С. 115–122.
5. Как действует философия / Л. Т. Рыскельдиева, О. В. Зарапин, Е. Г. Шкорубская, Д. Г. Валуев. М.: ООО «АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ», 2023. 319 с.
6. Лагур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; Научн. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 296 с.
7. Манифест нового народного интернационализма в Европе. Strategic Group Sofia. URL: <https://sg-sofia.com.ua/manifest-novogo-narodnogo-internazionalizma-v-evropi> (дата обращения 15.01.2025).

8. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2016. 196 с.

9. Предвыборный манифест 2024. European Left. URL:<https://www.european-left.org/wp-content/uploads/2024/05/Manifesto-Russian.pdf> (дата обращения 15.04.2025).

10. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / пер. с англ. под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 322–377.

НЕ-ЧЕЛОВЕК В МИРЕ: СПОСОБЫ ВЫЖИВАНИЯ

Анна А. Волкова

*кандидат философских наук, преподаватель
Российский государственный
гуманитарный университет, Московский
институт психоанализа
Москва, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается экологический аспект проблемы сосуществования человека и нечеловеческих существ. Одним из вариантов ее решения может быть пересмотр подхода к пониманию положения самого человека в мире. В этой связи можно отметить две различные оптики, не дополняющие, а скорее противоречащие друг другу. Одной из них является гуманистический подход к человеку, а второй – антропоцентристская установка. Антропоцентризм понимается как эпистемологическая и онтологическая первичность человека. Она же выносит человека за пределы мира, замыкая его на себе. Гуманистический подход скорее акцентирует внимание на том, что человек уникальное существо, но не противопоставленное миру.

Экологическая проблематика продуцирует разнообразные подходы к пониманию связи человека, мира и нечеловеческих существ. Общим концептуальным основанием этих подходов является сетевая форма коммуникации человека и окружающего его пространства и различных его акторов. Таковы подходы Т. Мортонa, А. Несса. Эти идеи направлены на преодоление антропоцентризма, который в свою очередь восходит к теории *умwelt*-та (жизненного мира) Я. фон Иксюля.

Ключевые слова: человек, гуманизм, антропоцентризм, экологическая философия, *умwelt*.

A NON-HUMAN IN THE WORLD: WAYS TO SURVIVE

Anna A. Volkova

PhD, teacher

*Russian State University for the Humanities,
Moscow Institute of Psychoanalysis
Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article considers the ecological aspect of the problem of human and non-human coexistence. A revision of the approach to understanding the position of human in the world maybe one of the ways to solve this problem. In this regard two different optics can be outlined which do not complement but rather contradict each other. One of them is the humanistic approach to human, and the second one is an anthropocentric attitude. Anthropocentrism is understood as the epistemological and ontological primacy of human. It takes a human out of the world, closes it on himself. The humanistic approach rather focuses on the fact that human is a unique being but not opposed to the world.

Environmental issues produce diverse approaches to understanding the connection between humans, the world, and non-human beings. The general conceptual basis of these approaches is the network form of communication between a human and the surrounding space and its various actors. These are the approaches of T. Morton and A. Naess. These ideas are aimed at overcoming anthropocentrism, which in turn goes back to the theory of *Umwelt* (the life world) by J. von Uexkull.

Keywords: human, humanism, anthropocentrism, ecological philosophy, *Umwelt*.

Сегодня проблема бытия человека в мире не утрачивает своей актуальности. Человек воспринимается как живущий в мире, в котором он всегда окружен различными акторами. В этом плане одним из аспектов жизни человека являются различные варианты его взаимодействия с множеством нечеловеческих существ. К таковым можно отнести и все разнообразие биологических существ, и технику, и многочисленные сложные объекты (рынок, бюрократия), и т.д. Исследования различных форм коммуникации человека и окружающего его (не)человеческого мира позволяют сформировать более емкое понимание и самого человека, понять специфику его природы. На сегодняшний день в рамках социально-гуманитарного знания складывается традиция исследования подобного рода

отношений человека и нечеловеческих существ. Особое место в этой традиции занимают объект-ориентированная теория, разрабатываемая Б. Латуром, М. Каллоном, новые подходы, возникающие в антропологии, а также многочисленные исследования, которые посвящены экологической проблематике (Т. Мортон) и т.д.

Все эти исследования и подходы анализируют различные аспекты взаимодействия людей и нечеловеческих существ. При этом можно отметить, что одним из ключевых вопросов здесь оказывается антропоцентристская установка, определяющая отношения между людьми и нелюдьми. Она формирует определенные способы восприятия и структуру подобных отношений, воспринимая человека как некоторую нулевую эпистемологическую, а как следствие и онтологическую точку. Иными словами, человеческое восприятие мира становится способом его структурирования. Многие исследовательские направления, касающиеся вопросов межвидового взаимодействия, зачастую оставляют проблему антропоцентризма без детального рассмотрения. Так, к примеру Э. Кон критикует подход Б. Латура за то, что он не учитывает иной способ репрезентации мира, свойственный нечеловеческим существам [2, с. 146–147]. Латур переносит человеческую (антропоцентристскую) оптику на нечеловеческие существа, не принимая во внимание специфики иных форм и способов понимания мира. Однако антропоцентристский вопрос оказывается сегодня все более актуальным, в том числе и потому, что непосредственно связан с продолжающимся сегодня кризисом гуманизма.

Дискуссия о ценности человека и понимании человеческой природы активизировалась в послевоенные годы XX столетия, а одним из ярких свидетельств ее стала полемика Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера. Так, Сартр обосновывает экзистенциальную ценность человека через свободу и ответственность [4], а Хайдеггер через открытость бытию [5]. Оба автора говорят о необходимости переопределения гуманизма посредством пересмотра самой природы человека. Эта полемика также приводит к необходимости различения гуманизма и антропоцентризма. Гуманистическую установку можно рассматривать как ту, которая демонстрирует неотъемлемую связь человека и мира, проявляющуюся в заботе человека о самом себе и, как следствие, о мире, в котором он живет,

обо всем разнообразии многочисленных нечеловеческих существ. Антропоцентризм же выводит человека за пределы мира, выстраивая между человеком и миром некоторую стену. Мир воспринимается как существующий для человека, но человек же живет не для мира, а для себя. Гуманистическая оптика открывает человека миру, подразумеваю ту коннотацию их отношений, которой лишен антропоцентризм, а именно некоторый оттенок направленности человека во вне себя, экстатичности.

Помимо Сартра и Хайдеггера многие философские направления XX столетия посвящают себя этому поиску нового обоснования гуманизма, главным образом через раскрытие темы другого. Этому посвящен диалогизм М. Бубера, религиозный экзистенциализм Г. Марселя, этические идеи Э. Левинаса, герменевтика П. Рикера и многие другие. Однако и здесь сама направленность этих исследований обусловлена тем противоречием, которое возникает на тот момент в культуре: кризис гуманизма в совокупности с антропоцентристской установкой. Иными словами, восприятие человека как центрального субъекта этого мира не исчезает вместе с его ценностной характеристикой. Экологическая проблематика сегодня сильнее прочих ощущает эту проблему: она сталкивается с антропоцентристской установкой, которая не предлагает ее разрешения, а только усиливает контраст между человеком и миром. Однако возможно ли ее преодоление? Или же экологическая проблематика, которая непосредственно открывает вопрос выживания как нечеловеческих существ, так и самого человека, обречена на невозможность разрешения?

Исследование особенностей восприятия мира различными существами уже давно интересует многих авторов. Можно сказать о том, что в гуманитарное пространство мысли эту проблематику привнес немецкий биолог, натурфилософ и основатель биосемиотики Я. фон Икскуль. В своей работе «Путешествие в окружающие миры животных и людей» он подробно описывает процесс формирования окружающего мира различных видов существ. Так описание различных физиологических особенностей клеща или морского ежа приводят автора к мысли о том, что каждое живое существо создает свой *Umwelt* (жизненный мир), который является продуктом его субъективности. «Каждый субъект, словно ткущий

нити паука, выстраивает отношения, связывающие его с определенными свойствами вещей, и выплетает из них прочную сеть, на которой держится его бытие» [1, с. 37]. Каждое существо реагирует на те внешние условия, которые наделяются некоторой значимостью. Так, к примеру, клещ наделяет масляную кислоту, запах которой исходит от кожного покрова млекопитающих, признаком восприятия, далее за этим следует действие – падение клеща на свою жертву. Такая последовательность восприятий и действий описывается Иксюлем как процесс конструирования окружающего мира. Структурно такие функциональные круги характерны для всех живых существ, они усложняются по мере развития физиологических особенностей организмов.

Человек не является исключением из этого правила. «Все ощущения, доступные человеческим чувствам и представляющие собой наши специфические признаки восприятия, соединяясь становятся свойствами предметов внешнего мира, которые служат ориентирами для нашей деятельности» [1, с. 31]. Иксюль главным образом обращает внимание на физиологические аспекты восприятия, а, как следствие, и тот вариант антропоцентризма, который мы получаем, тоже имеет эпистемическую природу. Человек видит мир определенным образом, имея в своем распоряжении сложную физиологическую природу. Но окружающий мир человека – не единственный, он всего лишь один из многочисленных окружающих миров, отличных от человеческого. Человек оказывается не единственным субъектом, рядом с ним каждую минуту присутствует большое количество существ с собственным восприятием внешней среды. В этом видится возможность некоторого ограничения антропоцентристской оптики, которая и представляется некоторым главным препятствием для человека. «Мы способны возвыситься над собой не посредством расширения пространства нашего окружающего мира на миллионы световых лет, но посредством знания того, что некий всеохватный план скрывает существование вне нашего личного окружающего мира окружающих миров наших собратьев – животных и других людей» [1, с. 197].

Эта идея находит свое отражение в последующих вопросах философии экологии. Следующим этапом критического осмысления антропоцентристской доминанты может быть экологическая фи-

лософия Т. Мортонa. Одной из примечательных идей этого автора является идея сетевизации межвидовых связей, которые подкрепляют выводы Икскуля. Мортон исходит из того положения, что любой взгляд человека на природу всегда остается взглядом человеческим, но только человеческим [3, с. 34]. Философия во многом способствовала тому, чтобы укрепить человека в уверенности в эксклюзивности своего знания о мире. Тем самым создается некоторая граница между человеком и всем внешним окружающим миром, населенным прочими существами. В этом разграничении и проявляется сама суть антропоцентризма, которая в итоге не способствует улучшению положения человека, а только усугубляет его в экологическом плане. Для преодоления экологического кризиса необходима существенная смена антропоцентристской парадигмы. Вместо центрирования человека в мире следует воспринимать его место как одно из многих мест среди прочих существ. Человек связан с миром большим количеством многообразных связей, он часть большого «динамического многообразия». Многочисленные сети взаимодействия опутывают человека, приводя его к необходимости учитывать не только свои эгоистические интересы, но и интересы окружающих его существ. Этот сетевой подход не отрицает наличия у человека уникальных характеристик, но делает возможным само его существование в мире, которое при этом не угрожает человеку исключением.

Подобный подход наблюдается также у норвежского философа и эколога А. Несса в его теории глубинной экологии. Принципы его теории включают в себя необходимость учитывать и сохранять биоразнообразие, которое в итоге является приоритетом не только для биосферы, но и для человека. Несс делает акцент на этом единстве интересов человека и нечеловеческих форм существования, т.к. только все это в совокупности может способствовать решению экологического кризиса [6, р. 29]. Здесь также прослеживается сетевой взгляд на конструирование форм связей человека и нечеловеческих существ. Эта включенность человека в природные отношения, в мир, производится также исходя из индивидуальных форм взаимодействия субъекта с этим миром. В связи с этим, наиболее продуктивным для Несса оказывается именно такая оптика, лишенная во многом отстраненности восприятия этих отношений.

Она и становится некоторой заменой антропоцентризму. Человек всегда уже изначально включен в мир, а не является только его сторонним (т.е. вынесенным за рамки этого мира) наблюдателем.

Таким образом, наблюдаемый кризис гуманизма представляется связанным с антропоцентристской установкой. Как следствие, оказывается необходимым поиск нового обоснования ценности человека, т.к. антропоцентристский подход на деле ее уничтожает. Рассмотрение человека как существа, укоренного в мире и связанного с ним множеством связей, оказывается и потенциальным средством для разрешения экологической проблематики. Она же, в свою очередь, может быть представлена и как проблема существования нечеловеческих существ. Тогда ответом на вопрос о том, как обеспечить экологически приемлемую ситуацию для человека, окажется необходимость переосмысления его положения в мире. Человек не выносится за скобки, он не просто наблюдатель, он и актер, действующий субъект наряду с тысячами других действующих субъектов, окружающих его.

Список литературы

1. Икскуль Я. фон. Путешествие в окружающие миры животных и людей. Теория значения / пер. с нем. П. Западаловой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 206 с.
2. Кон Э. Как мыслят леса. К антропологии ту сторону человека / пер. с англ. А. Боровикова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
3. Мортон Т. Стать экологичным / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 240 с.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 192–220.
6. Naess A. Ecology, community and lifestyle. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 223 p.

ПРОБЛЕМА ТОВАРНОГО ФЕТИШИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОТ МАРКСА ДО БОДРИЙЯРА

Александра Д. Воробьева

*Кандидат философских наук,
старший преподаватель,
Волгоградский государственный
технический университет.
Волгоград, Российская Федерация*

Аннотация. Автор исследует феномен фетишизма, проводя параллель между теориями Маркса, Фрейда и Бодрийяра, указывая на возможности применения данного концепта в контексте современного информационного общества. Проводится анализ механизма трансформации вещей в капиталистической системе, где товары приобретают символическое значение, скрывающее реальные общественные отношения. Особое внимание уделено влиянию социальных сетей на процесс создания фетишей, где пользовательские тренды способствуют популяризации определенных товаров или образов. Идеи Жана Бодрийяра о «политической экономии знака» используются для объяснения механизмов превращения предметов в объекты особого притяжения, обусловленного не столько их материальной ценностью, сколько включенностью в сеть культурных и социальных значений.

Ключевые слова: фетишизм, товарный фетишизм, Карл Маркс, Зигмунд Фрейд, Жан Бодрийяр, общество потребления, социальные сети, цифровые технологии.

THE PROBLEM OF COMMODITY FETISHISM IN MODERN SOCIETY: FROM MARX TO BAUDRILLARD

Alexandra D. Vorobyeva

*Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Lecturer,
Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russian Federation*

Abstract. The author explores the phenomenon of fetishism, drawing a parallel between the theories of Marx, Freud and Baudrillard, pointing out the possibilities of applying this concept in the context of the modern information society. An analysis is conducted of how, under capitalism, goods acquire a symbolic meaning that hides real social relations. Particular attention is paid to the influence of social networks on the process of creating fetishes, where user trends contribute to the popularization of certain goods or images. Jean Baudrillard's ideas about the "political economy of the sign" are used to explain the mechanisms by which objects are transformed into objects of special attraction, caused not so much by their material value as by their inclusion in the network of cultural and social meanings.

Keywords: fetishism, commodity fetishism, Karl Marx, Sigmund Freud, Jean Baudrillard, consumer society, social networks, digital technologies.

Одним из важнейших открытий современной философии является феномен фетишизма. Преимущественно благодаря К. Марксу и З. Фрейду в научном дискурсе появилось понятие фетиша как части не только архаичного, но и современного общества. Некоторые исследователи обоснованно указывают на неоченность теории фетишизма [2, с. 9], кроме того, актуальность исследования этой проблемы объясняется усложнением и трансформацией отношений между предметами и общественными отношениями, на что указал Ж. Бодрийяр. С появлением социальных сетей более острым становится вопрос о том, кто и как создаёт фетиши, а также поддаётся ли этот процесс управлению. Тренды, создаваемые пользователями интернет-приложений, зачастую приводят к популяризации того или иного товара, услуги, образа жизни или атрибута внешности. Постепенно он становится символом или знаком, обозначающим конкретное отношение (телефон iPhone, стайлер Dyson как эталон подарка).

Обратимся к идеям К. Маркса, который впервые указал на существование товарного фетишизма [3, с. 89–110]. Согласно его теории, в условиях капиталистического производства товары наделяются «магическими» свойствами, которые скрывают реальную природу общественных отношений. Люди начинают воспринимать стоимость товара не через призму вложенного труда, а в контексте рыночных факторов (спроса, брендинга, рекламного воздействия). Реклама и маркетинг придают вещам дополнительное символическое значение, выходящее за рамки их функциональных свойств.

В качестве иллюстрации ситуации, противоположной фетишизированному товарообмену, Маркс привёл историю Робинзона Крузо, который оценивал значимость того или иного предмета исключительно количеством труда, необходимым для её производства. Такой была бы ценность товаров, если бы мы не включали в неё общественные отношения.

Однако в капитализме труд может либо недооцениваться, либо переоцениваться, исходя из логики прибыли. Это объясняет, почему, к примеру, популярный видеоблогер в соцсетях может зарабатывать больше, чем человек, занятый тяжёлым или опасным физическим трудом.

Схожим образом объясняется фетишизм в психоанализе: это – «перенаправление» желания на конкретный объект, который лишь отсылает к влечению, но не является предметом его интенции [4, с. 330]. При этом очарование фетишей столь велико, что желание уже не может соединиться со своим объектом напрямую без посредника в виде фетиша. Тот же принцип можно распространить на товары: они являются лишь знаками (например, заботы), но получение желаемого отношения без них уже не даёт удовлетворения.

Как известно, Маркс осуждал капиталистическую систему за отчуждение рабочего от плодов его труда. Поэтому он призывал к «раскрытию» реальных общественных отношений, отказу от фетишей и вводу неким «прозрачных» отношений, где ценность вещей была бы столь же понятной, как если бы всё человечество стало Робинзоном Крузо. Однако проблема этого проекта кроется уже в его иллюстрации: человеческая культура принципиально противоположна одиночеству человека, затерянного на необитаемом острове.

Идеи Маркса развивал Ж. Бодрийяр, который постарался раскрыть более сложные и глубокие аспекты изучаемого феномена. Его концепция «политической экономики знака» помогла раскрыть механизм превращения отдельных предметов в объекты особого притяжения, обусловленного не столько их материальной ценностью, сколько включённостью в обширную сеть культурных и социальных значений.

Бодрийяр критиковал наивные представления о том, что цена или роскошность товара являются главными в процессе фетишизации. Он подчёркивал, что фетиш – это не просто отражение какого-то отдельного аспекта социальных взаимоотношений, но отсылка к целостной системе общества [1, с. 90]. Это значит, что стайлер Dyson, являясь знаком заботы и любви конкретного человека, вместе с тем символизирует солидарность с социальной системой. Дарящий его как бы говорит: «я признаю общество и признаю тебя как его часть».

В данном контексте, следуя логике Бодрийяра, речь идёт о сложном конструировании смыслов, которые постепенно наращивают своё воздействие на субъекта. Тем самым человек стремится не к самой вещи как таковой, а к тому смысловому «полю», которое её окружает. Вещь становится своеобразным «узлом» пересечения социальной коммуникации и личных представлений о статусе, и именно эта сложная символическая структура порождает субъективное ощущение «уникальности». Смысловой «магнетизм» вещи образуется, когда она превращается в знак, способный передавать сразу несколько уровней значений.

Дополнительное измерение фетишизма у Бодрийяра связано с мотивом «обхода системы». С одной стороны, индивид признаёт общепринятые социальные нормы, являющиеся частью культурного порядка, однако, с другой стороны, стремится получить специфическую «выгоду», минуя привычные схемы. Фетиш позволяет найти «лазейку», с помощью которой можно обойти привычные способы достижения статуса или признания, например, демонстрируя знаки богатства, не обладая им в действительности.

В этом отношении фетишизм выступает не только формой желаемой интеграции в социокультурное поле, но и стратегией частичного ухода от правил, что особенно заметно в обществе потребления.

Марксистская теория товарного фетишизма и фрейдистское понимание трансформаций либидо стали для Бодрийяра важными отправными точками, однако он расширил идеи предшественника, указывая на тесную связь между социальной надстройкой и созданием искусственных значений, пропитывающих культуру капитализма. Культура в этом смысле предстает как совокупность «кодировок», где каждый элемент потенциально превращается в знак, а каждый знак транслирует многослойную систему смыслов, способную бесконечно размножаться.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с фр. Д. Кралечкин. М.: Рипол Классик, 2020.
2. Мамедов О. Ю. Эпоха квази-товарного фетишизма (200-летию рождения Карла Маркса посвящается) // Terra Economicus. 2018. Том 16, № 2. С. 6–16.
3. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
4. Фрейд З. Фетишизм // Психология бессознательного: Сборник / Пер. М. Вульф. М.: Фирма СТД, 2006. С. 330–336.

СОВРЕМЕННЫЙ СТОИЦИЗМ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЛИ АБЕРРАЦИЯ?

Сергей С. Грамашов

*студент 2-го курса,
направления подготовки «Философия»,
философского факультета Института
«Таврическая академия»
КФУ им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*

Аннотация. В эпоху цифровых технологий и глобализации стоицизм переживает неожиданное возрождение, привлекая внимание не только академических кругов, но и широкой публики. Этот феномен вызывает вопросы: насколько современный стоицизм сохраняет суть античного учения и не превращается ли он в набор популярных лайфхаков? В данной работе проводится сравнительный анализ античного и современного стоицизма, выявляются ключевые различия и причины трансформации идей. Особое внимание уделяется коммодификации стоических принципов и их адаптации к современным реалиям.

Ключевые слова: стоицизм, современный стоицизм, античная философия, коммодификация, практическая философия

MODERN STOICISM: REVIVAL OR ABERRATION?

Sergey S. Gramashov

*2nd year student, "Philosophy" program,
Faculty of Philosophy
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation*

Abstract. In the era of digital technologies and globalization, Stoicism is experiencing an unexpected revival, attracting attention not only from academic circles but also from the general public. This phenomenon raises important questions: to what extent does modern Stoicism preserve the essence of the ancient doctrine, and is it turning into just a set of popular life hacks? This paper presents a comparative analysis of ancient and modern Stoicism, identifying key differences and the reasons behind the transformation of its ideas. Special attention is given to the commodification of Stoic principles and their adaptation to modern realities.

Keywords: Stoicism, modern Stoicism, ancient philosophy, commodification, practical philosophy.

В современную эпоху такой феномен как «стоицизм» всё больше привлекает внимание общества. Идеи и смыслы, которые манифестировали стоики, в настоящее время привлекают не только историков философии, но и психологов, психотерапевтов и даже обывателей. В популярной психологии всё чаще можно встретить то, как стоические принципы продаются для читателя. Цитаты тех стоиков «вырезаются» и уже по-новому осмысляются и толкуются, исходя из современных реалий. И тут возникает вопрос: стоицизм античности и современный стоицизм – это про одно и то же? В историко-философских работах, которые фокусируются на исследовании современного стоицизма, чаще всего ставится акцент на этапах и личностях, но не на идеях, которые излагаются мыслителями. Можно ли сказать, что человек, который руководствуется стоическими максимами, это такой же стоик, который был сотни лет назад? Исходя из поставленного вопроса, возникает цель, заключающаяся в определении степени сохранения или искажения ключевых смыслов стоицизма путём сравнительного анализа его античной и современной версий. Задачи состоят в том, чтобы понять ключевые аспекты философии стоиков разных эпох, сравнить их, выявить схожести и различия, и причины аберрации идей античных философов в современных реалиях.

Философская школа стоиков зародилась в античности, достигла расцвета в эпоху римского стоицизма, после чего на долгое время утратила влияние. Стоические идеи имплицитно присутствовали в текстах многих философов, однако говорить о единой школе, или хотя бы о движении стоиков нельзя. В конце XVI века

формируется эклектическое философское движение – неостоицизм. Однако впоследствии стоический ренессанс подвергся сильной критике и не сыскал популярности. В конце XX – начале XXI вв произошёл новый «ренессанс стои». Сегодня стоицизм снова востребован. Интерес к этому явлению прослеживается на разных уровнях. Начиная с интернет-ресурсов, научно-популярных изданий и заканчивая академической средой, стоические идеи с каждым годом актуализируются. Уже с уверенностью можно сказать о появлении новой вехи развития философской школы стоиков: о «современном стоицизме». Ряд современных мыслителей, изучающих и пропагандирующих стоицизм, в обязательном порядке обращаются к идейной основе современного учения, к античности. Ключевые исследователи, такие как У. Ирвин [5], М. Пильюччи [6] и Дж. Селларс [4], неизменно апеллируют к текстам поздних стоиков: Марку Аврелию, Сенеке и Эпиктету. Причина проста: их сочинения сохранились, в отличие от работ первых стоиков.

Стоицизм зародился в конце IV века до н.э., его основателем является Зенон Китийский. Как отмечают исследователи [7], данная школа была своего рода ответом на те вызовы, которые стояли перед человеком в то время. С падением власти Александра Македонского, мир античности начал стремительно меняться, полис, который был основой жизни и понимания мира для людей, рухнул и эллинский мир встретился с вызовами и проблемами, которые не могли решиться старыми способами. Макс Поленц в своем классическом труде о стоицизме так описывает то время: «Отдельный гражданин также был вовлечен во всеобщий водоворот и никак не мог быть спокоен за свою жизнь и свое благосостояние. У кого ему было искать убежища?» [1, с. 26]. В ответ на экзистенциальный страх и ужас возникают школы, пытающиеся дать спасение через мудрость: скептики, эпикурейцы и стоики.

Ряд исследователей современного стоицизма [7; 2], считают, что XXI в. похож на времена античности, именно поэтому люди снова приходят к стоицизму. Перед человеком возникают новые кризисы. Причины современных кризисов отличаются от античных, однако последствия те же самые, поиск ответа на вопрос: «как жить правильно?».

Стоики, как и другие античные школы относились к «эвдемонистическому» направлению. «Счастье» (εὐδαιμονία) было одним из центральных понятий стоиков. Однако то счастье, которое понимали античные стоики, может отличаться от современного понятия счастья в обыденном смысле. Слово εὐδαιμονία, как замечают исследователи, несколько шире слова «счастье» [4, с. 159]. Это не просто чувство удовлетворения (ἡδονή), а существенное благополучие в жизни, и может переводиться как «блаженство» или «процветание». Интересна логика этики стоиков. Стоики отождествляют счастье с добродетелью и жизнью согласно с природой. Ключевой тезис классического стоицизма звучит так: конечная цель человека – жить согласно с природой, это тождественно тому, что жить добродетельно. Таким образом, как замечает один из главных отечественных исследователей стоицизма А. А. Столяров, у стоиков разворачивается цепочка понятий, которые определяются друг через друга: «жить согласно природе = согласно добродетели = нравственно-прекрасно = благое течение жизни = благо = счастье» [3, с. 79]. Всё это и есть конечная цель существования человека – «summa bonum».

Таким образом, мы видим, насколько большую и даже ключевую роль играет добродетель в классическом стоицизме. Именно она является тем отправным пунктом, откуда исходит этика стоиков. Однако в современном стоицизме мы видим несколько другую картину. В современных стоических текстах, во-первых, утрачивается философия стоицизма как система, во-вторых, ключевую роль играет личное счастье человека.

Начнём с того, что современный стоицизм отличается от классического тем, что не является строгой системой, как это было в античном стоицизме. Если мы обратимся к Стэнфордской энциклопедии [8], то увидим, что: «Стоическая философия, начиная с Зенона, мыслилась как состоящая из трех частей: физика (*phusikê*), логика (*logikê*) и этика (*êthikê*)». Современные исследователи, а также сами античные стоики подчеркивают важность этой триады. Если убрать одну из частей, то вся система не будет работать, ведь не будет четкой логической последовательности и связанности. Изучая книги по современному стоицизму, мы не можем увидеть той же системы, что была в античности. Доминирующее положение

занимает этика стоицизма. Сегодня для обывателя стоицизм – это этическая школа и только, однако, в сущности, стоицизм является неразрывной связью трех частей. Как было сказано ранее, современные авторы придают самое важное значение этической стороне стоицизма и понятно почему, ведь этика стоиков это и есть самая практическая часть всей системы стоицизма. Физике и логике отдается меньшее предпочтение. Связано это во многом с тем, что концепции физики (онтологии) стоицизма противоречат современной научной картине мира. Так, к примеру, пропадает концепция *télos*, где мир имеет конечную цель и так далее. Стоическая логика полностью уходит из внимания современного стоицизма и не рассматривается на таком же уровне как этика.

Во-вторых, мы можем заметить некоторые сдвиги в конечной цели для жизни человека. В основном, ключевым ориентиром для современного стоика является личное счастье. Нельзя так категорично говорить, однако данный вывод делается из того общего нарратива, присущему современному стоицизму. Например, одни из самых популярных книг называются так: «Путеводитель к хорошей жизни: древнее искусство стоической радости» Уильям Ирвина или же, «Завтрак с Сенекой. Как улучшить качество жизни с помощью учения стоиков» Дэвида Фиделера. Список не исчерпывающий, но в основном ключевые слова фигурируют одни и те же и сводятся «счастливой жизни». Из этого можно сделать несколько выводов. Во-первых, происходит коммодификация. Стоические идеи о благе продаются как товар и происходит коммерциализация текстов. В свою очередь, это приводит к редукции смыслов. Продукт для массового потребления упрощается до уровня «лайфхаков», что искажает восприятие стоицизма. Стоицизм как философская система перестает ею быть, вместо этого она просто товар, выраженный в наборе «лайфхаков» и техник. Совершаются эпистемологические искажения в виде селективного цитирования, большую популярность набирают цитаты о стойкости, однако игнорируются сложные пассажи о Логосе и мироустройстве. Также происходит подмена понятий, добродетель, которая была в классическом стоицизме единственным благом, в современном стала всего лишь инструментом для достижения личного счастья и карьерного роста, иногда игнорируется критика богатства, ведь её будет

тяжело продать. Во многом, это произошло по двум причинам. Из-за спроса на быстрые решения, где стоицизм стал эффективным инструментом для быстрого решения проблем, и из-за так называемой индустрии self-help где ключевой месседж – «контролируй себя, чтобы добиться успеха».

Исходя из всего вышеописанного, тяжело сделать однозначный вывод о том, чем является современный стоицизм: возрождением старого или всего лишь его аберрацией. Тезисы данной работы заключаются в следующем: современный стоицизм во многом основывается на классическом, происходит преемственность практик и некоторых этических идей. Аналитическая ветвь современного стоицизма старается исследовать идеи античных стоиков и приспособить их к современным реалиям. Также, рассматривая историю развития стоицизма, можно заметить, что это не догматическая школа, а во многом критическая. Уже со времен становления школы, её идеи постоянно пересматривались, одни заменяли другие и становились главенствующими, другие, не «прижившиеся» и не «работающие» в системе стоиков отбрасывались. Римский стоицизм во многом отличался от греческого, далее идеи стоиков всегда трансформировались и адаптировались. Но несмотря на это, в массовой культуре мы видим во многом радикальный уход от основных идей школы. В современном стоицизме утрачивается системность школы, вместе с тем же, пропадают метафизические идеи важные для этики. Также стоицизм проходит коммодификацию, идеи о критике богатства продаются массовому читателю, попутно искажая и редуцируя идеи классического стоицизма. Философская система, изначально направленная на формирование мировоззрения, редуцируется до набора инструментов для личностного роста. Всё это указывает что во многом происходит аберрация.

В нравственных письмах к Люцилию Сенека писал: «Истина открыта для всех, ею никто не завладел. Немалая доля ее останется и потомкам» [9, с. 62]. Можно сказать, что современный стоицизм не является полной аберрацией, но это и не прямое возрождение. Всё это – динамичная адаптация к современным реалиям, требующая рефлексии для сохранения глубины традиции.

Список литературы

1. Поленц М. Стоя. История духовного движения. – СПб.: Издательский проект «Quadrivium», 2015. – 1040 с.
2. Коробейников В.С. Современные исследования стоической этики: три направления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2024. – №3 (69) – С. 123-131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-stoicheskoy-etiki-tri-napravleniya> (дата обращения: 07.04.2025).
3. Столяров, А. А. Фрагменты ранних стоиков / А. А. Столяров; Институт философии Российской академии наук. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. – Т. 1. – 234 с.
4. Селларс Дж. Стоицизм / Джон Селларс ; перевод с английского. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. – 256 с.
5. Ирвин У. Радость жизни. Философия стоицизма для XXI века. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021 – 304 с.
6. Пильюччи, М. Как быть стоиком: античная философия и современная жизнь / Массимо Пильюччи; перевод с английского И. Евстигнеевой. – М.: Альпина нон-фикшн, 2024. – 279 с.
7. Павлов А. С. «Аналитическая» ветвь современного стоицизма: Л. Беккер, У. Ирвин, М. Пильюччи // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 33–52.
8. Stoicism / Stanford Encyclopedia of Philosophy:[Электронный ресурс] <https://plato.stanford.edu/entries/stoicism/>
9. Сенека. Нравственные письма к Луцилию – М.: Наука, 1977. – 383 с.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ КОДОВ ЧЕЛОВЕКА

Любовь А. Григорьева

*аспирант научно-образовательного
центра «Гуманитарная урбанистика»
Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород,
Российская Федерация*

Аннотация. Продолжающиеся процессы глобализации и урбанизации, следствием которых является утрата уникальности и самобытности культурных ландшафтов, обостряет проблему самоидентификации человека. Связь человека с определенным ландшафтом выступает в качестве одного из важнейших компонентов формирования идентичности и идентификационных кодов. Человек как “animal symbolicum” в ходе взаимодействия с изначальным ландшафтом и на его основе создает символическое пространство или культурный ландшафт, сохраняющий вложенную в него зашифрованную при помощи идентификационных кодов культурную информацию и транслирующий ее через свою материальную часть. На этом основании можно утверждать, что культурный ландшафт выступает источником идентификационных кодов, который выполняет важную роль в формировании идентичности человека и осознании его места в мире.

Ключевые слова: культурный ландшафт, идентификационные коды, идентичность, культура, человек, город.

CULTURAL LANDSCAPE AS A SOURCE OF HUMAN IDENTIFYING CODES FORMATION

Lubov A. Grigoreva

*Post-graduate student of Research
and Educational Centre for Humanitarian
Urbanistics
Yaroslav-the-Wise Novgorod State
University
Veliky Novgorod, Russian Federation*

Abstract. The ongoing processes of globalization and urbanization, which result in the loss of the cultural landscapes' uniqueness and identity, exacerbate the problem of human self-identification. A person's connection to a certain landscape acts as one of the most important components of identity and identification codes formation. A person as an "animal symbolicum" in the course of interaction with initial landscape and on its basis creates a symbolical space or cultural landscape that preserves cultural information embedded in it, encrypted using identification codes, and translates it through its material part. On this basis it can be argued that cultural landscape acts as a source of identifying codes, which plays an important role in shaping a person's identity and awareness of his place in the world.

Keywords: cultural landscape, identifying codes, identity, culture, human, city.

Современный мир характеризуется активными процессами глобализации, что в свою очередь приводит к интеграции и унификации во всех сферах жизни человека благодаря развитию информационных технологий, обеспечивающих высокую степень и плотность коммуникаций, стремительное распространение глобальных трендов, культурный обмен. С этим тесно связан процесс урбанизации, следствием которого является развитие городов, их расширение, повышение роли в жизни всего человечества. Совокупное влияние этих процессов особенно ярко прослеживается в культурном ландшафте города, что оборачивается его однообразием, потерей уникальности и самобытности, и приводит к утрате индивидуальности. Роль культурного ландшафта в формировании идентичности часто недооценивается и сводится лишь к рассмотрению его в качестве пассивного фоно-образующего фактора. Между тем культурный ландшафт, как мы полагаем, является зна-

чимым компонентом формирования идентификационных кодов и неотъемлемой частью идентичности человека.

Термин «код» в генетике определяется как способ кодирования генетической информации, которая впоследствии в зашифрованном виде (генетический код) хранится в генах – участках ДНК человека. Если рассматривать код в отношении человека как носителя определенной идентичности, то способом шифрования культурных смыслов, обеспечивающих идентификацию человека через отождествление с определенной территорией, выступают идентификационные коды, которые, по сути, являются ядром идентичности. Их главная особенность заключается в том, что зашифрованная культурная информация передается из поколения в поколение в ходе коммуникации, осуществляющейся по нескольким каналам в вербальных и невербальных (материальных и нематериальных) формах ее репрезентации (архитектура, парки, внешний облик улиц, районов, городов, мифы, легенды), передающих его уникальность и индивидуальность. Коды позволяют человеку: а) определять свою принадлежность к территории: «кто я?» (я – житель определенного города); свою принадлежность к группе (ощущение связи с другими обитателями данного места); б) ориентироваться в пространстве (архитектурные доминанты и особые природные объекты), что обеспечивает человеку чувство устойчивости, стабильности и уверенности.

Связь людей с конкретным местом или территорией определяется природным или изначальным ландшафтом, не испытавшим на себе влияние человеческой культуры. В ходе адаптации человека к существующим природным условиям он изменяет ландшафт, «объективным выражением этого процесса <...> является культурный ландшафт» [5, с. 268], т.е. человек создает искусственную среду обитания, «вторую природу» в процессе освоения, присвоения данного пространства. Культурный ландшафт представляет собой результат взаимодействия человека с природной средой, или «природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его <...> деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [1, с. 16]. Исходя из этого

можно сделать вывод, что культурный ландшафт обладает природным базисом, в качестве которого выступает природный ландшафт, представляющий собой природно-территориальный комплекс или территорию, обладающую определенным единством природы, в которой связаны все компоненты (почва, климат, рельеф, воды, растительность, животный мир) и в качестве которой может выступать любой участок земной поверхности.

Американский географ Карл Зауэр видел в культуре движущую силу, которая формирует рукотворный облик земной поверхности [8]. Во взаимодействии человека и природной среды культура играет роль активного начала, а природный ареал – роль фона, на котором разворачивается деятельность человека. Иными словами, культурный ландшафт – своеобразная проекция культур на природный ландшафт. Результатом контакта культуры, человека, как носителя ее специфических ценностей, и природы становится культурный ландшафт, выступающий в качестве символического пространства или «символического ландшафта» [3, с. 43], воплощающего в себе, сохраняющего и транслирующего вложенные в него культурные ценности, смыслы, весь накопленный культурный опыт, знания и историю общества через свою видимую (материальную) часть. «Человек живет <...> не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума» [2, с. 472]. Тогда культурный ландшафт, порожденный человеком как “animal symbolicum”, символичен на том основании, что объекты, содержащиеся в культурном ландшафте, представляют собой определенные идентификационные коды (архитектура, памятники, территориальная организация пространства, парки, облик улиц, землепользование), совокупность которых образует идентичность человека. Иными словами, культурный ландшафт представляет собой источник символов и значений, носитель кодов, «холст», на котором отпечатываются история, культура, ценности общества, «наследие многих эпох естественной эволюции и многих поколений человеческих усилий» [4, с. 272].

Культурный ландшафт как рукотворный феномен представляет собой не просто фон, а выступает в роли «композиции созданных человеком или измененных человеком пространств, служащих инфраструктурой <...> для нашего коллективного существования...

который подчеркивает... нашу идентичность и присутствие» [6, с. 2]. Следовательно, культурный ландшафт является основой образования идентификационных кодов как совокупности взаимосвязанных элементов, характеристик, символов и ценностей, которые определяют идентичность индивида или группы людей, выражаемую в их принадлежности к определенной категории, общности или месту, и формируют уникальное самосознание и ощущение. Они выступают в виде глубинных маркеров или ментальных конструкторов, обеспечивающих понимание своего места в мире и связи с другими людьми, а значит составляющих основу идентичности.

Идентификационные коды формируются в ходе взаимодействия человека с культурным ландшафтом, а именно в процессе его сенсорного (через органы чувств) и когнитивного (интерпретации увиденного, услышанного на основе имеющегося культурного опыта) восприятия. Контактируя с культурным ландшафтом человек:

- интернализирует выраженные в ландшафте культурные элементы, т.е. усваивает его невидимый пласт (нормы, принципы, вкусы, ценности конкретной городской культуры) через видимый (стили архитектуры, планировка, высотность застройки, качество парков, скверов, названия улиц), делая их частью своей идентичности;
- символизирует или наделяет те или иные культурные объекты символическими значениями (правительство, храм, кремль, музей, монумент как символы власти, религии, истории; реки, леса, деревья, горы как символы устройства мироздания).

Культурный ландшафт способствует формированию у человека представлений о пространстве, его границах, структуре и значении (ориентиры, дорожная сеть, зонирование территории, священные места, «свои» и «чужие» территории, физические границы). Через идентификацию с элементами культурного ландшафта человек определяет свою принадлежность, у него формируется чувство привязанности к определенному месту, любовь к родине, он чувствует себя «дома» в знакомом культурном ландшафте. Кроме того, человек создает свою личную историю, в которой переплетаются личные переживания, воспоминания и опыт с культурными объектами, тем самым формируется его индивидуальная идентичность. «Наш человеческий ландшафт – это наша невольная автобиография, отражающая наши вкусы, наши ценности, наши стремления

и даже наши страхи в осязаемой, видимой форме» [7, с. 1]. Культурный ландшафт не просто окружает нас, но принимает активное участие в формировании нашей идентичности, нашего понимания мира, являясь источником идентификационных кодов.

В ситуации, когда культурный ландшафт города кардинально меняется и теряет свою уникальность, становится однообразным, вопросы идентичности получают особую значимость, побуждая человека все чаще обращаться к прошлому, к своим корням, размышлять и предпринимать попытки ответить на вопросы о том, как ему жить в современном мире, какого его место в нем, в чем смысл жизни. Такая ситуация обостряет проблему его самоидентификации. Идентичность выступает в роли маяка, позволяющего человеку ориентироваться в пространстве и находить свой путь, или якоря, дающего человеку чувство опоры и укореняющего его. Подобная «укорененность» как ключевая характеристика идентичности, означающая глубокую эмоциональную и когнитивную связь человека или группы людей с конкретным местом, культурой, историей или общностью, которая формирует чувство самосознания и принадлежности, обеспечивается и поддерживается культурным ландшафтом, вмещающим в себя места жизни людей, по сути, являясь нашим жизненным пространством.

Исследовательский взгляд на культурный ландшафт как на источник формирования идентификационных кодов человека позволяет с новой позиции взглянуть на проблему кризиса идентичностей в условиях современных вызовов. Культурный ландшафт динамичен и отражает любые изменения, происходящие в обществе и культуре. Следовательно, анализ его динамики позволяет не только более глубоко понять механизм формирования идентификационных кодов и культурной идентичности, но и прогнозировать ближайшие изменения. Кроме того, в ситуации неопределенности культурный ландшафт выступает источником памяти о прошлом, связующим звеном между поколениями, и его сохранение может способствовать укреплению идентичности.

Список литературы

1. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия: сб. ст. / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.
2. Кассирер Э. Опыт о человеке, Введение в философию человеческой культуры. Избранное. Опыт о человеке. М., Гардарика, 1998. 472 с.
3. Кисиленко А. П. Особенности символического подхода в исследовании культурного ландшафта города // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1. С. 42–46.
4. Aitchison J. Cultural landscapes in Europe: a geographical perspective // Cultural Landscapes of Universal Value: components of a global strategy. Springer, Dordrecht 1995. P. 272.
5. Bryan P.W. The Cultural Landscape. Geography. 16(4). 1931. Pp. 273–284.
6. Jackson J.B. Learning about landscapes // The necessity for ruins and other topics. 1980. Pp. 16–17.
7. Lewis P.F. Axioms for reading the landscape: some guides to the American scene // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays. Oxford University Press: New York 1979. Pp. 11–32.
8. Sauer C. The morphology of landscape. University of California press. 1925. 53 p.

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ВЕРУЮЩИХ И АТЕИСТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кирилл Г. Гринь

*Студент факультета психологии
Крымский федеральный университет и
мени В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация.
Научный руководитель – докт. психол. наук,
доцент кафедры социальной психологии
Е. В. Чёрный*

Аннотация. Исследование раскрывает трансформацию мировоззрения верующих и атеистов в цифровую эпоху. Анализируется влияние алгоритмов соцсетей, формирующих поляризованные «эхо-камеры» и гибридные формы сознания. Особое внимание уделено поколенческим различиям: молодежь демонстрирует большую пластичность, сочетая религиозные и научные элементы в индивидуальных когнитивных моделях. Работа имеет практическое значение для психологии, образования и медиации социальных конфликтов в условиях цифровизации.

Ключевые слова: социальные представления, цифровая идентичность, религиозность, атеизм, смысловые структуры, информационная среда.

THE SEMANTIC STRUCTURE OF SOCIAL REPRESENTATIONS AMONG BELIEVERS AND ATHEISTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Kirill G. Grin

Student of the Faculty of Psychology

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation.*

*Academic supervisor – a doctor. Psychological
Sciences,*

*Associate Professor of the Department of Social
Psychology Cherny E.V.*

Annotation. The study reveals the transformation of the worldview of believers and atheists in the digital age. The influence of social media algorithms forming polarized “echo chambers” and hybrid forms of consciousness is analyzed. Special attention is paid to generational differences: young people demonstrate great plasticity, combining religious and scientific elements in individual cognitive models. The work has practical implications for psychology, education, and mediation of social conflicts in the context of digitalization.

Keywords: social representations, digital identity, religiosity, atheism, semantic structures, information environment.

Современный мир переживает масштабную трансформацию под влиянием цифровых технологий, которые не только изменили способы коммуникации, но и глубоко повлияли на формирование мировоззрения личности. Интернет, социальные сети и алгоритмизированные информационные потоки создают новую реальность, в которой традиционные системы ценностей сталкиваются с вызовами цифровой эпохи. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о том, как цифровая среда трансформирует смысловые структуры социальных представлений у различных групп, в частности у верующих и атеистов.

Цифровое пространство стало ключевым фактором в формировании индивидуальных и коллективных представлений о мире. Основные тенденции влияния цифровой среды на мировоззрение представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Основные тенденции влияния цифровой среды на мировоззрение

Аспект влияния цифровой среды	Характеристика и проявление	Примеры и последствия
Фрагментация и персонализация информации	— Алгоритмическая фильтрация контента — Создание информационных пузырей	— Пользователи получают только подтверждающую их взгляды информацию — Снижение критического мышления и поляризация общества
Гибридизация веры и рациональности	— Доступ к религиозным учениям онлайн — Популяризация научного контента	— Онлайн-богослужение и теологические дискуссии — Научно-популярный контент как альтернатива религиозным нарративам
Кризис авторитетов и новые формы сакрального	— Снижение роли традиционных институтов — Появление новых цифровых авторитетов	— Блогеры и инфлюенсеры как новые «проповедники» — Квази-религиозные явления (вера в ИИ, цифровой мистицизм)
Ускорение и клиповость мышления	— Доминирование коротких форматов — Упрощение сложных концепций	— Мемы и короткие видео как способ передачи идей — Бинаризация мировоззренческих вопросов (например, «вера» vs «наука»)

Источник: составлено автором

Цифровая среда действует как мощный катализатор социальной поляризации, создавая замкнутые смысловые вселенные, где различия между группами не просто сохраняются, а искусственно усиливаются. Алгоритмы соцсетей, работающие по принципу положительной обратной связи, незаметно затягивают пользователей в своеобразные идеологические черные дыры – будь то православные чаты с их особым языком сакральности или атеистические форумы, культивирующие культ рациональности [2, с. 3]. В этих цифровых резервуарах постепенно кристаллизуется особая логика мышления, где сложные мировоззренческие вопросы сводятся к примитивному противопоставлению «свои» против «чужих», а любая попытка диалога воспринимается как покушение на основы идентичности.

Особенно ярко этот механизм проявляется в обсуждении так называемых «триггерных тем» – от теории эволюции до прав меньшинств, где изначально сложные этические дилеммы трансформируются в площадку для демонстрации групповой принадлежности. Примечательно, что сама структура цифровых дискуссий – с их ограниченным форматом комментариев, системой лайков и возможностью мгновенного блокирования оппонентов – провоцирует замену содержательной аргументации эмоциональными всплесками. В таких условиях религиозные и атеистические сообщества вырабатывают собственные языковые коды и риторические приемы, делающие взаимопонимание практически невозможным.

Парадоксальным образом эта поляризация сочетается с возникновением принципиально новых форм идентичности, которые уже не вписываются в традиционное разделение на верующих и атеистов. Молодое поколение, выросшее в условиях цифрового изобилия, зачастую формирует свою мировоззренческую позицию через эклектичное смешение самых разных источников – от научных подкастов до буддийских медитационных приложений, от атеистических мемов до эзотерических Telegram-каналов. Этот культурный винегрет рождает принципиально новые формы осмысления реальности, где строгие границы между религиозным и светским размываются, уступая место индивидуальным духовным конструктам, собранным по принципу цифрового коллажа [3, с. 2].

Настоящее исследование органично встраивается в современный научный дискурс о трансформации мировоззренческих структур, продолжая и развивая ряд ключевых направлений, намеченных в работах последнего десятилетия. Особую значимость приобретают исследования Хейди Кэмпбелл, которая в своей концепции «цифровой трансценденции» показывает, как религиозные практики не просто переносятся в онлайн-пространство, но принципиально переосмысляются через призму цифровых технологий, создавая новые формы сакрального опыта [1, с. 2]. Эти процессы находят своеобразное отражение в параллельных исследованиях цифрового атеизма, где, как демонстрирует Лейси, научно-популярный контент приобретает черты альтернативного символического универсума, предлагающего собственную систему смыслов и ритуалов.

Примечательно, что описанный Шерри Тёркл феномен «одиночества вместе» проявляется в обоих случаях, хотя и по-разному: если в религиозных сообществах он компенсируется через создание виртуальных общин, то в атеистических – через культивирование рациональной самодостаточности. Этот парадокс переключается с выводами Кастельса о сетевой природе современной идентичности, где противоречивые элементы уживаются в рамках единой цифровой экосистемы. Одновременно работы Путнама предупреждают об опасности «социального капсулирования», когда алгоритмическая персонализация создает герметичные мировоззренческие ниши, что особенно ярко проявляется в поляризации религиозных и светских дискурсов [4, с. 3].

В этом контексте особую ценность приобретают исследования Лундина о когнитивных эффектах цифровой среды, показывающие, как клиповое мышление трансформирует сами механизмы усвоения и обработки мировоззренческой информации. Эти процессы, как отмечает Вайс, по-разному проявляются в религиозных и атеистических сообществах: если первые склонны к созданию устойчивых нарративных шаблонов, то вторые чаще оперируют мозаичными фактологическими конструкциями. Подобная дихотомия, однако, как показывают новейшие работы Дженсена, постепенно размывается благодаря возникновению гибридных форм цифровой духовности, сочетающих элементы различных традиций в уникальных персональных конфигурациях.

Полученные результаты открывают пространство для многослойной интерпретации, где цифровая среда предстает не просто фоном, а активным участником трансформации мировоззренческих структур. Анализ выявил парадоксальный дуализм цифрового пространства: с одной стороны, алгоритмическая логика соцсетей действительно усиливает поляризацию, создавая герметичные эхо-камеры (как показали данные о радикализации дискурса в закрытых группах), но одновременно платформы становятся инкубаторами принципиально новых гибридных форм мышления, где религиозные и научные элементы свободно комбинируются в индивидуальных когнитивных конструкциях [5, с. 2]. Этот феномен особенно ярко проявляется в поколенческой динамике – если старшие возрастные группы демонстрируют относительную устойчивость традиционных мировоззренческих моделей, то у цифровых аборигенов

наблюдается удивительная пластичность смысловых структур, позволяющая им одновременно оперировать научными концепциями и элементами эзотерики, не воспринимая это как противоречие.

В более широком социальном контексте исследование предлагает ключи к пониманию современных культурных трансформаций, где традиционные институты социализации уступают место цифровым платформам, становящимся основными «поставщиками смыслов». Выявленные закономерности позволяют прогнозировать дальнейшую эволюцию мировоззренческого ландшафта, где границы между сакральным и профанным, научным и иррациональным будут продолжать размываться, порождая новые формы коллективного и индивидуального сознания [3, с. 3]. При этом исследование предостерегает от упрощенных оценок этих процессов – цифровая среда не является ни абсолютным злом, разрушающим традиционные ценности, ни панацеей, автоматически ведущей к прогрессу, оставаясь сложной амбивалентной системой, требующей вдумчивого осмысления и ответственного использования.

Список литературы

1. Братусь Б.С., Инина Н. В. Вера как общепсихологический феномен сознания человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vera-kak-obshepsihologicheskii-fenomen-soznaniya-cheloveka> (дата обращения 09.04.2025)
2. Назаретян А. Психологическая детерминанта глобального будущего // Развитие личности. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-determinanta-globalnogo-buduschego-1> (дата обращения 09.04.2025)
3. Мнажатдинова Р.З. Феномен религиозности личности в зарубежной и отечественной психологии // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS). 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-religioznosti-lichnosti-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-psihologii-1> (дата обращения 09.04.2025)
4. Федорова М.В. Религиозная идентичность в современном цифровом мире // Социодинамика. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-identichnost-v-sovremennom-tsifrovom-mire> (дата обращения 09.04.2025)
5. Чеснова Е.Н. Трансформация религии в условиях цифрового общества // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-religii-v-usloviyah-tsifrovogo-obschestva> (дата обращения 09.04.2025).

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ С ИНТЕРНЕТ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Елизавета
А. Джижикова

*студентка факультета психологии
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, Симферополь,
Российская федерация.
Научный руководитель – канд. психол. наук,
доцент кафедры социальной психологии
И. В. Зябкина*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования эмоциональной направленности у студентов высшего учебного заведения с интернет-зависимостью. У студентов с интернет-зависимостью эмоции, сопровождающие учебную деятельность и деятельность вообще, чаще связаны с получением удовольствия и комфортом, признанием их успехов, вниманием и восхищением со стороны, реже связаны с преодолением трудностей, соревновательным духом и внутренним наслаждением результатов своих трудов.

Ключевые слова: Интернет-зависимость, эмоциональная направленность, обучающиеся с интернет-зависимостью.

PECULIARITIES OF EMOTIONAL ORIENTATION OF STUDENTS WITH INTERNET ADDICTION

Elizaveta
A. Dzhizhikova

*Student of the Faculty of Psychology
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation.
Academic supervisor — Candidate of Psychological
Sciences, Associate Professor of the Department
of Social Psychology Zyabkina I.V.*

Abstract. The article describes the results of the study of emotional orientation in university students with Internet addiction. For students with Internet addiction, the emotions that accompany educational activity and activity in general are more often related to pleasure and comfort, recognition of their achievements, attention and admiration from the others, less often related to overcoming difficulties, competitive spirit and inner enjoyment of the results of their work.

Keywords: Internet addiction, emotional orientation, students with Internet addiction.

Тенденция к цифровизации общества и образования, в частности, сопровождается тем, что увеличивается количество людей, в особенности молодёжи, которые подвержены формированию интернет-зависимого поведения. Интернет-зависимые личности имеют ряд особенностей, таких как трудности в формировании межличностных связей в реальной жизни, высокий уровень личностной тревожности, повышенная озабоченность критикой в свой адрес, для них характерно чувство непривлекательности своей личности и принижение себя на фоне других, повышенный уровень депрессии по сравнению с испытуемыми без интернет-зависимости. Последнее выражается в высокой утомляемости, потере удовольствия от деятельности, чувстве вины и бесполезности, неспособности концентрироваться и принимать решения. Интернет-зависимым личностям также свойственны повышенный уровень враждебности, сниженные показатели волевой регуляции, снижение стрессоустойчивости, преобладание мотивации избегания неудач и другие особенно-

сти, которые могут влиять на успешность учебной деятельности [3, с. 77–79; 4, с. 31]. Перечисленные особенности говорят об актуальности изучения особенностей личности у интернет-зависимых студентов.

Цифровую среду отечественные исследователи считают современным этапом знакового опосредствования деятельности [1, с. 84]. Поскольку опосредование является одним из главных факторов формирования высших психических функций, включенность человека в цифровую среду, безусловно, влияет на протекание учебной деятельности и развитие высших психических функций. В то же время, эмоции теснейшим образом связаны с психическим развитием, учебной деятельностью: развитие в условиях эмоционально обогащенной обстановки протекает быстрее и успешнее, эмоции имеют функцию мобилизации ресурсов человека, через эмоции проявляют себя потребности, мотивы и ценности [2, с. 78]. Эмоции сообщают нам о степени вовлеченности в учебную деятельность, о ее успешности.

Данное исследование было проведено с целью изучения общей эмоциональной направленности студентов с выраженным интернет-зависимым поведением. Мы предположили, что у студентов, которые проводят чрезмерное количество времени в интернете, могут наблюдаться некоторые особенности в их эмоциональной направленности, в частности, у них будет преобладать стремление к эмоциям глорическим, и они будут избегать пугнических эмоций.

Были использованы методики «Шкала интернет-зависимости» Чен [5, с. 28] и «Эмоциональная направленность личности» Б. И. Додонова [6, с. 58–59]. Для математической обработки данных использовался Н-критерий Н-критерий Крускала Уоллиса. В исследовании участвовало 73 студента 3 и 4 курсов бакалавриата, в возрасте 20–23 лет. По результатам проведения методики «Шкала интернет-зависимости» испытуемые были разделены на три группы: 17 человек – в группе студентов с выраженными и сформированными паттернами интернет-зависимости, 38 человек – со склонностью к формированию интернет-зависимого поведения и 18 человек – с минимальным риском возникнове-

ния интернет-зависимости. Далее сравнивались показатели этих групп по методике «Эмоциональная направленность личности».

По данным, полученным в результате проведения методики «Эмоциональная направленность личности» Б. И. Додонова, выявлены следующие взаимосвязи между степенью склонности к интернет-зависимому поведению и типом эмоциональной направленности обучающихся высшего учебного заведения. Статистически значимые различия между группами выявлены по шкалам: «Глорические эмоции», «Пугнические эмоции», «Гедонистические эмоции». Это может говорить нам о следующем:

1) По шкале «Глорические эмоции» у группы с выраженным интернет-зависимым поведением показатель выше среднего, когда у остальных групп показатель средний, эти различия статистически значимы ($H = 10,62$; $p = 0,005^{**}$). Эти эмоции Додонов связывает с потребностью в самоутверждении, признании. Они могут быть связаны с чувством уязвленного самолюбия, недостаточной ценностью своей личности в своих глазах. Высокие показатели группы с выраженным интернет-зависимым поведением по этой шкале можно объяснить тем, что у них наблюдаются заниженные самооценка и уровень уверенности в себе, таким образом, они могут использовать интернет-среду для создания образа лучшего себя, но при этом они забывают про саморазвитие за пределами сети Интернет, возможно, потому что они в целом склонны избегать проблем реального мира.

2) По шкале «Пугнические эмоции» у всех групп результаты ниже среднего, однако у группы со сформированным интернет-зависимым поведением результаты выражено ниже, чем у остальных групп, и это различие статистически значимо ($H = 8,32$; $p = 0,016^{*}$). Эти эмоции связывают с потребностью в преодолении, с интересом к борьбе, к ним относят решительность, наслаждение риском, спортивный интерес. Низкие показатели группы со сформированным интернет-зависимым поведением можно объяснить тем, что в интернет-среде отсутствуют реальные вызовы, там существуют только виртуальные, которые не несут под собой реального риска, поэтому интенсивность пугнических эмоций снижена. С другой сторо-

ны, студенты с интернет-зависимостью могут избегать рисков в реальной жизни и заменять их виртуальными из-за того, что им не хватает уверенности в себе и мотивации, чтобы протестировать свои способности.

3) По шкале «Гедонистические эмоции» у всех групп показатели немного выше среднего, однако у группы со склонностью к формированию интернет-зависимого поведения показатель по этой шкале статистически значимо выше, чем у других групп ($N = 7,84$; $p = 0,020^{**}$). Гедонистические эмоции связаны с потребностями в комфорте и удовольствии, безмятежности и веселье. Студенты, у которых высокие показатели по этой шкале, могут прибегать к чрезмерному использованию сети интернет из-за наличия постоянного доступа к разным видам досуга, таким как фильмы, музыка, компьютерные игры и социальные сети и др.; они доставляют таким студентам удовольствие и ощущение комфорта, отвлекают от тревожащих мыслей о проблемах реального мира, снимают стресс и расслабляют, без надобности приложить усилия, такие студенты скорее всего менее устойчивы к стрессу и жизненным трудностям, хуже справляются с неудачами в виду их личностных особенностей и нуждаются в комфорте и поддержке.

По шкалам «Альтруистические эмоции», «Коммуникативные эмоции», «Прагматические эмоции», «Романтические эмоции», «Гностические эмоции», «Эстетические эмоции» и «Акзитарные эмоции» статистически значимых различий не выявлено, однако показатели по этим шкалам имеют разную выраженность.

Высокие показатели имеют следующие шкалы:

1) Коммуникативная эмоциональная направленность. Это значит, что всем исследованным студентам чаще свойственно стремление к эмоциям от удовлетворения их потребности в близости с другим человеком, удачном взаимодействии с другим, понимании и сочувствии.

2) Прагматическая эмоциональная направленность. Это значит, что обследованным нами студентам часто свойственно придавать важность переживаниям, вызванным увлеченной работой, выполнением работы согласно составленному плану и получением результата, поэтому студенты будут стремиться к деятель-

ности, связанной с этим. Однако, у группы с минимальным риском формирования интернет-зависимого поведения показатели выше, чем у группы со сформированным интернет-зависимым поведением, это можно связать с тем, что студентам со сформированным интернет-зависимым поведением, возможно, реже удастся завершить работу и хорошо спланировать её из-за следующих характерных для них особенностей – сниженные показатели внимания, сниженный уровень вовлеченности в деятельность, трудности планирования и управления своим временем, поэтому они могут немного чаще избегать деятельности связанной с работой, но это не значительно.

3) Эстетическая эмоциональная направленность. Это означает, что студенты всех трех групп имеют одинаковое стремление ощущать красоту и гармонию разных произведений искусства и окружающего мира. Им свойственно наслаждение красотой чего-либо, чувство возвышенного, наслаждение звуками и др. Отсутствие различий можно объяснить тем, что студенты с интернет-зависимостью могут воспринимать предоставляемые интернетом в постоянном доступе различные произведения искусства как способ избежать повседневных проблем, уйти от реальности. Также, возможно, что эстетические переживания важны для всех студентов, так как они открывают возможности к коммуникации с другими людьми об этих переживаниях, а коммуникативные эмоции у всех групп выше среднего.

Средние показатели имеют следующие шкалы:

1) Альтруистическая эмоциональная направленность. Это значит, что все участники исследования, независимо от их группы, считают одинаково значимым переживание эмоций нежности, переживания заботы о ком-то, они испытывают радость от предоставления помощи окружающим и стремятся получить эти эмоции.

2) Романтическая эмоциональная направленность. Это говорит, что для всех групп характерно стремление к эмоциям, которые приносят необычные, таинственные вещи, ожидание, что с тобой произойдет что-то необычайное и значительное, и как-то повлияет на твою жизнь. Им приносит удовольствие ожидание каких-либо

Таблица 1 — Средние показатели разных групп испытуемых по шкалам методики «Эмоциональная направленность личности» Б. И. Додонова

Эмоциональная направленность	Группа с выраженным инт.-зав. повед.	Группа со склонностью к инт.-зав. повед.	Группа с минимальным риском возн. инт.-зав. поведения	Н-критерий Крускала Уоллиса	p
Алтруистическая	4,24	5,24	4,83	1,42	0,492
Коммуникативная	6,06	6,95	6,44	3,34	0,188
Глорическая	6,00	5,79	4,61	10,62	0,005**
Прагматическая	5,71	6,24	7,11	4,21	0,122
Пугническая	0,47	0,87	2,94	8,32	0,016*
Романтическая	5,76	4,84	5,94	0,75	0,684
Гностическая	5,00	5,71	5,39	2,30	0,317
Эстетическая	7,00	5,92	5,22	5,58	0,061
Гедонистическая	5,65	5,97	5,56	7,84	0,020*
Акquisитивная	2,82	3,47	2,67	1,86	0,393

приключений и исследование тайн. Это можно объяснить тем, что для молодых людей свойственно стремление к исследованию себя и окружающего мира, а также такие эмоции могут сопровождать процесс обучения, когда студенты изучают новые для них концепты. Среди студентов существует культура «романтизации» учебы, это феномен, получивший распространение в социальных сетях, когда студенты начинают воспринимать учебный процесс как увлекательное приключение, сопровождать процесс обучения, когда студенты изучают новую для них информацию. Это помогает им быть более увлеченными их основной деятельностью и получать больше удовольствия в процессе обучения.

3) Гностические эмоции у всех групп результат около среднего, статистически значимых различий нет ($H = 2,30$; $p = 0,317$).

Это значит, что студенты всех групп одинаково стремятся испытывать эмоции от такой деятельности как решение сложных задач и структуризация новых знаний. Это можно объяснить тем, что обучающиеся высшего учебного заведения часто сталкиваются с разными задачами, которые требуют решения, стремление к пониманию и решению задач свойственны студентам. Также возможным объяснением отсутствия различий может стать то, что сеть Интернет делает доступ к информации более легким и создает ощущение понимания, проникновения в сущность проблемы, что может вызвать приятные гностические эмоции и стремление к ним у студентов с интернет-зависимостью. Однако эти переживания являются менее ценными для них, чем коммуникативные, практические и эстетические.

Низкие показатели наблюдаются по шкале «Акзигитивная эмоциональная направленность». Эти эмоции относят к потребности к накоплению и приобретению, к владению чем-либо. Низкие показатели студентов по этой шкале можно объяснить тем, что у них другие приоритеты в данный момент жизни – отношения с окружающими, обучение, познание себя и мира, а также тем, что студенчество часто связано с переездами, это довольно переходный и относительно краткосрочный этап жизни, поэтому приобретения и коллекции чаще всего могут оказаться ненужными или вовсе помехой.

В заключении можно сказать, что у студентов с интернет-зависимостью, по сравнению с другими студентами, глорическая эмоциональная направленность выражена больше. А пугническая эмоциональная направленность выражена крайне мало и меньше, чем в других группах испытуемых. Оба различия статистически значимы. Таким образом, студенты с интернет-зависимостью не чувствуют признания ценности собственной личности, стремятся к самоутверждению. В то же время они не готовы к преодолению трудностей, риску, не решительны.

Список литературы

1. Войскунский А.Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1. М.: Смысл, 2002. С. 82–101.

2. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. 1-е изд. М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1978. 270 с.
3. Дрепа М. И. Психологический портрет личности интернет-зависимого студента // Вестник ТГПУ. 2009. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiy-portret-lichnosti-internet-zavisimogo-studenta> (дата обращения: 25.05.2025)
4. Ильина В. В., Молчанова Л. Н. Особенности копинг-поведения студентов, склонных к интернет-зависимости // Коллекция гуманитарных исследований. 2019. №5 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-koping-povedeniya-studentov-sklonnyh-k-internet-zavisimosti> (дата обращения: 25.05.2025)
5. Малыгин В.Л. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. учеб. пособие изд. М.: МГМСУ, 2011. 32 с.
6. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002. 362 с.

ГРЕТА ТУНБЕРГ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА

Наталья
А. Запарина

*Студент бакалавриата
Северо-западной институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. В данной работе рассматривается современная политическая коммуникация через призму феномена Греты Тунберг, шведской экологической активистки, ставшей символом борьбы с изменением климата. Исследуются основные аспекты взаимодействия всех участников политического процесса: политиков, лидеров мнений, ученых, экспертов и общества. Работа включает определение понятия политической коммуникации и анализ роли её субъектов. Приводится схема идеальной модели политической коммуникации, которая затем сопоставляется с реальными процессами на примере деятельности Греты Тунберг. Особое внимание уделяется анализу неидеальной модели политической коммуникации, где лидер мнения (Грета Тунберг) выступает посредником между научным сообществом и общественностью, минуя экспертов. Работа демонстрирует, как эмоциональная составляющая в политическом дискурсе может влиять на формирование экологической повестки в мировой политике. Проводится контент-анализ речей и публичных выступлений Греты Тунберг, а также анализируется реакция на ее деятельность всех участников взаимодействия.

Ключевые слова: политическая коммуникация, Грета Тунберг, политики, экспертное сообщество, научное сообщество, экологическая повестка.

GRETA THUNBERG AND MODERN POLITICAL COMMUNICATION: AN ANALYSIS OF THE PHENOMENON

Natalia
A. Zaparina

*Bachelor's Degree student
Northwestern Institute of Management
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract. This paper examines modern political communication through the lens of the phenomenon of Greta Thunberg, a Swedish environmental activist who has become a symbol of the fight against climate change. The main aspects of the interaction of all participants in the political process are investigated: politicians, opinion leaders, scientists, experts and society. The work includes the definition of the concept of political communication and the analysis of the role of its subjects. The scheme of an ideal model of political communication is given, which is then compared with real processes using the example of Greta Thunberg's activities. Special attention is paid to the analysis of an imperfect model of political communication, where the opinion leader (Greta Thunberg) acts as an intermediary between the scientific community and the public, bypassing experts. The work demonstrates how the emotional component in political discourse can influence the formation of the environmental agenda in world politics. A content analysis of Greta Thunberg's speeches and public appearances is carried out, as well as the reaction of all participants in the interaction to her activities is analyzed.

Keywords: political communication, Greta Thunberg, politicians, expert community, scientific community, environmental agenda.

В век современных технологий, интернета и глобализации у общества нет возможности оставаться неосведомленным или безучастными. Политическая коммуникация ярко демонстрирует этот феномен. Но что она из себя сейчас представляет? Кто является ее субъектами? Как они взаимодействуют и к чему это приводит? На конкретном примере мы рассмотрим действия всех участников и ответим на все вопросы.

Для начала разберемся с дефинициями. В широком смысле, коммуникация – это передача информации от человека к человеку посредством речи, жестов, а также изображений и других символь-

ных форм, зафиксированных на материальных носителях [9, с. 34]. Политическая коммуникация имеет несколько основных трактовок, используемых в научной литературе.

Американский философ Н. Винер в своей работе «Человек управляющий» пишет, что политическая коммуникация – это процесс создания, отправки, получения и обработки сообщений, оказывающих существенное влияние на политику» [7, с. 168]; «данное воздействие может быть как прямым, так и косвенным, его результаты могут проявляться как незамедлительно, так и по прошествии времени» [9, с. 35].

Более развернутое определение предлагает В. В. Латынов в «Политической энциклопедии», где под политической коммуникацией понимается «обмен информацией между субъектами политической жизни, а также между государствами и гражданами», который может протекать на формальном и неформальных уровнях» [9, с. 35]. Важность неформальных способов коммуникации подчеркивал также Л. Пай, который говорил, что данный процесс подразумевает не одностороннее направление сигналов от элит к массам, а весь спектр неформальных коммуникативных процессов в обществе, которые оказывают совершенно разное влияние на политику [4, с. 442].

Таким образом, политическая коммуникация – это информационный аспект взаимодействия политических субъектов посредством обмена смыслами в процессе политической борьбы. Его участники стремятся распространить полезную информацию и дезинформацию среди общества с целью формирования выгодного этим участникам политического курса [1, с. 248–249].

Выделим основных участников политической коммуникации:

Политик – человек, профессионально занимающийся политикой, который борется за власть и осуществляет управленческие решения в силу удержания власти [11, с. 91].

Лидеры мнений – люди, влияющие на суждения, действия, а также оценку каких-либо событий, фактов или явлений определенными группами людей, в сознании которых данный человек имеет статус лидера. Такой человек отличается лучшей информативностью, более высоким социальным статусом, и возможностью влияния на людей [10, с. 115].

Эксперт – профессионал, который, владея фундаментальным знанием, применяет его для решения конкретных прикладных задач [13, с. 39].

Ученый – квалифицированный специалист, главной особенностью исследовательской деятельности которого является соблюдение требований науки, научных знаний и научного метода. Задача ученого – предоставлять новое знание, которое должно быть объективным, обоснованным и направленным на получение новых закономерностей, законов природы и общества [12, с. 458].

Общество – все граждане страны, являющиеся получателями информации от политиков, правительства и СМИ.

В идеальном примере политической коммуникации ученые проводят исследования и делятся их результатами с политиками и обществом: публикуют статьи, выступают на конференциях. Эксперты занимаются решением конкретных практических проблем, которые требуют последовательного плана и прогнозов. Именно они участвуют в общественных дискуссиях, дают научно обоснованные рекомендации политикам, осуществляют экспертный перевод, – перевод информации со специального языка на обыденный [6, с. 96]. Таким образом, эксперты выносят научные сведения в массы и популяризируют их. Политики же учитывают научные данные и экспертные прогнозы при принятии решений, ведут открытый диалог с обществом, в котором прислушиваются к запросам граждан, объясняют причины политической повестки и отчитываются о результатах. Лидеры мнений обращают внимание на серьезные проблемы и мобилизуют общество на активное обсуждение, также помогают социуму различать достоверную информацию от дезинформации и способствуют открытому диалогу между всеми участниками коммуникации. Так происходит делиберация – это публичное обсуждение вопроса, завершающееся принятием решения и действием, получающим легитимацию в глазах общества [14, с. 512]. В конечном итоге, все вышеперечисленные акторы ждут от современного общества проявления активного участия в политических процессах, посредством участия в выборах, формирования и выражения общественного мнения и обращения к политикам с актуальными запросами и предложениями. Ниже представлена схема идеальной политической коммуникации (Рисунок 1).

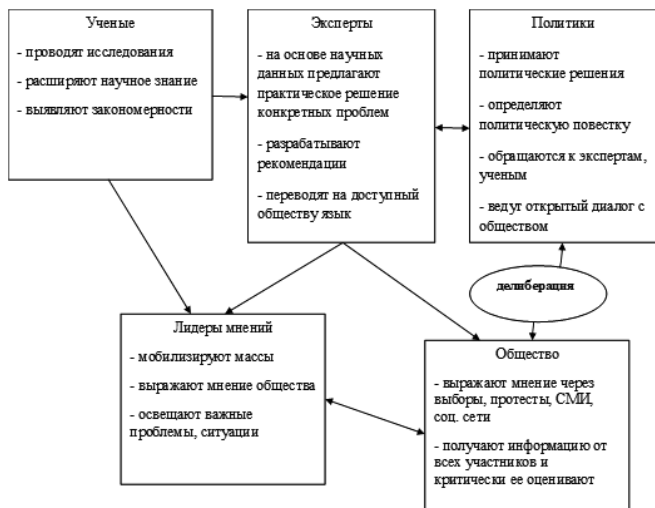

Рисунок 1

Основные направления взаимодействия:

Научная коммуникация: Учёные → Эксперты → Политики → Общество.

Обратная связь (запросы общества влияют на политические решения и направление научных исследований): Общество → Лидеры мнений → Политики → Эксперты → Учёные.

Мобилизация общества: Лидеры мнений → Общество → Политики.

Но в реальности политическая коммуникация часто выглядит не совсем так, или даже совсем не так. Конечно, к данной схеме нужно стремиться, но как же взаимодействие всех участников происходит на самом деле? Для ответа на этот вопрос рассмотрим кейс Греты Тунберг.

Грета Тунберг – шведская экологическая активистка, которая стала символом борьбы с изменением климата. Её деятельность привлекла внимание всего мира и вызвала как огромную поддержку, так и критику. Давайте разберём, как именно она повлияла на мировую повестку и вызвала сильный общественный резонанс.

20 августа 2018 года у здания шведского парламента в Стокгольме она появилась с плакатом «Skolestrejkkör klimatet» (Школь-

ная забастовка за климат). Ее требования касались увеличения масштаба шведских сокращений выбросов парниковых газов [15, с. 102–103]. Также она заявила, что не будет ходить в школу по пятницам, пока власти Швеции не начнут соблюдать Парижские соглашения по климату. Так ее одиночные пикеты переросли в движение «Fridays For Future» («Пятницы ради будущего»). Постепенно к ее акциям стала подключаться молодежь из других стран. В январе 2020 года на страницу Тунберг в Facebook было подписано 2,7 млн человек, на страницу в Instagram – 9,7 млн, в Twitter – 4 млн [16, с. 124]. Грета превратилась в лидера мнений, призывающего людей к вниманию к экологической ситуации в мире. Она выступала перед парламентами нескольких стран и в Европарламенте, на Мировом экономическом форуме в Давосе, а также на саммите ООН по изменению климата в Нью-Йорке. Журнал Таймс в конце 2019 г. объявил ее «Человеком года», впервые это звание получил подросток [15, с. 103].

Политическую позицию и эмоциональный настрой Греты Тунберг ярко характеризуют три наиболее известных ее цитаты: «Мы находимся в начале массового вымирания, а вы только и можете говорить о деньгах», «Мы наблюдали, как политики мечутся, играя в политические игры», «Мы вас никогда не простим» [5, с. 40–65].

Глобальные экологические проблемы никогда не были для современного быстроразвивающегося общества чем-то новым. Ученые и аналитики публикуют свои прогнозы и делают выводы по текущей природной ситуации в мире. Но почему именно шведской экологической активистке удалось привлечь внимание к себе и волнующей ее проблеме политиков международного сообщества и людей всего мира?

Л. Гейвандян на основании контент-анализа речи Тунберг показала, что ее тактика убеждения построена на обращении к эмоциям и чувствам аудитории. Она использует такие способы речевого воздействия, как прямое обращение с элементами обвинения (*fail, how dare you*), прием повторения в параллельных конструкциях (*People are suffering. People are dying; Right here, right now*) [8, с. 233–235]. Если говорить про информационное содержание ее выступлений, то она просто повторила некоторые выводы МГЭИК, сопроводив небольшим эмоциональным комментарием. Тунберг сознательно

пытается инициировать моральную панику, говоря о том, что она и ее поколение страдает от взрослых, которых Грета обвиняет в групповом эгоизме, лицемерии и меркантильности. Также повестка Тунберг построена на черно-белом видении мира и на обесценивания любых других проблем человечества, кроме грозящей климатической катастрофы. Для нее и молодежи, которую она мобилизует на борьбу с нынешними порядками, становится неприемлем вариант компромисса с «системой» [15, с. 104–105].

Ответ и поддержка общественности не заставили себя ждать. Когда Грета объявила «Глобальную климатическую забастовку» с 20 по 27 сентября 2019 года, прошло более 5500 акций в 160 странах на 7 континентах. В первый же день приняло участие около 4 млн человек – по оценкам экологической организации 350.org, это был самый масштабный международный эко-протест за всю историю человечества на тот момент. «Во время климатических забастовок демонстранты впадали в почти религиозный экстаз, они плачут и кричат, как будто конец света уже наступил» [16, с. 29].

Поддержку она снискала не только у массового общества, но и у известных актеров, религиозных деятелей и политиков. Папа Римский Франциск жал Грете руку, просил «продолжать работать». Сорок четвертый президент США Барак Обама назвал ее «одним из величайших защитников нашей планеты», «мужественных, преданных своему делу молодых лидеров». Актер Леонардо ДиКаприо и эксгубернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер размещают в своих социальных сетях совместные фото [17, с. 131]. Политические лидеры, настроенные более скептически по отношению к деятельности Тунберг (например, Д. Трамп и В. В. Путин), также посчитали нужным ясно выразить свою позицию [3, с. 455–457].

Как же отреагировало научное и экспертное сообщество? Экономист Б. Ломборг назвал её подход «нереалистичным», так как он игнорирует сложности перехода на возобновляемые источники энергии [3, с. 458]. Он заявил: «Молодёжь предлагает решения, которые могут разрушить экономику, но не решат проблему». Климатолог К. Хейхо заявила: «Молодёжь должна сочетать свои эмоциональные призывы с научными данными и практическими решениями». Р. Линдзен, климатолог-скептик, заявил: «Грета говорит правильно, но она не предлагает, как именно мы должны действовать». Инте-

ресное мнение высказал публицист, А. Невзоров: «Грета становится марионеткой в руках крупных экологических организаций».

22 сентября 2019 года 500 учёных из 13 стран во главе с геофизиком профессором Гаагского университета Гуус Беркхоутом направили Генеральному секретарю ООН Антониу Гутерришу письмо с протестом против провоцирования экофобии и нагнетания «климатической тревоги». Однако это письмо было не замечено [16, с. 131–132].

Иную позицию продемонстрировал климатолог Майкл Манн, известный своими исследованиями изменения климата, он заявил: «Молодёжь делает то, что мы, старшие поколения, не смогли сделать: она заставляет нас действовать» [2, с. 117–123]. Лиза Батлер, психолог, изучающая экологическое поведение, отметила: «Эмоции – это то, что мотивирует людей действовать. Грета использует их правильно».

Таким образом, ученые и эксперты признают, что Грета Тунберг сыграла ключевую роль в повышении осведомлённости о климатическом кризисе и оказании давления на правительства и компании. При этом они придерживаются более сбалансированного под-

Рисунок 2

хода, основанного на конкретных научных данных и практических постепенных решений.

Ниже представлена схема, описанной политической коммуникации на примере феномена Греты Тунберг (Рисунок 2).

Таким образом, феномен Греты Тунберг – яркий пример современной политической коммуникации, демонстрирующий реальные механизмы и проблемы этого процесса. Мы видим, что схема реальной коммуникации далека от нормативной, что может привести к целому ряду последствий – от моральной паники в обществе до необоснованных политических решений. Включение экспертов в публичную коммуникацию и возвращение всех ее субъектов в их ролевое поле кажется сегодня важной практической задачей.

Список литературы

1. Botasheva A.K. Political communication as an informational aspect of interaction between policy subjects // *Modern Science and Innovations*. 2023. No. 4(44). P. 246–251.
2. Greer A., Thompson S. Youth-Led Climate Activism: Criticism and Support // *Journal of Environmental Studies*. 2021. Vol. 35, No. 2. P. 112–125.
3. Ivanova M., Johnson P. The Greta Thunberg Phenomenon: A Sociopolitical Analysis // *Environmental Politics*. 2020. Vol. 29, No. 4. P. 450–462.
4. Pye L. Political Communication // *The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions*. Oxford-New York, 1987. P. 542.
5. Thunberg G. No One Is Too Small to Make a Difference. Illustrated 2-nd ed. London: Penguin Books, 2019. 68 p.
6. Алексеева Е.К., Медведев А.О. О соотношении понятий «учёный» и «эксперт» // *Научковедческие исследования*. 2023. №3. С. 90–102.
7. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
8. Гейвандян Л.Э. Эмоциональная аргументация в политическом дискурсе: на материале выступления Греты Тунберг в ООН // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13, № 10. С. 232–236.
9. Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий «Политическая коммуникация» и «Политическая информация» // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2003. №4. С. 34–42.
10. Ильиных Е.М. Лидеры мнений как инструмент формирования общественного мнения в период избирательных кампаний // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2019. № 9(37). С. 113–116.
11. Казанцева В.А., Лошин Н.Д. О проблеме определения понятия «политик» // *Вестник ЧелГУ*. 2021. №5 (451). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-probleme-opredeleniya-ponyatiya-politik> (дата обращения: 23.03.2025).

12. Коваль С.Л. Эксперт против ученого. Когнитивные особенности получения знания экспертом. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 455–468.

13. Кошелев А.А., Ивченкова М.С. Экспертное знание как социальный феномен: теоретико-методологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. № 4. С. 36–43.

14. Микиртумов И.Б. Ученые, правительства и гуманитарные эксперты в делиберации по экологическим проблемам // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме : труды III Всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 26–28 ноября 2021 года. Русское общество истории и философии науки. Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 511–515.

15. Прокофьев Д.А. Кейс Греты Тунберг и противостояние фреймов в медиа освещении проблемы климатических изменений // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. №1 (45). С. 99–109.

16. Семедов С.А., Сухарева В.А. Феномен Греты Тунберг или технологии медиатизации протеста // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 1(13). С. 121–138.

ПЛАТОНОВСКОЕ ПОНЯТИЕ МИМЕЗИСА В КОНТЕКСТЕ ЖИВОПИСИ ЭКСПРЕССИОНИЗМА. О ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЯХ ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Светлана
В. Карташева

*студент факультета истории искусств
Российского государственного
гуманитарного университета
Москва, Российская Федерация*

Аннотация: В докладе соотносится эстетическая идея Платона, его понятие мимезиса с живописью экспрессионизма. Через рассмотрение социокультурных и философско-мировоззренческих истоков и художественных средств экспрессионизма выявляются духовно-нравственные основания данного направления, затрагиваются вопросы сущности искусства, судьбы человека и человечества, преодоления внутреннего раскола, заброшенности, отделенности личности в условиях стремительно развивающейся цивилизации.

Ключевые слова: Платон, мимезис, идеал, искусство, живопись, экспрессионизм.

PLATO'S CONCEPT OF MIMESIS IN THE CONTEXT OF EXPRESSIONIST PAINTING. ON THE SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF EXPRESSIONISM

Svetlana
V. Kartasheva

*student, Faculty of Art History
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Abstract: This report correlates Plato's aesthetic idea, his concept of mimesis with the painting of expressionism. By examining the socio-cultural and philosophical-worldview origins and artistic means of expressionism, the spiritual and moral foundations of this movement are revealed. It addresses questions of the essence of art, the fate of humanity and the individual, and the overcoming of inner division, abandonment, and the isolation of the individual in the face of rapidly developing civilization.

Keywords: Plato, mimesis, ideal, art, painting, expressionism.

Платон создал концепцию объективного идеализма, по которой видимый нами мир есть лишь подражание миру идей, обладающему истинным бытием. Искусство в этой системе представляет собой подражание действительности – мимезис, который в истории эстетики чаще всего трактуют с отрицательной стороны как подражание подражанию, третьестепенную удаленность от мира идей, а значит, удаленность человека от истины, высшего блага. Однако при более внимательном рассмотрении вскрывается противоречивость платоновского понятия мимезиса. Так, видный философ А. Ф. Лосев отмечает: «У Платона можно найти как тексты, совершенно уничтожающие значимость подражания, так и тексты, где подражание играет у него первейшую роль, даже космическую» [4, с. 55]. Противоречие усиливается тем, что Платон ставит выше всего в искусстве особое состояние художника, иррациональное вдохновение, неистовство. В. Г. Арсланов снимает кажущееся противоречие посредством выявления двух разновидностей мимезиса: подражание непосредственно тому, что видит глаз, иллюзионизм, и так называемое божественное подражание, когда человек видит и изображает первообраз вещи, ее суть. Речь идет о мимезисе как о

творчестве, в котором человек приближается к Богу (скорее в пантеистическом понимании) и через свое творение выражает некий божественный замысел, высшую идею. С точки зрения Платона искусство должно служить тому, чтобы улучшать человека и мироустройство, быть нравственным, но не в поверхностном смысле назиданий, а в смысле высшей целесообразности, которая бы вела людей к благу. При этом прослеживается тесная и даже неразрывная связь реального и идеального, истинной сути вещей и их прекрасного облика.

Применимо ли понятие божественного мимезиса к экспрессионизму как сложному и противоречивому культурному феномену, имеющему в основе свою глубокую философско-мировоззренческую базу? Экспрессионизм есть не просто художественное направление, а определенное мировоззрение, вызванное глобальными социальными и политическими переменами, ощущением кризиса, которое переживают и выражают представители поколения, вступившего в литературу, изобразительное искусство и театр в первой четверти XX века. Экспрессионисты предчувствовали трагические события Первой мировой, а затем и Второй мировой войны и наиболее остро выразили в искусстве душевную боль и психический разлом. Они чувствовали, будто рушатся основы мироздания и человек остается одиноким перед непостижимой и пугающей бездной, он испытывает ужас перед гигантскими жерновами цивилизации, порабощающей и уничтожающей человека; как никогда остро встает вопрос о смысле человеческого бытия. Нынешнее общество, спустя сто лет, пребывает в схожем состоянии тревоги, беспомощности, неопределенности, потери нравственных ориентиров. Экспрессионизм ставит вопрос о том, *как жить*, выдвигает на передний план проблему судьбы человека и человечества.

Характерной чертой экспрессионизма является соединение двух глубинных переживаний, двух начал – пессимистическое предчувствие всеобщей катастрофы, «конца времен», раздробленности и неопределенности человеческого существования, изоляции человека во враждебном окружении, разрушение всех традиционных устоев жизни, с одной стороны, и вера в добро, рождение нового человека, устремленность в новые сферы жизни, к идеалу человеческого братства, к абсолютным нравственным ценностям, с другой.

Экспрессионизм вобрал в себя целый спектр философских идей и доктрин: концепции А. Бергсона, С. Кьеркегора, Ф. Ницше – утверждение субъективного сознания в художнике, приоритет интуиции в творческом процессе и необходимость прорыва к Богу «через все проволочные заграждения законов природы» (В. Воррингер); философию А. Шопенгауэра; теорию познания Э. Гуссерля (идеи редукции, абстрагирования, обнажения закона и «идеальных сущностей»); философию жизни (принцип самоценности человеческой личности как нерасчленимой целостности); эстетические воззрения К. Фидлера, теорию психоанализма З. Фрейда, антропософию Р. Штайнера.

Как направление в живописи экспрессионизм организационно и теоритически оформился в Германии и Австрии в начале XX века. В 1905 г. в Дрездене возникла группа «Мост» (Э.Л. Кирхнер, Э. Хеккель, К. Шмидт-Ротлуф, Э. Нольде и др.). В 1911 г. в Мюнхене было создано второе объединение экспрессионистов – группа «Синий всадник» (Ф. Марк, В. Кандинский, А. Маке, М. Веревкина, П. Клее и др.). Истоки художественного стиля экспрессионистов прослеживаются еще в немецкой готике и барокко, романтизме и символизме, в работах великих мистиков и апокалиптиков – Босха, Грюневальда, Эль Греко. К прямым предшественникам экспрессионистов относят Дж. Энсора, Э. Мунка, П. Сезана, В. Ван Гога, в России – художника-символиста М. Врубеля.

Экспрессионисты уходят от реалистичного отражения действительности, от мимезиса в его упрощенном понимании, от приукрашивания природы и человека. Как писал А. А. Гугнин, «духовное ясновидение экспрессионистов обнаруживало за вполне “приличной” внешней оболочкой зримого мира ужасающую деформацию внутренней сущности. Эта несовместимость “внешнего” (как общеприемлемого или даже общепринятого) и “внутреннего” (субъективного духовного видения, открывавшегося как пророческая Истина), требовала немедленного действия: “крика”, “вопля”, патетического отчаяния, призыва, воззвания, страстной проповеди – чего угодно, только не спокойного созерцания» [3, с. 85]. Отсюда – подчеркнутая деформация форм, острый выраженный контур, схематическая условность, яркие цветовые решения, резкие контрасты, подчеркивание отталкивающих, пугающих черт, будь то часть тела

или предметная подробность. В своем отрицании реализма ряд художников во главе с В. Кандинским приходят к полному отказу от предметности, абстрагируются от нее, утверждая самодостаточность линии, формы, цветового пятна, их способность выражать духовное, трансцендентное, подобно музыке. Кандинский абсолютизировал понятие экспрессии в искусстве как выражения идеи вечного вселенского процесса. Он видел цель искусства в максимальном одухотворении мира, в выявлении первичной сущности внешней реальности.

Отказ от реального изображения мира вещей, стремление передать трансцендентное сближает экспрессионизм с эстетическим учением Платона, как и стремление к идеалу, вера в абсолютное благо. П. М. Топер подчеркивал, что экспрессионизм, «оставаясь верным жизненным (человеческим) ценностям и нравственным законам, всегда был *направлен на утверждение идеала, на недостижимый абсолют*. <...> Добро для него остается добром, зло – злом, поиски истины – высшей целью» [7, с. 12]. Существенное различие заключается в том, что экспрессионизм не раскрывает идеальный образ, а обличает за внешним приличием ужасающее содержание. Экспрессионисты утверждают высшее благо и гуманистические ценности по большей части опосредованно, через изображение тревожного, дисгармоничного, порой безобразного. Не выражение идеального, но стремление к нему через отвращение от того, что ужасно и пагубно. Экспрессионизм выступает отражением общества, зеркалом, необходимым для того, чтобы люди переосмыслили свою систему ценностей, ведущую в никуда, к хаосу, разложению, войнам. По мнению А. Балашова, «искусство – это сомнение в намерении современности узнавать о себе. Это принуждение современности к обсуждению и объяснению существующей системы ценностей» [2, с. 5].

Для ряда экспрессионистов характерна социальная направленность произведений, протест против бездуховной цивилизации, пороков буржуазного общества, «против механизации жизни во имя человека». Картины многих экспрессионистов преисполнены метафизическим ужасом перед хаосом бытия. Но этот ужас, по мнению теолога и философа П. Тиллиха, имеет под собой скрытое религиозное содержание – именно в чувстве «космиче-

ской вины обособленного существования» [5, с. 239]. Будучи глубоко привержены индивидуализму, экспрессионисты тем не менее верили в идею человеческого братства. Ощущение изоляции индивида, рожденное конфликтом между личностью и окружающим миром, требовало преодоления одиночества через обретение чувства общности независимо от социальных и национальных границ. Принцип органического единства с миром был сформулирован еще давно великими философскими и религиозными системами. Здесь можно проследить влияние, к примеру, буддизма, где из переживания единства с миром вытекал важнейший моральный принцип сострадания. Экспрессионистам свойственно острое переживание за судьбу человека, своих собратьев. В своих произведениях они выдвигают на передний план конфликтность бытия, выражают свое сочувствие обездоленным, покалеченным, заблудшим, падшим, стимулируя тем самым нашу собственную способность к сопереживанию.

Экспрессионизм постоянно возвращает нас к вопросу о сущности искусства и о том, как жить человеку в этом сложном, меняющемся мире. Моральный релятивизм, оторванность от общечеловеческих ценностей, от своего природного начала, с одной стороны, и от вершины бытия, то есть Бога, с другой, приводят современного человека к крайнему индивидуализму, эгоцентризму, замыканию в себе, в скорлупке своего «эго». По словам И.В. Фотиевой, «это влечет за собой не только внешние кризисы: нарастание противостояний, вражды, войн, но и внутренние – ощущение пустоты, “заброшенности”, бессмысленности существования – все те настроения, которые и овладели многими людьми» [6, с. 241].

В основе своей экспрессионизм направлен на преодоление раскола между духом и материей, между природой и культурой, личностью и обществом. Как и учение Платона, экспрессионизм призывает выйти из своей скорлупы, замкнутости и ограниченности, приблизиться к своей истинной сути, к подлинному бытию. Он борется за справедливое мироустройство, за духовное возрождение человека – в том числе через восприятие произведений искусства, через осознание важности человеческого единства, понятий «любовь», «доброта», «ты», через обретение точки опоры: дома, родины, Бога, человека.

Список литературы

1. Арсланов В.Г. Теория и история искусствознания. Античность. Средние века. Возрождение. Академический проект, 2015.
2. Балашов А. Экспрессионизм. Эстетика маргинального искусства в России XX века. М.: Agey Tomesh, 2005.
3. Гугнин А.А. Духовно-нравственное и художественное наследие немецкого и австрийского экспрессионизма в контексте европейской культуры («от Бури и натиска» до постмодернизма) // Человек в искусстве экспрессионизма. Коллективная монография. СПб.: Алетейя, 2022.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика.
5. Тиллих П. Об идее богословия культуры // Сравнительное богословие: немецкий протестантизм.
6. Фотиева И.В. Экспрессионизм в живописи: философские размышления // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2023. № 3 (30). С. 234–245.
7. Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

КОНЦЕПЦИЯ БЫТИЙНОЙ ИСТОРИИ ПОЗДНЕГО МАТИНА ХАЙДЕГГЕРА И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ XX–XXI вв.¹

Надежда В. Кода

*кандидат философских наук,
Российский государственный гуманитарный
университет,
Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Философская антропология второй половины XX – начала XXI вв. эволюционировала от поиска человеческой уникальности (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен) до кризиса классической антропологии (М. Фуко, Ж. Делёз, М. Релли). В неклассических анти-антропологических концептах конца XX – начала XXI вв. человек уступает место гибридам (Б. Латур), киборгам (Д. Харауэй), коду (Н. Ланд). На фоне анти-антропологических проектов, предвещающих исчезновение человека, возникает идея «спасения философии через антропологию», предлагающая способы «выведения человека из центра» без «замещения» его «нечеловеческими» или «околочеловеческими» сущностями. Этот подход близок хайдеггеровской бытийно-исторической концепции преодоления антропоцентризма и возвращения человека к роли «хранителя бытия». Постструктуралистский поворот в антропологии (К. Леви-Стросс, Р. Вагнер, В. де Кастро) вводит

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Russian Science Foundation) № 24-28-01822, <https://rscf.ru/project/24-28-01822/>. Тема: Стратегии тематизации традиции в философии М. Хайдеггера и православной мысли второй половины XX – начала XXI вв. Руководитель проекта Коначева С. А. Номер проекта 24-28-01822. Кода Надежда Викторовна, исполнитель проекта, научный сотрудник, к.н. Центра научно-исследовательской работы Отдела сопровождения научно-исследовательской работы Управления по координации научной и экспертно-аналитической работы Департамента научной деятельности.

методологию «перспективизма», позволяющую взглянуть на человека «глазами не-человека» и преодолеть линейную логику. Этот поиск «другой логики» сближает данную альтернативную, «обратную антропологию» (reverse anthropology) с поздним Хайдеггером, который также искал «другую строгость» мышления. Оба подхода предлагают альтернативную связность: Хайдеггер через «природнение к Бытию», а «обратная антропология» – через переоткрытие человека в контексте «туземной логики».

Ключевые слова: анти-антропология, постструктуралистский поворот в антропологии, Хайдеггер, бытийная история.

MARTIN HEIDEGGER'S «HISTORY OF BEING» CONCEPT AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF THE 20TH–21ST CENTURIES

Nadezhda
V. Koda

*PhD in Philosophy
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation*

Abstract. Philosophical anthropology of the second half of the 20th to the early 21st century evolved from the search for human uniqueness (M. Scheler, H. Plessner, A. Gehlen) to the crisis of classical anthropology (M. Foucault, G. Deleuze, M. Reilly). In the non-classical anti-anthropological concepts of the late 20th to early 21st century, humans give way to hybrids (B. Latour), cyborgs (D. Haraway), and code (N. Land). Against the backdrop of anti-anthropological projects predicting the disappearance of humans, the idea of “saving philosophy through anthropology” emerges, proposing ways to “decenter humans” without “replacing” them with “non-human” or “quasi-human” entities. This approach is close to Heidegger’s ontological-historical concept of overcoming anthropocentrism and returning humans to the role of “guardians of Being”. The poststructuralist turn in anthropology (Lévi-Strauss, R. Wagner, V. de Castro) introduces the methodology of “perspectivism”, which allows us to view humans “through the eyes of the non-human” and overcome linear logic. This search for “another logic” brings this alternative, “reverse anthropology” closer to the late Heidegger, who also sought “another rigor” of thinking. Both approaches propose an alternative coherence: Heidegger through “attunement to Being”, and “reverse anthropology” through the rediscovery of humans in the context of “indigenous logic”.

Keywords: anti-anthropology, poststructuralist turn in anthropology, Heidegger, “history of being” concept.

Философская антропология второй половины XX – начала XXI вв прошла путь от поиска человеческой личности как предмета отдельной философской дисциплины (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен) до кризиса классической антропологической проблематики (М. Фуко, Ж. Делёз, М. Релли), которая вытесняется нечеловеческими или окологеловеческими сущностями (Б. Латур, Н. Ланд, Д. Харауэй и др.). В анти-антропологии действующим актором становится гибрид (Б. Латур), киборг (Д. Харауэй), код (Н. Ланд), человека так или иначе ждет исчезновение, к которому не следует относиться ни «плохо», ни «хорошо», а остается только констатировать. Однако помимо проекта анти-антропологии, согласно которому дисциплина не может сохраняться, когда ее объект переживает «смерть», фрагментируется, распадается на части, подвергается деструкции, наметился также проект «спасения философии через антропологию». Однако концепция «спасения философии через антропологию» предполагает новую трактовку антропологии, в ее совершенно другом, неклассическом, анти-метафизическом изводе. Проект «спасения философии через антропологию» предполагает переоткрытие самой антропологии, в которой человек «выводится» из центра, но не заменяется другой сущностью, а скорее занимает свое место наряду с другими вещами. От анти-антропологических проектов данный проект отличается также способами, какими человек «выводится из центра».

В контексте данной тенденции любопытной представляется параллель с бытийно-исторической концепцией Хайдеггера, в которой человек обретает свое место только тогда, когда преодолевает «антропоцентризм», и возвращается к своей роли «хранителя бытия». Если антиметафизический проект Хайдеггера способствовал развитию философии религии второй половины XX – начала XXI вв. и постановке вопроса о «неметафизических» путях к «опыту Бога», можно ли ставить вопрос о «неметафизических» путях к человеку в рамках поздней философии Хайдеггера? В силу того, что Хайдеггер считал антропологию наследницей классической метафизики, как в конечном счете и саму философию, уместно скорее обратиться к проведению параллелей между методологией Хайдеггера и методологией проекта «спасения философии через антропологию».

В контексте постструктуралистского поворота в антропологии, начатого Леви-Строссом, и развиваемого антропологами (Р. Вагнер, М. Стратерн, В. де Кастру, Э. Кон и др.) наметился новый подход к методологии, который был сформулирован де Кастру как «перспективизм», но являлся развитием спора о критическом анализе понятия свойства (*affinité*) (родства, устанавливаемого не по крови). Перспективизм выполнял две функции: 1) позволял посмотреть на европейца «глазами туземца», на человека глазами «не человека», и тем самым ввести его в новый контекст, и смотреть на человека «глазами самого контекста»; 2) преодолеть логику, согласно которой один знак должен означать одну вещь, и ввести в «туземную логику», согласно которой каждая вещь может означать что угодно. Вопрос о том, возможно ли «примерить» на себя «одежды другой логики», «примерить туземное мышление» на заре этнологии также ставился, и получал неудовлетворительный ответ. Однако после антиметафизических, антиантропологических, деструктивистских трансформаций, которые претерпела антропология с того времени, данный вопрос был поставлен заново.

С точки зрения методологии, данный проект был поиском «другой логики», что сближает его с методологическим проектом позднего Хайдеггера. Хайдеггер также приходит к выводу, что антиметафизический проект не возможен без поиска «другой строгости» (*andersartige Strenge*) мышления, исключительно с помощью которой он сможет быть реализован. Недостаточно вывести человека «из центра», подвергнуть демонтажу «метафизический способ мышления» и антропоцентризм – сокрушительной критике, необходимо предложить альтернативный способ связности вещей между собой, если отрицается связность, устанавливаемая аристотелевской логикой. Любопытно, что и для бытийно-исторического проекта Хайдеггера и для развития в среде бразильских антропологов постструктуралистского поворота в антропологии на место данной альтернативной связности предлагается развитие принципа «природения». Согласно позднему Хайдеггеру, человек возвращается к себе, когда устанавливает «приоднение к Бытию»; согласно принципу перспективизма, человек переоткрывает себя «когда смотрит на себя не своими глазами».

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

Валерия
А. Копанева

*Кандидат философских наук
Волгоградский государственный медицинский
университет
Волгоград, Российская Федерация*

Аннотация. Если понаблюдать за тем, как человек выстраивает поведение в повседневности, то мы обнаружим две самые распространенные крайности, два режима самосознания: 1) Генерал, то есть такая мировоззренческая установка, при которой субъект убежден, что контролирует 100% ситуаций, вещей и т.д. 2) Рядовой-жертва, то есть такая мировоззренческая установка, при которой субъект предполагает, что не контролирует ничего в принципе. Возможны вариации той или иной коммуникативной и жизненной стратегии, но тяготение либо в одну, либо в другую сторону существует. Однако наибольший интерес представляет третья жизненная стратегия, которую условно можно обозначить как «долевое участие», пользуясь терминологией юристов, или интерсубъективность – то есть такое состояние вещей, которые не закреплены ни за субъектом А, ни за субъектом Б, не принадлежат субъекту С, они образуются между всеми участниками в результате взаимодействия.

INTERSUBJECTIVITY AS A LIFE STRATEGY

Valeria
A. Kopaneva

*Candidate of Philosophical Sciences
Volgograd State Medical University
Volgograd, Russian Federation*

Abstract. If we observe how a person builds behavior in everyday life, we will find two of the most common extremes, two modes of self-awareness.: 1. General, that is, a worldview in which the subject is convinced that he controls 100% of situations, things, etc. 2. An ordinary person is a victim, that is, a worldview in which the subject assumes that he does not control anything in principle. Variations of one or another communication and life strategy are possible, but there is a pull either in one direction or the other. However, the most interesting is the 3rd life strategy, which can be conditionally designated as “equity participation”, using the terminology of lawyers, or intersubjectivity – that is, a state of things that are not assigned to subject A or subject B, they do not belong to subject C, they are formed between all participants as a result of interaction.

Следует признать, что вопрос «как жить?», который вписан в тематическую рамку конференции, удивляет, поскольку в большинстве случаев русский человек сопротивляется тому, чтобы как-либо технологизировать свое бытие. Обычно, когда кто-то осмеливается предложить метод, техники чего-либо и в какой-либо сфере (иногда даже в научной), то в ответ часто можно услышать: «Неправильно! Не то! А как же спонтанность, мы же не роботы» или другой вариант: «Если делать все по алгоритму, методично, то исчезнет тайна/магия». Но раз представился такой случай все-таки порассуждать об этом вопросе, то есть предложение обратиться к опыту феноменологов, у которых есть глубокий концепт «интерсубъективность», который можно рассмотреть не только как теоретическое осмысление реальности, но и как практику, жизненную стратегию.

Если понаблюдать за тем, как человек выстраивает поведение в повседневности, то мы обнаружим две самые распространенные крайности, два режима самосознания:

Генерал, то есть такая мировоззренческая установка, при которой субъект убежден, что контролирует 100% ситуаций, вещей и т.д.

Рядовой-жертва, то есть такая мировоззренческая установка, при которой субъект предполагает, что не контролирует ничего в принципе.

Возможны вариации той или иной коммуникативной и жизненной стратегии, но тяготение либо в одну, либо в другую сторону существует. Однако наибольший интерес представляет тре-

тия жизненная стратегия, которую условно можно обозначить как «долевое участие», пользуясь терминологией юристов, или интерсубъективность – то есть такое состояние вещей, которые не закреплены ни за субъектом А, ни за субъектом Б, они не принадлежат субъекту С, они образуются между всеми участниками в результате взаимодействия: «Интерсубъективный мир – вот коррелят интерсубъективного, т. е. опосредуемого “вчувствованием” опыта. Тем самым мы отсылаемся к многообразным единствам чувственной вещи, уже индивидуально сконструированным многими субъектами, далее – к соответствующим, многообразиям восприятия, принадлежащим к различным Я-субъектам и потокам сознания, но прежде всего – к тому новому, что вносит вчувствование, и к вопросу о том, каким образом оно играет конституирующую роль в «объективном» опыте, придавая единство раздельным многообразиям» [2, с. 471].

Сложно игнорировать то, что общество устроено парадоксально: с одной стороны, там свобода, а с другой стороны, все застроено, как говорят в театральной среде. Поэтому возникает потребность в такой кентаврической конструкции, как «интерсубъективное проектирование», когда учитывается и свобода субъекта, и в то же время строгие правила социальных институтов. Ярким примером интерсубъективного проектирования является практика наставничества, которая предполагает, с одной стороны, асимметрию между фигурами наставника и ученика, а с другой, преодоление этой асимметрии в процессе жизнедеятельности, совместного творчества/образования, что выражается в том, что ученик приобретает новые навыки, но не отдельно от учителя, а вместе с ним: «Другой не менее поучительный пример нормативного ограничения взаимности показывает нам отношение между искусственным психотерапевтом и его пациентом. Когда он удовлетворяется тем, что “анализирует” больного, то есть извлекает на свет из его микрокосмоса бессознательные факторы и преобразованные посредством этого энергии прикладывает к сознательной работе жизни, то в некоторых случаях он добьется успеха. В лучшем случае он может помочь душе, лишенной четкой организованной структуры в какой-то степени собраться и добиться упорядоченности. Но осуществить то, что, собственно, на него возложено, –

добиться возрождения зачахшего центра личности – он не способен» [1, с. 66–67].

Мишель Монтень в «Опытах» хорошо описал это состояние: «В той дружбе, о которой я здесь говорю, они смешиваются и сливаются в нечто до такой степени единое, что скреплявшие их когда-то швы стираются начисто и они сами больше не в состоянии отыскать их следы. Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я люблю моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: “Потому что это был он, и потому, что это был я”» [3, с. 176].

Список литературы

1. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический Проект, 2009.
3. Монтень М. Опыты. Книга первая. М., 1979.
4. Рикер П. Путь признания. Три очерка. М.: РОССПЭН, 2010.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Лариса
А. Корнева

*бакалавр 4 курса факультета психологии
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
Научный руководитель –
доктор психологических наук,
профессор Черный Е. В.*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возрастных особенностей терминальных ценностей личности мобилизованных участников специальной военной операции. В результате исследования установлено, что некоторые ценности молодых и зрелых участников специальной военной операции имеют значимые различия. Для молодых мобилизованных участников СВО характерно сильное стремление к самосовершенствованию и сохранению неповторимости и своеобразия своей личности, а также они тяготеют к тому, что приносит наибольшее внутреннее удовольствие. Для зрелых мобилизованных участников СВО такие стремления не являются высоко значимыми.

Ключевые слова: терминальные ценности, молодые участники специальной военной операции, зрелые участники специальной военной операции, возрастные особенности.

AGE-RELATED PECULIARITIES OF PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION'S TERMINAL VALUES

Larisa A. Korneva

*bachelor of the 4th year of the Faculty
of Psychology
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
Academic supervisor – Dr. of Sci. (Psychology),
Cherney Y. V.*

Abstract. The article is devoted to the consideration of the age-related peculiarities of mobilized participants in a special military operation's (SMO) terminal values. As a result of the research, it was found that some of the values of young and mature participants in a special military operation have significant differences. The young mobilized SMO participants are characterized by a strong desire for self-improvement and the preservation of the uniqueness and originality of their personality, and they also gravitate towards what brings the greatest inner enjoyment. Such aspirations are not particularly significant for mature, mobilized SMO participants.

Keywords: terminal values, young participants in a special military operation, mature participants in a special military operation, age-related peculiarities.

Система ценностных ориентаций является одной из ведущих характеристик личности [5; 7]. В современной психологии направленность личности на те или иные ценности изучали М. Роккич, И. Г. Сенин, В. Ф. Сопов, Л. П. Карпушина и др [3; 4; 6]. Нахождение в зоне боевых действий – это экстремальная ситуация, которая ставит перед человеком задачу критически оценить существующие убеждения и разработать стратегию выживания в новой ситуации, а также сделать переоценку ценностей и целей своей деятельности [1; 2]. Изучение возрастной специфики жизненных ценностей личности мобилизованных участников специальной военной операции (СВО) является актуальным в связи с тем, что они сталкиваются с постоянными стрессовыми ситуациями, риском для своей жизни и здоровья, а также частыми переездами, длительной разлукой с семьей. Однако психологические

последствия попадания в такого типа экстремальную ситуацию как специальная военная операция, для молодых мужчин и для мужчин зрелого возраста будут иметь свои особенности, так как мобилизованные старшего возраста имеют больше опыта как жизненного в целом, так и военного (учитывая воинское звание).

В этой связи исследование возрастной специфики проявления терминальных ценностей молодых и зрелых участников специальной военной операции (СВО) ориентировано на выработку индивидуального подхода к военнослужащим разных возрастов с целью психологической помощи, направленной на улучшение психологического состояния, повышение эффективности и профессионализма в выполнении служебных обязанностей и предотвращение развития психологических проблем.

Мы предположили, что терминальные ценности личности участников СВО имеют значимые различия, опосредованные их возрастом, а именно: у молодых участников СВО показатели таких терминальных ценностей, как духовное удовлетворение и сохранение индивидуальности, будут выше, чем у зрелых участников СВО.

Вследствие этого, необходимо выявить и описать особенности терминальных ценностей участников СВО, опосредованные их возрастом.

Для достижения поставленной цели применен морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной [6]. С помощью этой методики была определена ценностная структура личности испытуемых. Далее, на основе сравнения молодых и зрелых участников СВО, были выявлены различия в терминальных ценностях. Математико-статистическая обработка результатов была проведена с помощью U-критерия Манна-Уитни и программного обеспечения IBM SPSS Statistics 27.

В эмпирическом исследовании приняли участие 61 участник специальной военной операции: 1) группа 24 человека в возрасте 20–30 лет (молодые участники СВО); 2) группа 37 человек в возрасте 31–50 лет (зрелые участники СВО), все мужчины. (Исследование было проведено онлайн с помощью платформы Yandex-формы).

Таблица 1 – Сводные результаты по морфологическому тесту жизненных ценностей (МТЖЦ) В. Ф. Сопова и Л. В. Карпушиной молодых и зрелых участников специальной военной операции (в стенах)

Терминальные ценности	Молодые участники СВО n=24	Зрелые участники СВО n=37	U-критерий Манна-Уитни	p
Саморазвитие	7,5	6,3	297,0*	0,028
Духовное удовлетворение	8,1	6,4	185,5*	<0,001
Креативность	6,9	5,5	220,5*	<0,001
Социальные контакты	7,0	7,6	512,5	0,302
Собственный престиж	7,5	7,0	366,0	0,240
Достижения	7,3	7,0	387,5	0,396
Материальное положение	7,1	7,2	491,0	0,479
Сохранение индивидуальности	8,1	6,2	162,0*	<0,001

Примечание. В таблице представлены средние значения, максимальная степень выраженности – 10 стенов.

Из таблицы 1 видно, что у молодых участников СВО определены высокие показатели шкал терминальных ценностей «Духовное удовлетворение», «Сохранение индивидуальности», средние, с тенденцией к высоким, показатели шкал «Саморазвитие», «Социальные контакты», «Собственный престиж», «Материальное положение» и средние значения у шкал «Креативность» и «Достижения».

У зрелых участников СВО выявлены средние показатели с тенденцией к высоким по шкалам терминальных ценностей «Социальные контакты», «Собственный престиж», «Материальное положение» и средние значения шкал «Саморазвитие», «Духовное удовлетворение», «Креативность», «Достижения», «Сохранения индивидуальности». Также выявлены статистически значимые различия между молодыми и зрелыми участниками СВО в шкалах терминальных ценностей «Саморазвитие» ($p=0,028$), «Духовное удовлетворение» ($p<0,001$), «Креативность» ($p<0,001$), «Сохранение индивидуальности» ($p<0,001$).

Эмпирические результаты по морфологическому тесту жизненных ценностей позволили нам констатировать, что молодые участники СВО стремятся к самосовершенствованию и считают, что в жизни необходимо добиться как можно более полной реализации своих потенциальных возможностей. Зрелые участники СВО, в свою очередь, также стремятся реализовать себя, получать объективную информацию о себе и своих особенностях, но также время от времени стремятся к самодостаточности. Но иногда им может казаться, что есть определенный порог их возможностей, который нелегко преодолеть. Различия между двумя группами мобилизованных можно объяснить тем, что участники СВО молодого возраста в настоящее время только находятся в процессе формирования своей идентичности – становления как личности, поиска своего места в мире через обучение новому и увлекательному и развитие представлений о своих ценностях, целях жизни и идеалах. В то время как зрелые мобилизованные уже прошли эту стадию молодости, нашли свое место в жизни, работали по профессии в течение долгих лет и завели семью.

Также молодые участники СВО могут считать, что самое важное в жизни – это делать то, что приносит внутреннее удовлетворение, что увлекательно и интересно. Им присущ некоторый идеализм в суждениях – они часто верят, что нужно создавать мир, который будет соответствовать их идеалам, и стремиться делать только то, от чего получаешь наибольшее удовольствие и счастье. В то время как зрелые военнослужащие считают, что важно быть заинтересованным во всем, что делаешь, но некоторые взаимоотношения и ситуации могут приносить конкретную выгоду, поэтому важно обращать внимание на такие моменты. Зрелые военнослужащие в меньшей степени ориентируются на мнения окружающих и, хотя, как правило, учитывают общественные нормы, но не обязательно внутренне с ними согласны. У зрелых участников СВО уже накоплено достаточно жизненного опыта, который помогает осознавать важность прагматического подхода в решении жизненных вопросов.

Можно утверждать, что зрелые мобилизованные иногда могут подавлять свои творческие способности, хотя нередко стремятся к их реализации и к разнообразию в жизни. У них чаще

присутствует стереотипность поведения, т.е. в некоторых ситуациях следуют уже устоявшимся нормам. В сравнении с ними, молодые участники СВО больше стараются осуществлять творческую деятельность: делать что-то новое, непривычное. У них, как правило, высокий уровень энергии, способствующий исследованию мира, поиску новых занятий и интересных увлечений, экспериментированию. Зрелые участники СВО уже добились в жизни некоторой стабильности, в свое время нашли то, чем им заниматься интересней всего, им уже больше не так важно искать разнообразие, а скорее жить в уже привычном темпе.

Для молодых военнослужащих сохранение неповторимости и своеобразия своей личности является очень значимой ценностью. Они на многое имеют свои взгляды и убеждения, что утверждает их значимость в своих глазах. Зрелые участники СВО чаще проявляют конформность, не стремятся выделиться и при этом полагают, что по сути своей являются уникальными. Такие различия между молодыми и зрелыми мобилизованными могут быть обусловлены тем, что зрелые военнослужащие могут стремиться к социальной гармонии, так как с возрастом приходит опыт, заставляющий их осознавать важность компромиссов и согласованности в решении проблем. В то время как молодые мобилизованные часто находятся в поиске себя, осознают свои индивидуальные качества и формируют собственные взгляды на жизнь, вследствие этого они менее восприимчивы к определенному давлению социальных групп, которые их окружают.

У молодых и зрелых участников СВО имеется схожий взгляд на мир относительно ряда ценностей. Все участники СВО стремятся к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми. Они убеждены, что одна из главных жизненных ценностей – это возможность общаться и дружить, быть социально активным. Отсутствие различий между группами говорит о том, что в условиях военной обстановки общение и дружба способствуют лучшему пониманию и взаимодействию между военнослужащими, что является важным фактором для эффективного выполнения совместных действий. Также хорошие отношения и связи могут обеспечить возможность карьерного роста, что является очень полезным в профессиональной среде.

Все участники СВО стремятся к признанию, уважению и одобрению со стороны других, значимых для них людей. Им необходимо социальное одобрение своего поведения, поскольку военная служба предполагает строгую иерархию, в которой, чтобы дослужиться до определенного воинского звания, необходимо одобрение, признание и уважение, исходящие от вышестоящих, значимых в иерархии лиц. При повышении воинского звания повышается статус военнослужащего, что предоставляет много новых возможностей для дальнейшего развития. В результате уважения и одобрения со стороны окружения формируется чувство принадлежности, следования по «единому пути», что повышает сплоченность у группы.

Всем участникам СВО свойственно планирование своей жизни, постановка конкретных целей и стремиться к их достижению. Вероятно, что в таких экстремальных условиях как военная служба, конкретные цели придают мобилизованным смысл, повышают их мотивацию.

Для молодых и зрелых мобилизованных характерно стремление к высокому уровню своего благосостояния. Они убеждены в том, что материальный достаток – одно из главных условий для хорошей жизни. Если их материальное положение высокое, то они чувствуют собственную значимость. Высокий материальный достаток обеспечивает высокий социальный статус, а для мужчин, как «глав семей» – это естественно является высоко значимой ценностью.

В целом, для молодых мобилизованных участников СВО характерны такие терминальные ценности, как саморазвитие, духовное удовлетворение, креативность и сохранение индивидуальности. Эти ценности являются менее значимыми для зрелых мобилизованных участников СВО. Для всех мобилизованных участников СВО одинаково значимы социальные контакты, самоуважение, достижения и материальный достаток.

Список литературы

1. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология : учеб.-метод. пособие. СПб.: Питер, 2006. 480 с.

2. Магомед-Эминов М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестник МГУ. Серия «Психология». 1996. №4. С. 26–30.
3. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: НПЦ “Психодиагностика”, ФГИ «Содействие», 1991.
4. Сенин И.Г. Психодиагностика ценностно-ориентационной сферы личности как метод социально-психологического исследования. Дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2000. 186 с.
5. Серый А.В., Яницкий М.С., Ценностно-смысловая сфера личности : учеб. пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. 32 с.
6. Сопов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей // Журнал «Прикладная психология». 2001. №4. С. 9–30.
7. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. С. 11–13.

СЛАБОСТЬ ВОЛИ И НЕКОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭМОЦИЙ

Андрей
А. Коченков

*Студент 4 курса,
Российский Государственный
Гуманитарный Университет
Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Может ли слабость воли быть когнитивной ошибкой? Согласно распространенной интерпретации, Сократ отрицал существование акрасии – слабости воли, то есть склонности действовать вопреки рациональному убеждению о благости поступка под воздействием неразумных желаний и влечений. Вместо этого он утверждал, что человек всегда действует согласно своему представлению о благе, а так называемая слабость воли есть когнитивная ошибка – неверная оценка последствий действия как благих. Согласно такой интерпретации, Сократ чрезмерно интеллектуализирует нашу психику, не оставляя места для внутреннего конфликта между разумным убеждением и неразумным желанием. Я утверждаю, что сократовскую интуицию о когнитивной природе слабости воли можно сохранить, не отрицая возможность внутреннего конфликта между убеждением и желанием. Это возможно благодаря взгляду на эмоции как на ментальные состояния с неконцептуальным содержанием, который поддерживают многие современные философы и психологи. Неконцептуальное содержание, будучи независимым от убеждений, позволяет описать конфликт между желанием и убеждением как противоречие между ментальными состояниями с концептуальным и неконцептуальным содержанием. Такое объяснение сохраняет сократовскую интуицию, согласно которой влечение содержит когнитивный аспект, представляя объект влечения как благой.

Ключевые слова: слабость воли, неконцептуальное содержание, эмоции.

WEAKNESS OF WILL AND NON-CONCEPTUAL CONTENT OF EMOTIONS

Andrei
A. Kochenkov

*Russian State University for The Humanities
Moscow, Russian Federation*

Abstract. Can weakness of will be a cognitive error? According to a common interpretation, Socrates denied the existence of *akrasia* – weakness of will, understood as the tendency to act against rational *belief* about the goodness of an action under the influence of irrational desires and impulses. Instead, he argued that a person always acts in accordance with their conception of the good and that so-called weakness of will is actually a cognitive error—a mistaken evaluation of the consequences of an action as beneficial. This interpretation suggests that Socrates excessively intellectualizes human psychology, leaving no room for internal conflict between rational *belief* and irrational desire. I argue that Socratic intuition about the cognitive nature of weakness of will can be preserved without denying the possibility of internal conflict between *belief* and desire. This is made possible by viewing emotions as mental states with non-conceptual content, a perspective supported by many contemporary philosophers and psychologists. Non-conceptual content, being independent of *beliefs*, allows the conflict between desire and *belief* to be described as a contradiction between mental states with conceptual and non-conceptual content. This explanation preserves the Socratic intuition that desire contains a cognitive aspect, representing the object of desire as good.

Keywords: weakness of will, non-conceptual content, emotions.

Сократовский взгляд на феномен акрасии, или слабости воли, часто описывают как моральный интеллектуализм. Согласно такой интерпретации, Сократ признавал, что всякое действие основано на убеждении человека о том, что оно приведет к наибольшему совокупному благу, и никто добровольно не стремится к тому, что считает злом [6, с. 255]. Когда человек убежден, что поступок приведет его к несчастью, но тем не менее совершает его, то, согласно Сократу, в момент совершения он оказывается «под влиянием видимости» того, что этот поступок приведет к благу. Моральная ошибка оказывается не дефектом воли, а когнитивной или эпистемической ошибкой. Чтобы избежать её, достаточно иметь корректное знание о последствиях своих действий.

Такой взгляд некоторые считали неправдоподобным на том основании, что он не может описать внутренний конфликт желаний и убеждений, который может переживать агент в момент принятия решения. Дэниэл Деверо предлагал ослабленную версию интеллектуалистской интерпретации. Согласно ему, Сократ признает влияние неразумных желаний, однако подлинное знание несовместимо с наличием таких желаний и всегда является мотивационно сильнее, автоматически одерживая верх в противостоянии с желанием [2, р. 388]. Интерпретация Деверо выглядит более согласной с обыденным представлением о конфликте между убеждением и желанием. Тем не менее, эта версия всё ещё несет в себе указанный недостаток – мотивационное превосходство убеждения над желанием не кажется чем-то самоочевидным. Нетрудно представить ситуацию, в которой человек знает, что поступать определенным образом вредно для его же блага, но, тем не менее, поступает таким образом.

Я утверждаю, что сократовскую интуицию о когнитивном характере слабости воли можно мотивировать, не ограничивая при этом возможность конфликта между убеждением и желанием. Это позволяет взглянуть на эмоции как на ментальные состояния с неконцептуальным содержанием, что отстаивают многие современные философы и психологи. Неконцептуальное ментальное содержание – репрезентирующее содержание ментальных состояний, которое не включает понятий в свою спецификацию и не требует обладания какими-либо понятиями [5, р. 761]. Типичный пример неконцептуальной репрезентации – восприятие. На примере восприятия можно продемонстрировать и одно из ключевых для моего тезиса свойств неконцептуальных репрезентаций – независимость от убеждений. Например, для смотрящего на иллюзию Мюллера-Лайера её отрезки будут казаться разной длины. При этом они продолжают казаться нам разной длины, даже если мы будем знать, что они на самом деле равны. Это свойство связано с формой репрезентации – неконцептуальная форма напрямую не изменяется под влиянием наших убеждений. С другой стороны, придерживаться двух разных убеждений с противоречащим содержанием уже не так просто.

Асаф Крон и Асаф Векслер в своем исследовании предлагают взгляд на эмоции как на ментальные состояния с неконцепту-

альным содержанием. Согласно им, эмоции репрезентируют для агента подходящие в данный момент времени цели [4, р. 4]. Это позволяет экономить время на осуществлении сложных когнитивных операций. Например, косуля не нуждается в понятии «хищник» или в вычислительном процессе отслеживания расстояния до хищника в момент, когда начинает убегать от него. Она убегает напрямую под воздействием эмоционального состояния, репрезентирующего для неё бег как самое подходящее для ситуации действие.

Однако всегда возможна ситуация ошибочной репрезентации. Например, вкусная еда может быть вредной для человека, но в его влечении репрезентироваться как то, что принесет ему благо. Такой взгляд схватывает сократовскую интуицию о том, что желание всегда является желанием блага. Рациональное убеждение же о вреде еды имеет концептуальное содержание. Как и в случае иллюзии Мюллера-Лайера, возможно одновременно иметь обе репрезентации, концептуальную и неконцептуальную, даже если их содержания противоречат друг другу. Упомянутая позиция Деверо о том, что рациональное убеждение всегда одерживает верх в противостоянии с желанием, была бы справедливой, если бы желание было бы подобно убеждению и имело концептуальное содержание. В таком случае человек не имел бы возможности придерживаться двух явно противоречащих убеждений. Однако, поскольку это не так, возможность конфликта между влечением и убеждением сохраняется. Этот конфликт подобен конфликту между ошибкой восприятия и нашим знанием об устройстве воспринимаемого. Это согласуется с сократовским описанием силы желания как «влияния видимости», т.е. влияния ложного представления [6, с. 254].

Как интерпретируют Сократа Томас Брикхаус и Николас Смит, то, что Сократ называет «искусством измерять» – сравнивать долговременные последствия поступков – позволяет сберечь свои убеждения от изменения со стороны влечений [1, р. 16]. Если желание слишком сильно, оно может влиять на наше рациональное убеждение, заставляя сомневаться в нем и принимать то суждение, которое содержалось в желании. Адаптируя это к неконцептуалистскому взгляду на эмоции, можно сказать, что сильные эмоции, подобно очень убедительным иллюзиям или галлюцинациям, осложняют возможность занятия критической дистанции

в отношении своего содержания. Однако, как утверждал Ричард Хек, неконцептуальное содержание можно анализировать с помощью концептуальных средств, описывая его с помощью понятий и таким образом концептуализируя, занимая в его отношении рефлексивную позицию [3, p. 31]. В свете этого «искусство измерять» можно описать как умение концептуализировать содержание своих эмоций, что позволяет яснее сравнивать их содержание с собственными рациональными убеждениями. Таким образом, интелектуализм сократовского образца в моральной психологии совместим с существованием внутреннего конфликта между желаниями и убеждениями.

Список литературы

1. Brickhouse, T., & Smith, N. Socrates on Akrasia, Knowledge, and the Power of Appearance // Bobonich, C., & Destrée, P. (Eds.). *Akrasia in Greek Philosophy: From Socrates to Plotinus*. Leiden: Brill, 2007. (*Philosophia Antiqua*; Vol. 106)
2. Devereux, D. Socrates' Kantian Conception of Virtue // *Journal of the History of Philosophy* 1995. Vol. 33, № 3. P. 381–408
3. Heck, R. G. Jr. Nonconceptual Content and the “Space of Reasons” // *The Philosophical Review* 2000. Vol. 109, No. 4. P. 483–523
4. Kron, A., & Weksler, A. The Feelings of Goals Hypothesis: Emotional Feelings Are Non-Conceptual, Non-Motoric Representations of Goals // *Emotion Review* 2022 Vol. 14, № 3. P. 217–229
5. Murillo, A. An Approach to the Non-Conceptual Content of Emotions // *Revista de Filosofia Aurora*. 2019 Vol. 31, № 54. P. 750–768
6. Платон. Протагор // Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 193–261

КОНФУЦИАНСТВО: ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Михаил
Ю. Кузнецов

*магистр философских наук
независимый исследователь
Харьков, Украина*

Аннотация: Работа посвящена исследованию конфуцианства как этической философской системы, возникшей в Китае в VI–V веках до н.э., основанной на учении Конфуция и развитой его последователями. Мною рассматривается конфуцианство как философия жизни, направленная на достижение морали и социальной гармонии через личную добродетель, ритуалы и справедливость. В работе мною обсуждается концепция «осевого времени» Карла Теодора Ясперса, связывающая возникновение конфуцианства с глобальным переходом к рациональному мышлению в IX–III веках до н. э. Предлагаю использовать конфуцианские принципы для формирования социальных связей в различных сообществах. Конфуцианство может служить моделью для построения гармоничных взаимоотношений в любом обществе. Его ключевые принципы – уважение к старшим, забота о семье, лояльность к государству и доверие между друзьями – применимы для укрепления социальных связей. В современном Китае конфуцианство поддерживает стабильность общества и легитимизацию власти через концепцию Небесного мандата. В российском контексте эти идеи могут быть полезны для воспитания осознанности, дисциплины и чувства ответственности перед обществом.

Ключевые слова: конфуцианство, философия жизни, социальная гармония, современное общество, самосовершенствование.

CONFUCIANISM: PHILOSOPHY OF LIFE AND SOCIAL ORDER

Michael
Yu. Kuznetsov

*Master of Philosophical Sciences
independent researcher
Kharkiv, Ukraine*

Abstract. This study is devoted to an examination of Confucianism as an ethical-philosophical system that originated in China during the 6th–5th centuries BCE, grounded in the teachings of Confucius and further elaborated by his followers. The research explores Confucianism as a philosophy of life, aimed at attaining moral integrity and social harmony through the cultivation of personal virtue, adherence to rituals, and the pursuit of justice. The paper engages with Karl Theodor Jaspers concept of the “Axial Age,” which situates the emergence of Confucianism within a broader global shift toward rational thought between the 9th and 3rd centuries BCE. It is proposed that Confucian principles be applied to foster social bonds across diverse communities. Confucianism offers a framework for constructing harmonious relationships within any society. Its core tenets – respect for elders, care for the family, loyalty to the state, and trust among friends – provide practical mechanisms for reinforcing social cohesion. In contemporary China, Confucianism underpins societal stability and the legitimization of authority through the doctrine of the Mandate of Heaven (Tianming). Within the Russian context, these ideas hold potential for cultivating mindfulness, discipline, and a sense of responsibility toward society.

Keywords: Confucianism, Philosophy of life, Social harmony, Modern society, Self-improvement.

I. Концепция «осевого времени» и возникновение конфуцианства

Тема «Человек в современном мире: как жить?» является индивидуальным вопросом, определяющий собственную волю и жизненный путь.

Правый гегельянец и немецкий философ Карл Теодор Ясперс (1883–1968) утверждал в своем труде «Истоки и цель истории» (*Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*, 1949), что «человек современный» (оседлый, и член общества) возник почти одновременно в V местах: Китае, Индии, Персии, Израиле и Греции. Мыслитель выдвинул гипотезу об «осевом времени» (*Achsenzeit*), где

определяющей чертой на протяжении IX–III века до н.э. являлся переход от мифологического к рациональному и философскому мышлению.

Гипотеза осевого времени выразилось в следующих умозрительных системах:

- конфуцианство и даосизм (Китай);
- Упанишады и буддизм (Индия);
- зороастризм (Персия);
- пророческий иудаизм (Израиль);
- философия досократиков и платонизма (Греция) [1, с. 17–52].

Рассмотрев концепцию «осевого времени», перейдем к анализу конфуцианства как одной из ключевых традиций человечества.

II. Конфуцианство: исторический контекст и основные принципы

Конфуцианство играет важную роль для второй экономики мира – Китайской Народной Республики. Статус «второй экономики» мира Китай достиг в начале 2000-х годов и удерживает этот «титул» до сих пор [2, с. 8–10].

Конфуцианство в Китае имеет статус негласной государственной системы взаимоотношений между членами общества. Конфуцианство существует почти в первозданном виде и сохранилось до наших дней, пусть даже в Китае официально отказались от конфуцианства в 1905 году [4, с. 153–162].

Предлагаю воспользоваться наработками этой модели отношений для последующей интеграции в любое общество, в том числе, и в российское.

Конфуцианство – это этико-философское учение, возникшее в Китае в VI–V вв. до н.э., основанное на идеях Конфуция (Кун-цзы, VI–V век до н.э.) и развитое его последователями. Конфуций является известным кодификатором свода законов и поведения, что и сделало ему мировое имя.

Конфуцианство не является религией, а выступает системой морали и социальной гармонии.

Главные концепты конфуцианской традиции заключаются в упорядочивании общества через личную добродетель («жэнь» – 仁), ритуал («ли» – 礼) и справедливость («и» – 义).

Конфуцианство выявило пять взаимоотношений («У лунь» – 五伦) между людьми:

1. правитель и подданный (лояльность);
2. родители и дети (почтение);
3. муж и жена (взаимность);
4. старшие и младшие (уважение);
5. друзья (доверие).

Конфуцианство делает акцент на воспитании характера и осознанности. Все идет из семьи, и все возвращается в семью – такого взгляда придерживаются последователи конфуцианства. Семья – ячейка общества. Самая главная задача справедливого и достойного государства это заботиться о людях. Государство – одна большая семья, в которую включены множественно других семей, что называется «и-мин» (为民) – управление народом.

Например, известны высказывания Мэн-цзы (IV–III век до н.э.), который более детально расписал моральные нормы конфуцианства в свое произведение «Мэнцзы»:

- «Народ – главное, государство – следующее, правитель – последний».
- «Почитай старших в своей семье, а затем и чужих; заботься о детях в своей семье, а затем и о чужих».
- «Кто приобретает сердца народа, наследует Поднебесную» и т.д. [3, с. 18–25].

В конфуцианстве имеется две традиции прочтения – «древняя» и «новая», или два корпуса текстов [5, с. 17–29].

Древний канон произведений конфуцианства состоит из «Пятикнижия» (У-Цзин – 五經):

1. «И-Цзин» (易經 – «Книга Перемен», XIII век до н.э.) написали мифические китайские цари Фу Си и Вэнь-ван, а совершил разъяснительную и комментаторскую деятельность Ку-цзы.
2. «Шу-Цзин» (書經 – «Книга Истории», XVIII–VI века до н.э.) авторство не установлено, но Конфуций отредактировал.
3. «Чуньцю» (春秋 – «Весны и Осени») – историографическое произведение Конфуция, описывающий деяния и хронику царства Лу.
4. «Ши-Цзин» (詩經 – «Книга Песен», VI век до н.э.) – составитель Ку-цзы, собравший народные (фольклорные) сказки.

5. «Ли-Цзи» (禮記– «Записки о ритуалах», IV–I век до н.э.) – написали ученики Ку-цзы: внук Конфуция Цзы-Сы (II век до н.э.) и Дай Дэ (I век до н.э.).

Новый канон – «Четверокнижие» (Сы шу) – «современное» собрание произведений в конфуцианстве, как обязательное введение в данную традицию, составил Чжу Си (XIII век н.э.) – средневековый китайский энциклопедист:

1. «Лунь Юй» (論語– «Суждения и беседы», V–IV вв. до н.э.) написали ученики Конфуция Цзы-Гун и Цзэн-цзы.

2. «Мэн-цзы» (孟子, IV–III вв. до н.э.) – упомянутое выше.

3. «Да Сюэ» (大學– «Великое Учение») авторство доподлинно не установлено.

4. «Чжун Юн» (中庸– «Учение о Середине», V–IV вв. до н.э.) авторство доподлинно не установлено.

Я считаю, что для того, чтобы вникнуть и понять всю конфуцианскую традицию, достаточно прочитать труд «Лунь Юй» (Аналекты конфуцианства).

Также, будет полезно прочитать внеканонические тексты для более научного погружения в конфуцианства: «Сяо Цзин» (孝經 – «Канон Сыновней Почтительности», III–II вв. до н.э.), «Комментарии Дун Чжуншу» (董仲舒, II в. до н.э.) и «Го Юй» (國語 – «Речи царств», V–IV вв. до н.э.).

III. Конфуцианство как философия жизни

Теперь обратимся к тому, как идеи конфуцианства находят отражение в жизни человека и общества.

Конфуцианство видит человека как социальное существо, чья жизнь осмысленна только в связи с другими людьми.

Главная цель конфуцианства – гармония в обществе, что обосновывается концепцией Небесного мандата. Небесный мандат (天命) – «доверие неба» (высших сил) государю (правителю) страны и его команде. Когда руководство страны следует предписаниям, то в стране царит мир, благополучия и взаимное уважение, а когда избранные представители народа отворачиваются от задач строительства прекрасного и светлого, тогда в данной стране царит разруха и хаос. Историческое существование мирового порядка обосновывается в современном Китае с помощью Небесного

мандата. Существования проведенческих (сторонних) сил не мыслимо без Небесного мандата, играющего важную роль для легитимизации власти.

Конфуцианство – это философия жизни. Конфуцианство предписывает определенный домострой, как жить достойно в семье, обществе и государстве. Конфуцианство не требует веры в богов, но требует дисциплины, уважения и самосовершенствования от своих приверженцев.

Конфуцианство, из-за своих положений патриархальности и жесткой иерархичности, вступает в противоречие с современными идеями либерализма.

IV. Применение конфуцианства в современной России

Идеи конфуцианства в современной России способствуют развитию социальной философии, направленной на укрепление общественных институтов, снижение конфликтов и формирование сплоченного общества.

Конфуцианство, в философии сознания, может обогатить российское общество, акцентируя внимание на внутреннем развитии личности и самопознании как основах морального роста, что особенно важно в условиях современных вызовов индивидуализму субъекта права (ригоризмности, филистимлянству, концепции «сломоленного человека», оболваниванию и т.д.).

Конфуцианство ценит образование и самосовершенствование как путь к прогрессу, что может позволить усилить философию науки и техники, поддержать развитие образования и инноваций. Акцент на обучении может стимулировать научный потенциал страны, укрепляя его обороноспособность.

Конфуцианство, в антропологическом вопросе, подчеркивая важность изучения исторических корней и их влияния на современное общество, актуально для сохранения национального наследия. «Конфуцианские штудии» будут укреплять и расширять исследования исторической памяти, подчеркивая важность сохранения исторических корней для формирования национальной идентичности.

Конфуцианство может выступить регулятором для повседневных конфликтных ситуаций и их разрешения путем своих самобытных этических принципов.

Конфуцианство, в политологическом контексте, показывает электоральную функцию, изучающую, как политические институты укрепляют легитимность и стабильность любой власти.

V. Практическое применение в Крыму

Практическое применение идей конфуцианства на полуострове Крым:

1. Укрепление межэтнического диалога через образование. Например, на территории Крыма это может быть использовано для воспитания уважения к культурному многообразию разных этносов и конфессий.

2. Социальная гармония через семейные и общественные ценности. Например, проведение ежегодного «Месяца гармонии» (в пик туристического сезона июнь-июль), где русские, украинцы, армяне, греки, крымские татары и другие народности, презентуют свои обычаи перед жителями и гостями полуострова, укрепляя взаимное уважение и чувство общности.

3. Легитимизация власти и социальная стабильность. Например, создание грантов для проектов, поддерживающих традиции жителей полуострова, что снизит социальное напряжение и укрепит стабильность.

4. Преодоление конфликтов через этические принципы. Например, создание местных самоуправленческих советов из представителей разных этносов для обсуждения спорных вопросов (трудоустройства, распределение земли и ресурсов) с учетом конфуцианских идей справедливости.

Все эти меры позволяют:

- Воспитывать уважение к культурным различиям через образование.
- Укреплять общество через семейные и общественные ценности.
- Повышать доверие к власти через заботу о благополучии всех групп.
- Сохранять культурное наследие.
- Разрешать конфликты на основе этики.

Выводы

1. Конфуцианство – это этико-философское учение, возникшее в Китае в VI–V веках до н.э., направленное на упорядочивание об-

щества. Конфуцианство не является религией, а представляет собой систему морали и социальной гармонии.

2. Главные идеи конфуцианства – личная добродетель («жэнь»), ритуал («ли») и справедливость («и»).

3. Учение акцентирует внимание на развитии осознанности и моральных качеств личности.

4. Семья считается основной ячейкой общества, из которой проистекает гармония.

5. Государство в конфуцианстве рассматривается как большая семья, где правители заботятся о народе, как о своей семье.

Список литературы

1. Jaspers K. Vom Ursprung Und Ziel Der Geschichte (1). Schwabe Ag; First Edition, 2016. 284 s.

2. Lawrence S. Historical Dictionary of the People's Republic of China. Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 816 p.

3. Mencius: A Teaching Translation. Translation, Commentary, and Notes: Robert Eno. Version 1.0 May 2016. ii+181 p.

4. Possamai A., Blasi A. The SAGE Encyclopedia of the Sociology of Religion. SAGE Publications, 2020. 1000 p.

5. Sun A. Confucianism as a World Religion. Contested Histories and Contemporary Realities. Princeton University Press, 2015. 272 p.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ ГУБЕРНАТОРА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Дмитрий
В. Кускашев

*кандидат исторических наук, доцент
Западный филиал РАНХиГС,
г. Калининград, Российская Федерация*

Александр
М. Голубкин

*студент
Западный филиал РАНХиГС,
г. Калининград, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены конституционно-правовые основы организации и проведения выборов высших должностных лиц субъектов Российской Федерации на примере Калининградской области. Представлены результаты проведенного ретроспективного и сравнительно-правового анализа института губернаторских выборов. Выявлены и актуализированы проблемы функционирования института выборов Губернатора Калининградской области.

Ключевые слова: губернатор, институт выборов, абсентеизм, избирательный процесс.

PECULIARITIES OF THE ORGANIZATION AND CONDUCT OF ELECTIONS OF THE GOVERNOR OF THE KALININGRAD REGION

Dmitry
V. Kuskashev

*candidate of historical sciences, associate professor
Western branch of RANEP, A,
Kaliningrad, Russian Federation*

Alexander
M. Golubkin

*student
Western branch of RANEPA,
Kaliningrad, Russian Federation*

Abstract. The article examines the constitutional and legal foundations of the organization and conduct of elections of the highest officials of the subjects of the Russian Federation, using the Kaliningrad region as an example. The results of the conducted retrospective and comparative legal analysis of the institution of gubernatorial elections are presented. The problems of the functioning of the institution of elections of the Governor of the Kaliningrad region are identified and updated.

Keywords: governor, institution of elections, absenteeism, electoral process.

Теоретический аспект института губернаторских выборов включает изучение публичных отношений [11, с. 83–83], возникающих по поводу политико-правового регулирования проведения выборов высших должностных лиц субъектов РФ. К ним относятся губернаторы, главы республик, также относятся в исключительных случаях руководители администраций. Так, например, в Тамбовской области действует должность главы администрации вместо губернатора.

Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» устанавливает организационно-правовой порядок проведения выборов главы субъекта Российской Федерации, формирует гарантии граждан на избирательное право, а также регулирует отношения между уровнями публичной власти в процессе организации выборов [2].

Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» определяет и детализирует конституционные гарантии реализации гражданами права на участие в выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации [1].

Такие правонарушения как начало избирательной кампании до ее официального начала, фальсификация избирательных документов, подделка протоколов и неисполнение решений избирательных комиссий, влекут за собой наступление как административной, так и уголовной ответственности.

В 2012 году Калининградской областной Думой пятого созыва был принят Уставный закон от 29.06.2012 №126 «О выборах Губернатора Калининградской области» [7].

Губернаторские выборы отличаются некоторыми особенностями. Так, например, назначение даты выборов определяется Законодательным Собранием Калининградской области не ранее чем за 100 дней и не позднее, чем за 90 дней до дня голосования. Политические партии, обладающие правом участвовать в выборах, выдвигают свои кандидатуры. В то же время кандидаты должны представить в процессе регистрации список из трёх человек, которые, в случае избрания, будут представлять регион в Совете Федерации.

Как и другие субъекты федерации, Калининградская область имеет богатый опыт губернаторских выборов, отличающийся высокой конкуренцией и разнообразным политическим ландшафтом. Юрий Семёнович Маточкин 25 сентября 1991 года Указом Президента РСФСР Бориса Николаевича Ельцина был назначен главой администрации Калининградской области.

С 1995–1996 годов по 2005 год главы администраций регионов избирались прямым голосованием. Так, в выборах 1996 года состоялись первые прямые выборы, в которых одержал победу во втором туре начальник Калининградского морского рыбного порта Леонид Петрович Горбенко.

Следующие выборы проводились уже в 2000 году. По их итогам руководителем Калининградской области был избран Владимир Егоров, за которого проголосовали 56,47% избирателей.

На выборах губернатора Калининградской области 2010 года победил Николай Цуканов. По итогам подсчётов 100% бюллетеней за него проголосовали 218 652 человека – это 70,41%. Итоговая явка при этом составила 39,59%.

Продолжительное время губернатор избирался на 4 года. Но с 2012 года губернаторы стали избираться на 5 лет.

На выборах 2017 года 10 сентября 2017 года победу Калининградской области Антон Алиханов – его кандидатуру поддержало 81,06% избирателей. Второе место занял депутат областной думы от КППРФ Игорь Ревин – 8,89%. По итогам выборов явка избирателей составила 39,35%.

На выборах 11 сентября 2022 года руководителем области вновь был избран Антон Алиханов, получив 80,21% голосов избирателей.

Антон Андреевич Алиханов и Алексей Сергеевич Беспрозванных на выборах губернатора Калининградской области имеют свои особенности. Кандидат был относительно новым лицом в региональной политике, что предполагало некоторые трудности для его предвыборной кампании. Но он смог заручиться поддержкой федерального центра, что обеспечило ему достаточно убедительную победу.

Что касается выборов 2024 года, по мнению калининградского политтехнолога Алексея Николаевича Высоцкого, основателя «Калининградской мониторинговой группы», на результат повлияли следующие факторы:

Инерция президентской кампании. Губернаторские выборы проходили после мартовской президентской кампании, что сыграло роль.

Рост численности избирателей. По словам Высоцкого, при той же явке пришло больше избирателей, потому что их стало больше – они приехали, прежде всего, из России.

Использование метода «проход членов комиссии по квартирам». Его впервые использовали в феврале–марте 2024 года, чтобы приглашать и информировать избирателей.

Ещё в мае 2024 года Высоцкий утверждал, что в сентябре проведут новые выборы, что оказалось действительно верным [12].

При этом, по мнению Гращенкова Ильи Александровича, российского политолога и общественного деятеля, опыт работы Алексея Сергеевича Беспрозванных в прошлом в качестве директора департамента региональной промышленной политики Минпромторга во многом стал определяющим при выборе его кандидатуры на должность временно исполняющего обязанности губернатора Калининградской области. Причём Гращенков сам долгое время работал над журналом «Кремлёвский рейтинг губернаторов РФ», в настоящее время ведёт Telegram-канал, в котором обсуждает политические события [8, с. 25].

Олег Анатольевич Матвейчев, депутат Государственной Думы Российской Федерации и заместитель председателя комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи, считает Калининградскую область преобразившейся «жемчу-

жиной России». Эксперт добавляет: немаловажным фактором стало то, что Алексей Беспрозванных окончил «школу губернаторов», и его подход однозначно даст результат. Речь идёт о Высшей школе государственного управления (ВШГУ) РАНХиГС [13, с. 43].

В 2024 году в регионах России проводились электронные выборы. Они отличаются возможностью голосования без непосредственного посещения избирательного участка. Голосовать можно с телефона, компьютера, с электронного терминала на любом участке. Вероятно, поэтому явка на выборах губернатора 2024 года составила 42,2%. До этого она достигала меньших значений – 39,59% в 2015 году, 37,47% в 2017 году, 38,51% в 2022 году. Уже на выборах 2024 года Беспрозванных Алексей Сергеевич стал окончательным лидером – 9 сентября 2024 года он набрал 76,55 % голосов избирателей.

В 2024 году уже было 5 кандидатов. Каждый кандидат выдвигался политической партией, и, соответственно, в список, входили представители «Единой России», «КПРФ», «ЛДПР», «Яблока» и «Справедливой России – за правду». Впоследствии кандидат Роман Владимирович Морозов от политической партии «Яблоко» получил отказ от регистрации на выборы.

Таким образом, в рамках статьи была изучена проблема конкуренции на выборах, проблема влияния внешних факторов на избирательный процесс, таких, как геополитическая ситуация, изменение формата проведения выборов и другие. Было определено, как выборы регулируются на законодательном уровне, рассмотрен процесс голосования. Сохраняется и проблема низкой явки на выборах. На наш взгляд, внедрение новых электронных и информационных технологий позволит решить данную проблему [10, с. 194–198].

Список литературы

1. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения – 05.01.2025).
2. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения – 05.01.2025).

3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.02.2014 N 19-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159348/ (дата обращения – 05.01.2025).

4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части отмены формы голосования против всех кандидатов (против всех списков кандидатов)» от 12.07.2006 N 107-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61452/ (дата обращения – 05.01.2025).

5. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.01.2025).

6. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 05.01.2025).

7. Уставный закон от 29.06.2012 №126 «О выборах Губернатора Калининградской области» (с изменениями на 27 ноября 2024 года). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOI g7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=126019496&page=1&rdk=12 (дата обращения: 05.01.2025).

8. Гращенков И. А. «Кремлевский рейтинг» губернаторов РФ в 2016 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kremlevskiy-reyting-gubernatorov-rf-v-2016-g/viewer> (дата обращения: 05.01.2025).

9. Гривастова И. В. Калининградская область как субъект Российской Федерации (ретроспективный анализ). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kaliningradskaaya-oblast-kak-subekt-rossii-skoi-federatsii-retrospektivnyi-analiz/viewer> (дата обращения: 05.01.2025)

10. Кускашев, Д. В. Особенности эволюции правового статуса личности в условиях цифровизации // Высотехнологичное право: генезис и перспективы: Материалы II Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва, Красноярск, 26 февраля 2021 года. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 194–198.

11. Кускашев, Д. В. Особенности электорального поведения избирателей в условиях реформирования местного самоуправления: ретроспективный анализ // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10(125). С. 83–84.

12. Ландау И.Л. Выборы губернатора: анализ федерального и регионального законодательства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-gubernatora-analiz-federalnogo-i-regionalnogo-zakonodatelstva/viewer> (дата обращения: 05.01.2025)

13. Матвейчев О. А. Новиков В. Ю. Предвыборная кампания: практика против теории. URL: https://matveychev.ru/wp-content/uploads/2019/02/practika_protiv.doc (дата обращения: 05.01.2025).

СЕНСОРНЫЕ БАГИ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИГРА?

студент кафедры Культурологии
и социокультурного проектирования
Анна И. Нестерова Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Проблема симуляции реальности чаще всего сводится к противоречивым выводам. Особенно интересен феномен сенсорных сбоев восприятия, таких как фантомные боли, оптические иллюзии, внезапные слуховые искажения и сопоставление этих явлений с багами в видеоиграх – ошибками рендеринга, пересечением объектов, временными задержками отклика. Автор поднимает ключевую проблему: насколько можно доверять нашему восприятию мира, если в нем регулярно возникают «системные сбои», аналогичные цифровым ошибкам? Исследование опирается на философские концепции симуляции (Платон, Бодрийяр) и рассматривает органы чувств как интерфейс возможной симуляционной реальности. В статье ставятся вопросы: являются ли такие сенсорные сбои дефектами биологической системы, проявлениями ограничений сознания, или указанием на существование иной – симулированной – природы мира? Автор предлагает переосмыслить границу между игрой и действительностью, ставя под сомнение однозначность того, что считается «реальным».

Ключевые слова: сенсорные баги, концепции симуляции.

SENSORY GLITCHES: REALITY OR GAME?

Anna I. Nesterova

*Student, Department of Cultural Studies
and Socio-Cultural Design
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation*

Abstract. The problem of simulated reality often leads to contradictory conclusions. Particularly intriguing is the phenomenon of sensory perception failures – such as phantom pains, optical illusions, and sudden auditory distortions – and their comparison with glitches in video games, including rendering errors, object clipping, and delayed response times. The author addresses a central issue: how reliable is draws on philosophical concepts of simulation (Plato, Baudrillard) and views the human sensory system as an interface for a potentially simulated reality. The article raises key questions: Are such sensory anomalies merely biological malfunctions, cognitive limitations, or signs of an underlying simulated nature of the world? The author invites a reconsideration of the boundary between game and reality, challenging the certainty of what is deemed «real».

Keywords: sensory glitches, simulation theories.

Современное человеческое восприятие нередко сталкивается с явлениями, выходящими за рамки рационального объяснения. К ним относятся такие феномены, как фантомные боли, замедленное восприятие времени, оптические иллюзии, кратковременные провалы слуха и тактильные искажения. Подобные эффекты зачастую воспринимаются как отклонения от нормы, однако их сходство с ошибками в цифровых симуляциях – так называемыми «багами» – позволяет рассматривать их в контексте более широкой философской и когнитивной проблематики.

Проблематика восприятия в условиях возможной симуляции восходит к философской аллегории Платона о пещере, в которой человек воспринимает лишь тени реальности. Рассказ ведется о том, что несколько узников заперты в пещере со дня их рождения. Все заключенные закованы в цепи так, что не имеют возможности обернуться. Они могут воспринимать мир, находящийся за пределами пещеры только по теням, которые образуются от света костра. Мимо входа пробегают животные, проходят люди. Узники

наблюдает за плясками теней на стене, пытаясь их изучить. Однажды один из людей в пещеры освобождается и выходит на свет, люди на свободе ему говорят, что это и есть реальный мир, но он не может поверить, потому что всю свою жизнь видел лишь тени. Они для него являются реальностью [3].

Нельзя не вспомнить и концепцию симулякров Жана Бодрийяра, согласно которой современное общество выстраивает всю среду вокруг копиями, утратившими связь с оригиналом. Философ считал, что общество стало настолько насыщенным симулякрами, что любая мысль или идея теряет смысл из-за бесконечной изменчивости. При этом наши органы чувств можно считать полноценным интерфейсом, которые эти симулякры пытается воспринять [1]. В этом смысле нарушения в работе интерфейса можно трактовать как онтологическую неуверенность – отсутствие уверенности в том, что реальность «надежна» [2, с. 50].

Опираясь на понятие «баг», означающее неисправность системы, приводящую к искажённому или отсутствующему результату, можно переосмыслить сенсорные отклонения как возможные сбои интерфейса восприятия. Галлюцинации, возникающие при дефиците сенсорной информации, с этой точки зрения представляют собой не патологию, а попытку системы заполнить информационный пробел, аналогично автозаполнению при программировании. В некоторых случаях баги становятся элементами культуры: игроки делятся смешными сбоями, создают видео и мемы. Появляется феномен игровой баг-эстетики (glitch-art). Таким образом, баг – это не просто технический сбой, а точка взаимодействия игрока с пределами системы, зона эксперимента и даже творчества [5, с. 92].

Особый интерес представляют феномены, связанные с визуальными и слуховыми аналогами игровых багов – clipping и culling, где часть изображения скрывается или исключается из обработки системой. В человеческом восприятии аналогом этих багов можно считать слепые пятна, возникающие, например, при перегрузке зрения или нарушении кровообращения. Также сюда можно отнести когнитивные ошибки при оценке расстояния или положения объекта, приводящие к физическим столкновениям или неправильной реакции персонажа или человека в реальности. При этом реальность может содержать сбои в сенсорно-моторной координации, идентичные ошибкам вычислений в виртуальной среде.

Слуховые искажения – еще одна параллель между цифровыми симуляциями и человеческим восприятием. Так, эффект «отключения слуха» при глубокой концентрации или ложное восприятие зовущего голоса в наушниках напоминают аудиобаги в играх: пропуски триггеров, искажение звука, некорректный микс или пропуск диалога.

Кроме того, в видеоигровых пространствах существует концепт «невидимых стен» – программных ограничений, регулирующих движение игрока. В реальной жизни схожий эффект наблюдается при временной дисфункции внимания, когда человек может не заметить физическое препятствие и столкнуться с ним. Это явление можно трактовать как сбой ментальной навигации, обусловленный неполной «прорисовкой» пространства восприятием. Здесь интересен аспект иллюзии контроля, который заключается в ложной уверенности в точности собственных движений [4, с. 127].

Таким образом, граница между реальностью и симуляцией в вопросах сенсорного восприятия оказывается гораздо тоньше, чем принято считать. Сенсорные баги не только порождают сомнение в достоверности ощущаемого, но и формируют гипотезу о возможности существования среды, в которой восприятие является не отражением объективного мира, а результатом программного взаимодействия нашего сознания с отдельным «внутривиртуальным» миром. При этом мы чувствуем этот мир иногда так же реально, как и действительность, что сказывается на восприятии пространства и времени, в которых мы живем. В этом контексте баги – не просто ошибки, а потенциальные маркеры границ симуляции.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. [пер. с фр. А. Качалова] М.: Издательский дом Постум. 2015. 240 с.
2. Коптева Н. Концепция онтологической неуверенности-уверенности Р. Лэйнга // Развитие личности. 2011. №1. С. 48–60.
3. Платон. Государство. Книга VII // Платоновское философское общество [эл. ресурс]. URL: <https://plato.today/TEXTS/PLATO/LosevH/0308.htm> (дата обращения: 25.05.2025)
4. Свапнил Ш. Когнитивные искажения современности // Качество жизни: современные практики и технологии безопасности. 2017. С. 127–129.
5. Сербин В.А. Glitch art: критические практики цифровой культуры // Гуманитарная информатика. №. 9. 2015. С. 88–98.
6. Эль-Амин Д. К. Баги в играх их разновидность и борьба // Энигма. 2021. №33. С. 183–186.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ БЫТИЙНЫХ СМЫСЛОВ

Елена
А. Половинкина

*Российский государственный гуманитарный
университет
Москва, Российская Федерация*

Аннотация. В докладе рассматривается социальная реальность как совокупность смысловых установок индивидуальных и коллективных субъектов социокультурного мира. Проведено исследование генезиса и трансформации бытийного смысла как структурной единицы социальной реальности. В качестве смысловых детерминант предложены к изучению возможные фундаментальные состояния (модусы) сознания и их синтетические формы. Автор приходит к выводу, что глобальные смысловые установки фундируются на уровне актов самосознания субъекта и могут быть выражены в терминах негативной и позитивной свободы Э. Фромма.

Ключевые слова: социальная реальность, смысл, сознание, коллективный субъект, свобода, Фромм.

SOCIAL REALITY IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF EXISTENTIAL MEANINGS

Elena
A. Polovinkina

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation*

Abstract. The report examines social reality as a set of existential meanings of individual and collective subjects of the socio-cultural world. The process

of genesis and transformation of existential meaning as a structural unit of social reality is studied. Possible fundamental states (modes) of consciousness and their synthetic forms are considered as determinants of meaning. The author comes to the conclusion that global semantic attitudes are based on the level of acts of self-awareness of the subject and can be expressed in terms of E. Fromm's negative and positive freedom.

Keywords: social reality, meaning, consciousness, collective subject, freedom, Fromm.

Социальная реальность конструируется и конституируется её участниками в процедурах интерпретаций, в связи с чем обладает внутренней смысловой структурой. Конституция социального мира имеет особую природу – она насыщена смыслами. В этом контексте мы будем определять смыслы как некие организующие установки бытия, ориентиры или цели-принципы деятельности, без которых действия человека оказываются лишены целесообразности и глубокой мотивации. Смыслы выступают в качестве первичных элементов-носителей всякого социального явления [8, с. 11], являясь причинами формирования объективных структур и событий социальной реальности [2, с. 44]. С. Л. Франк утверждал, что объяснить общество возможно лишь путем духовного постижения идеальных смысловых оснований явлений социального мира [10, с. 317]. М. Вебер также подчеркивал необходимость понимания внутренних смыслов человеческих поступков в процессе интерпретации социальных явлений [5, с. 603].

Исследование социальной реальности предполагает понимание не только условно объективных смыслов социальных процессов, но и субъективных смыслов, заложенных в действия ее участников. С одной стороны, каждый субъект социального мира самостоятельно создаёт и пересоздаёт индивидуальную интерпретацию реальности, наполняя её собственными смыслами. С другой же стороны, социальная реальность конструируется intersubjectively, вследствие чего постоянно претерпевает экстерииоризацию и объективизацию, а значит выходит за пределы сознания её участников в форме коллективных установок, интерпретаций или интенций и может быть осмыслена с помощью субстанциональных моделей. Так, в классической социологической концепции Э. Дюркгейма социальный мир выступает внешней детерминан-

той поведения его участников [7, с. 56]. Таким образом мы наблюдаем двойственную природу социальной реальности: она является одновременно и продуктом и условием деятельности участников социального процесса. Принять такую двойственность возможно, если придать статус социальной субъектности не только индивидам, но и коллективным субъектам. Во втором случае субъект представляет профиль некой социальной общности, для него свойственно то, что Э. Дюркгейм называет коллективным сознанием [1, с. 426]. Коллективное сознание не является полной моделью индивидуального сознания, оно ограничено смыслами, которые его конституируют, и не может выйти за рамки этих смыслов. В связи с этим важно различение факторов, влияющих непосредственно на коллективный субъект, от факторов, воздействующих на его составные части. Какова же роль индивида в конституировании социальной реальности, если он с самого рождения оказывается погруженным в смысловые поля множества сообществ? Субъектность индивида может быть определена степенью его самоактуализации в социокультурном пространстве. В случае, если индивид руководствуется исключительно смыслами коллективных субъектов, он оказывается лишен субъектности и выполняет роль агента коллективного сознания. Итак, социальная реальность представляет собой поле непрерывных взаимодействий, наслоений, столкновений различных по содержанию смыслов, носителями которых являются индивиды и коллективные субъекты. Эти смыслы экстерииризируются в объективную реальность в форме поведенческих актов, социальных практик, институций и отношений, которые являются лишь проекцией, но не сущностью социального организма. Объективная реальность же может быть выражена лишь в совокупности процессов столкновения смысловых установок субъектов социокультурного мира. Далее необходимо перейти к изучению природы бытийных смыслов как элементов-носителей социальной реальности.

Исследование основано на исходном допущении редукции смысла к более фундаментальным состояниям (*модусам*) сознания его носителя. Первоочередной задачей будет обнаружить и дать дефиниции таких состояний. Простейшей формой сознания является самосознание, то есть представление о «Я» как о субъекте [9, с. 137].

Но самосознание также не возможно без дифференциации «Я» и «не-Я», причем последнее тем самым утверждает бытие «Я». Таким образом первичными акторами субъективной реальности создающего выступают «Я» и «не-Я» («Иное»). Эти представления согласуются как с интуициями многих философов (И. Фихте, Ж.-П. Сартр, М. М. Бахтин), так и с результатами эмпирических исследований видных психологов (А. И. Галич, А. А. Потебня, И. М. Сеченов и др.) [9, с. 139]. Итак, «Я» как субъект сознания выступает в роли активного начала, творящего реальность. «Я» инициирует деятельный акт, вступая во взаимодействие с «Иным». Здесь возможно выделить два элементарных типа взаимодействия, первое из которых основано на разграничении, а второе на преодолении границы между двумя акторами процесса. В зависимости от интенционального фокуса можно разделить каждый из этих типов взаимодействия ещё на два подтипа, где в первом случае «Я» направлено само на себя (претерпевает себя), а во втором случае «Я» претерпевает «Иное». Таким образом мы получили четыре базовых модуса и можем перейти к более детальному анализу каждого из них.

Первый пример – это состояние, при котором «Я» претерпевает «Иное» и стремится ограничить это претерпевание. Другими словами, «Я» закрывает от себя «Иное» или не даёт «Иному» перейти границы «Своего». В обыденном понимании это соответствует состоянию *страха*. Руководящими целями-принципами или бытийными смыслами в этом случае становятся *безопасность, защищённость, самосохранение*. История философии свидетельствует, что многие исследователи осмысливали *страх* как подлинную основу человеческого существования [3]. Всё это даёт основание полагать, что *страх* как один из базовых актов сознания во многом фундирует социальные процессы.

Следующий случай – «Я» всё так же стремится изолировать себя от «Иного», но интенциональный фокус направлен вовнутрь. В этом состоянии «Я» стремится сохранить свою целостность внутри собственных границ или не даёт «Своему» стать частью «Иного». В обыденности это соответствует проявлению *жадности* и обуславливает такие жизненные смыслы, как, например, *потребление, накопление* или *обладание*. Здесь мы используем понятие *жадность* лишь в качестве условного обозначения состояния

стремления к закреплению в своих границах некоего ресурса или блага, поступающего извне. Следовательно, спектр подпадающих под эту категорию смыслов будет широким – от физиологического насыщения до власти или уважения.

Оба выше рассмотренных состояния могут быть выражены в категории *негативной свободы* Э. Фромма [11, с. 46]. *Свобода от* – это смысловой конструкт, преобладающий в основании современного общества. Идея *негативной свободы* выстроила собственную смысловую иерархию, сформировав специфические на сегодня качества человека – обособленность, закреплённость, отчужденность, подавленность, конформизм. Однако данный смысловой фундамент парализует часть перводвигателей человеческого сознания, и далее объясним, почему.

Рассмотрим модусы, при которых «Я» наоборот стремится преодолеть границу с «Иным». Здесь возможны два случая: 1) «Я» претерпевает «Иное» и впускает его в свои границы (открывает «Иное» для себя; 2) «Я» претерпевает себя и впускает себя в границы «Иного» (открывает себя «Иному»). Первый случай соответствует состоянию *интереса* и может объяснить смыслы *познания, впечатления, рефлексии*. Второй модус является примером *творческой экзистенции* и выступает смыслообразующим фактором *созидания, самовыражения* или *свободы* в понимании Н.А. Бердяева как основы творческого акта высвобождения нового из небытия [4, с. 117]. Оба рассмотренных состояния также являются выражением *позитивной свободы*, или *свободы для*, в которой Э. Фромм обнаруживает альтернативу *негативной свободе*, заключённую в стремлении человека к реализации своей личности и соединении с внешним миром [11, с. 261].

Принципы *негативной* и *позитивной свободы* представляют два взаимоисключающих пути к решению одной и той же первичной задачи субъекта – выполнить акт идентификации «Я» через осмысление «Иного», где первый путь основан на отчуждении и изоляции, а второй на преодолении границ и сближении. Таким образом модусы сознания, определяемые интенциональностью и способом самоидентификации субъекта, на уровне субъективной реальности продуцируют простейшие жизненные смыслы. Более сложные смысловые конструкты могут быть образованы вслед-

ствие синтеза тех или иных модусов. Например, смысл *любви* основан на синтезе *интереса* и *творческой экзистенции* – «Я» одновременно открывает «Иное» для себя и открывает себя «Иному».

Предложенная модель генезиса бытийных смыслов позволяет предположить, что в будущем, когда человечество научится обеспечивать жизненно важные потребности для каждого индивида, действующая парадигма *свободы от* потеряет состоятельность, и на смену ей придет новая глобальная установка. Сегодня, несмотря на господство принципа *негативной свободы*, мы уже наблюдаем ускорение тенденций к разного рода творческой и познавательной активности, инициирующих новые сообщества на основе идей созидания и любви. Эти тенденции проявляются в качестве альтернативы исчерпавшей себя бытийной модели *страха-жадности*, а значит, на уровне отдельных субъектов глобальные смысловые установки уже начинают трансформироваться, перекраивая ткань социальной реальности.

Список литературы

1. Dürkheim E. The Elementary Forms of Religious Life / Transl. by K.E. Fields. New York, etc.: The Free Press, 1995. 464 p.
2. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ.: Г. К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. Москва: Праксис, 2013. 640 с.
3. Астафьев Д. А., Максимов А. М. Философское осмысление страха как основы человеческого существования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 6. С. 117–125
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. Москва: Республика, 1993. 383 с.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М. И. Левина, П. П. Гайдено, А. Ф. Филиппов. Москва: РОССПЭН, 2006. 648 с.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. 399 с.
7. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с французского А. Б. Гофмана. 4-е изд. Москва: Юрайт, 2019. 308 с.
8. Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Часть 2. Мифоритуальная система. Книга 1. Медиационная парадигма. Москва: РОССПЭН, 2017. 503 с.
9. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. Москва: Политиздат, 1972. 303 с.
10. Франк С.Л. Духовные основы общества: введение в социальную философию // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Москва: АСТ, 2006. 571 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНФОРМИЗМА И ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ МОЛОДЕЖИ

Мария
А. Примаков

*Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, специальность:
37.03.01. Психология
Симферополь, Российская Федерация
Науч. рук. Черный Е.В., д.пс.н., профессор*

Аннотация. Повсеместное распространение феминистских взглядов, несомненно, отражается на семейной жизни современных пар, в том числе, происходят изменения во взаимном восприятии гендерных ролей. В связи с этим в психологии стали активно изучаться и исследоваться феномены сексизма, предвзятого отношения к противоположному полу и конформизма, т.е. изменения поведения из-за давления авторитетного большинства. Ученые задались вопросом, подвержена ли современная молодежь конформному поведению и влияет ли это на возникновение сексистских установок относительно другого пола. Ведь именно эти два фактора влияют на взаимодействие полов и, соответственно, на успешность вступления в отношения и их конструктивного развития.

Ключевые слова: сексизм, конформизм, молодежь, отношения.

RESEARCH ON CONFORMISM AND GENDER STEREOTYPES OF YOUNG PEOPLE

Mariia A. Primak

*Student of V.I. Vernadsky Crimean Federal
University, specialty: 37.03.01. Psychology
Simferopol, Russian Federation
Academic supervisor – Doctor of Psychological
Sciences, Professor Cherny E.V.*

Abstract. The widespread spread of feminist views undoubtedly affects the family life of modern couples. In view of changes in public opinion, the perception of the opposite sex is changing. In this connection, the phenomena of sexism, a prejudiced attitude towards the opposite sex, and conformism, a change in behavior due to the pressure of a more authoritative majority, have been actively studied and researched in psychology. Scientists have wondered whether today's young people are susceptible to conformist behavior and whether this affects the emergence of sexist attitudes about the other sex. After all, it is these two factors that influence the interaction of the sexes and, consequently, the success of entering into relationships.

Keywords: sexism, conformism, youth, relationships.

Введение (постановка проблемы). В последнее время в науке и средствах массовой информации все чаще стали обсуждаться вопросы особенностей пола человека и его психологическими различиями. В рамках социальной психологии тему пола, гендерных ценностей активно изучали И. С. Клецина, Ш. Берн, С. Бем, Т. В. Бендас. Социальные психологи видят тему гендерной стереотипизации невероятно актуальной и важной для изучения. Исследователи подчеркивают важность снятия с общества рамок стереотипного мышления.

В виду того, что гендерная социализация человека косвенно влияет на его личную и профессиональную сферы и межгендерное взаимодействие, появляется необходимость изучить гендерную стереотипизацию молодежи.

Исследования конформного поведения начали проводить еще в 20 веке, однако актуальность эта тема не потеряла и по сей день. Каждый человек ежедневно сталкивается с феноменом конфор-

мизма и ученым в наше время интересно, что же движет современным человеком, когда тот выбирает следовать негласным правилам общества, даже если отдельно взятый человек с ними не согласен. На тему конформного поведения писали и проводили исследования Т. Адорно, Д. Ольшанский, П. Давыдова, В. Калошина, В. Райх, С. Завражина, Г. Тард.

Изучение гендерных стереотипов и их связь с конформным поведением позволит понять, как они влияют на формирование гендерных ролей и отношений среди молодежи. Понимание этих факторов имеет важное значение для разработки стратегий по преодолению гендерного неравенства.

Мы предположили, что выраженность враждебной гендерной стереотипизации к женщинам и доброжелательных стереотипов по отношению к мужчинам коррелирует с высокими показателями внешнего и внутреннего конформизма.

Цель работы. Выявить вероятную взаимосвязь показателей гендерной стереотипизации с уровнем конформизма молодежи

Методика исследования. Для достижения поставленной цели были применены: шкала амбивалентного сексизма (П. Глик, С. Фиске, Е. Р. Агадулина), шкала амбивалентности к мужчинам (П. Глик, С. Фиске, В. С. Кривошеков), диагностика конформизма-самостоятельности (ИСП-4) (В. П. Прядеин). Определялись выраженность и тип сексизма, (доброжелательный или враждебный) у молодежи. Измерялся уровень внутренней и внешней конформности, неконформизма, а также самостоятельности.

Математико-статистическая обработка результатов была проведена с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics 27.

В эмпирическом исследовании приняли участие 23 человека: 17 девушек и 6 юношей от 18 до 27 лет. Исследование было проведено на онлайн платформе Google-формы.

Изложение основного материала исследования

Гендерные исследования – междисциплинарная исследовательская и образовательная практика. В гендерных исследованиях изучаются практически все вопросы взаимодействия мужчин и женщин как на уровне общества, так в семье и в личной жизни. Ключевым вопросом в гендерных исследованиях является разграничение понятий «пол» и «гендер». Пол относится к универсаль-

ным биологическим отличиям женщин и мужчин (например: женщина, в отличие от мужчины, может выносить и родить ребенка), а гендер обозначает не природный, а социокультурный параметр межполовых различий [1].

Предметом гендерных исследований был выбран анализ общего и различного в восприятии действительности и социальном поведении мужчин и женщин. Общее и различное отныне стали связывать не с физиологическими особенностями лиц мужского и женского пола, а со спецификой их воспитания, образования, с распространенными в каждой конкретной культуре представлениями о том, как следует вести себя мужчинам и женщинам.

Конформизм – это изменение человеком поведения или убеждения в результате реального или воображаемого давления группы в соответствии с тем, какое мнение принято или господствует в данной группе или обществе. Свойство, противоположное конформизму – неконформизм – стремление человека придерживаться и отстаивать установки, мнения, результаты восприятия, поведение прямо противоречащие тем, которые господствуют в данном обществе или группе.

На проявления конформизма влияют факторы личностные (пол, возраст, статус и др.) и ситуативные (качественный и количественный состав группы, степень ее сплоченности, значимость принадлежности к группе для индивида, возможность совместного вознаграждения и др) [2].

Выводы

В ходе эмпирического исследования было выявлена связь между враждебным сексизмом по отношению к женщинам и доброжелательным отношением к мужчинам. Также как и между доброжелательным отношением к женщинам и враждебными установками по отношению к мужчинам.

Определено, что враждебные гендерные предрассудки к женщинам взаимосвязаны с внешней конформностью. Однако с внутренней конформностью, неконформизмом и самостоятельностью корреляции не выявлено. Можно утверждать, что у молодежи предвзятое отношение к женщинам возникает ввиду наличия мнения более авторитетного большинства, хотя внутренне появляется несогласие с подобными установками

Выявлена корреляция между внутренним конформизмом и доброжелательным отношением к женщинам. Что говорит о внутреннем согласии с общественными установками по отношению к женщинам, соответствующим устоявшимся гендерным ожиданиям.

Не было выявлено взаимосвязи между враждебным и доброжелательным сексизмом по отношению к мужчинам и формами конформизма. Что указывает на иные источники появления данного феномена.

Список литературы

1. Бендас, Т.В. Гендерная психология. Спб.: Изд-во Питер, 2007.
2. Конформизм / Образовательный портал 4brain. 2018 Григорий Кшеминский. URL: <https://4brain.ru/blog/> (дата обращения: 25.05.2025)

ВИРТУАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ УСПЕШНОМУ ОВЛАДЕНИЮ ПРОФЕССИЕЙ У СТУДЕНТОВ ВЫПУСКНОГО КУРСА

Дарья
К. Рубаненко

*Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, специальность:
37.03.01. Психология
Симферополь, Российская Федерация
Науч. рук. Черный Е.В., д.пс.н., профессор*

Аннотация. В современном обществе Интернет играет ключевую роль в решении множества задач, включая трудоустройство и установление социальных связей. Однако использование виртуальной среды связано с рядом психологических проблем, включая интернет-зависимость, которая чаще всего возникает у людей с трудностями в межличностном общении. Социальные сети и компьютерные игры предоставляют возможность формирования новой идентичности, но также ведут к игнорированию реальности и создают риски для психического здоровья. Особое внимание стоит уделить молодежи, в частности студенческой, среди которой наблюдается рост интернет-зависимости, что связано с кризисом идентичности и поиском желаемой реальности.

Ключевые слова: Интернет-зависимость, виртуальная реальность, личная идентичность, профессиональная идентичность, кризис идентичности, студенческая молодежь, психологическое здоровье.

VIRTUAL ADDICTION

AS A FACTOR PREVENTING GRADUATE STUDENTS FROM SUCCESSFULLY MASTERING A PROFESSION

Daria
K. Rubanenko

*Student of V.I. Vernadsky Crimean Federal
University, specialty: 37.03.01. Psychology
Simferopol, Russian Federation*

Annotation. In modern society, the Internet plays a key role in solving many tasks, including employment and establishing social connections. However, using a virtual environment is associated with a number of psychological problems, including Internet addiction, which most often occurs in people with difficulties in interpersonal communication. Social media and computer games provide an opportunity to form a new identity, but they also lead to ignoring reality and pose risks to mental health. Special attention should be paid to young people, in particular students, among whom there is an increase in Internet addiction, which is associated with an identity crisis and the search for the desired reality.

Keywords: Internet addiction, virtual reality, personal identity, professional identity, identity crisis, student youth, psychological health.

Сегодня именно посредством Интернета человек решает множество задач, в том числе вопросы трудоустройства, поиска новой информации, установления социальных связей на уровне бесконтактного общения, не включающего в себя эмоционально-чувственную сферу, воспитательную направленность, невербальную информацию. В целом, это приводит к отсутствию навыков межличностного взаимодействия. В то же время, социальные сети открывают широкие горизонты для самопрезентации, обмена информацией и общения, оказывая значительное влияние на формирование мировоззрения и личностной идентичности у пользователей. Одной из современных проблем, угрожающих нервно-психическому здоровью человека, является интернет-зависимость, сегодня превратившаяся в серьезную общественную проблему, требующую специального изучения.

Наибольшая предрасположенность к возникновению интернет-зависимости наблюдается у людей, имеющих трудности в межличностном общении. В Интернете за счет анонимности, доступности и ощущения безопасности человек может формировать доверитель-

ные отношения с малознакомыми людьми, не опасаясь негативных последствий, ведь в случае неудачи всегда есть возможность просто отключиться от Интернета или уйти на другой ресурс. В виртуальной реальности не имеют значения такие характеристики социального статуса, как внешний вид, возраст, пол, род деятельности и др. Интернет позволяет формировать новую идентичность, создавать новый образ и осуществлять нереализованные потребности.

Механизм формирования игровой компьютерной зависимости также основан на частично неосознаваемых стремлениях, потребностях: уход от реальности и принятие роли. Зависимость определяется естественным стремлением человека избавиться от разного рода проблем и неприятностей, связанных с повседневной жизнью. Ролевая компьютерная игра – это простой и доступный способ моделирования другого мира или таких жизненных ситуаций, в которых человек никогда не был и не будет в реальности [3].

В основе второго механизма формирования игровой компьютерной зависимости лежит свойственная человеку потребность в игре как таковой. А также стремление к принятию роли компьютерного персонажа, которая позволяет человеку удовлетворить потребности, по каким-то причинам неудовлетворенные в реальной жизни. Игра превращается в средство компенсации жизненных проблем и человек начинает реализовываться в игровом мире, а не в реальном. Безусловно, это влечет ряд серьезных проблем в развитии личности, в формировании самосознания и самооценки, духовной сферы личности.

Игровая компьютерная и интернет-зависимость рассматриваются в качестве нового вида аддиктивного поведения личности, и определяется как аутодеструктивное или саморазрушительное поведение, угрожающее целостности и развитию самой личности, приводящее к серьезным изменениям самооценки и самосознания [4].

Основной предпосылкой развития интернет-зависимости у студентов, как утверждает М. И. Дрепа, является неполное разрешение кризиса встречи со взрослостью, что проявляется в развитии кризиса идентичности с возникновением конфликта между идентичностью личности, предлагаемыми социальными ролями и сменяется кризисом интимности с формированием психологической изоляции; интернет-среда привлекательна для разрешения данно-

го кризиса за счет возможности конструирования в ней желаемой реальности [2].

На сегодняшний день 38% аудитории российского Интернета составляет молодежь. При этом, количество молодежи среди интернет-пользователей растет быстрее, чем количество представителей других возрастных групп. Но и среди молодежи выделяется категория наиболее частых пользователей Интернета – студенческая молодежь.

Для большинства студентов интернет является неотъемлемой частью жизни. Это обусловлено рядом причин, среди которых выделяют следующие: 1) использование Интернета в учебной деятельности; 2) доступность и разнообразие ресурсов Интернета; 3) познавательная мотивация студентов; 4) потребность студентов в общении, развлечении; 5) наличие определенных психологических проблем у студентов.

Кроме того, для студенческой молодежи (17–22 лет) в целом характерны следующие психолого-педагогические особенности: проблема выбора жизненных ценностей; формирование социально значимых свойств личности; развитие способности к сопереживанию, к активному нравственному отношению к людям, к самому себе и к природе; развитие рефлексии, то есть самопознания в виде размышлений над собственными переживаниями, ощущениями и мыслями; проблема смысла жизни; появление жизненных планов; поиск профессии; освобождение от непосредственной зависимости тесного круга значимых лиц [5].

Молодые люди используют социальные сети для исследования и формирования своей идентичности. Они создают профили, которые отражают их интересы, убеждения и личные качества. Эти профили служат не только способом представить себя окружающим, но и платформой для самопознания и саморазвития. Через взаимодействие с другими пользователями молодежь учится воспринимать различные точки зрения, формируя своё понимание социальных норм и ценностей. Постоянное стремление к идеализации своего онлайн-образа может привести к разрыву между реальной и виртуальной идентичностью. Это может вызвать чувство неудовлетворенности и неуверенности в себе, особенно когда происходит сравнение с идеализированными образами других пользователей в социальных сетях [1].

Таким образом, в юношеском возрасте постепенно формируется Я-концепция, что способствует дальнейшему, осознанному или неосознанному построению поведения молодого человека.

Все вышеперечисленные последствия виртуальной зависимости оказывают влияние на становление профессиональной идентичности студента:

- Снижение мотивации к получению знаний и освоение профессии;
- Ухудшение навыков межличностного общения и затруднение профессиональных контактов;
- Избыточное количество информации в интернете и влияние социальных сетей могут привести к формированию нереалистичных ожиданий.

Профилактические мероприятия Интернет-зависимости у студентов:

1. Тренинг уверенного поведения проводится с целью повышения чувства уверенности в себе, в своих силах, возможностях, для формирования адекватной самооценки.

2. Тренинг социальных навыков проводится с целью развития умения взаимодействовать с окружающими, способности к анализу потребностей и мотивов других людей, формирования навыков рефлексии.

3. Тренинг навыков самоконтроля проводится с целью формирования умений управлять собой и своими возможностями, осознания собственных затруднений, проблем, получения опыта осмысления проблемной ситуации.

4. Тренинги, направленные на формирование навыков саморегуляции, самоконтроля, снятие эмоционального напряжения.

5. Целью проведения тренинга личностного роста является создание условий для личностного совершенствования (веры в свои силы, получения новых знаний, жизненных навыков, усвоения образцов социального поведения, развития сильных сторон личности).

6. Задача индивидуального психолого-педагогического консультирования – оказание помощи в решении личностных проблем студентов, в формировании мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сферы личности, а также в формировании адекватной самооценки [3].

Список литературы

1. Ван Тунчжоу. Влияние социальных сетей на формирование идентичности молодежи в современном обществе // Научный аспект. URL: <https://na-journal.ru/1-2024-sociologiya/8664-vliyanie-socialnyh-setei-na-formirovanie-identichnosti-molodeji-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения: 25.05.2025)
2. Дрепа М.И. Психологическая профилактика интернет-зависимости у студентов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / М. И. Дрепа ; Северо-Кавказ. соц. ин-т. Ставрополь, 2009.
3. Ларионова С.О., Дегтерев А.С. Интернет-зависимость у студентов: вопросы профилактики // Педагогическое образование в России. 2013. №2.
4. Трафимчик Ж.И., Болбасов А.О. Компьютерная аддикция у молодежи: специфика и профилактика // Ученые записки СПбГМУ им. И. П. Павлова. 2011. №4.
5. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учеб. пособие. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Академия, 2006.

ГЕРМЕНЕВТИКА КАРНАВАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ ОБЩЕСТВА

Михаил В. Сидор

*аспирант 1 курса кафедры философии
Крымский Федеральный Университет
им. В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*

Аннотация. Благодаря исследованиям карнавала М. Бахтиным, мы получили ясное представление о его роли в европейской культуре эпохи Средних веков и Возрождения. Вместе с тем, появился герменевтический потенциал для рассмотрения других культур и влияния на них карнавальной культуры. В данном исследовании предметом переосмысления стало произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Помимо высмеивания актуальных для современников автора вопросов, произведение имеет другую важную функцию. За гротескными формами находится рефлексия общества на свою историю и на себя. Подобный пример из прошлого даёт основания для применения карнавальных форм в осмыслении настоящего.

Ключевые слова: карнавал, герменевтика, гротеск, Салтыков-Щедрин, Бахтин.

HERMENEUTICS OF CARNIVAL IN WRITINGS OF M. E. SALTYSKY-SHCHEDRIN IN CONTEXT OF CONTEMPORARY SELF-AWARENESS OF SOCIETY

Mikhail V. Sidor
*Candidate of 1 course of philosophy department
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation*

Abstract. Due to the researches of carnival by M. M. Bakhtin, we have clear image of it's role in European culture. Meanwhile, there is a hermeneutical potential to the research of other cultures and influence of carnival culture on them. Object of this paper is novel "The History of a Town" written by M. E. Saltykov-Shchedrin. In spite of derision of the author's contemporaries actual problems, the story has another important purpose. Behind grotesque forms, there is self-awareness of society of it's history and itself.

Keywords: carnival, hermeneutics, grotesque, Saltykov-Shchedrin, Bakhtin.

Герменевтика в современной философии играет важную роль. В рамках данного исследования важно отметить, что мы имеем в виду, когда обращаемся к термину «герменевтика». Нас интересует толкование, которое дал Поль Рикёр: «понимание самого себя через понимание иного» [2, с. 56]. Философ отмечает, что в процессе толкования текста, интерпретирующий становится его «современником». В результате, интерпретируя текст, исследователь «может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим, собственным» [2]. Для данной работы подобный подход даёт возможность выйти за пределы понимания текста и применить данный метод для изучения карнавальной культуры.

В следствие того, что М. М. Бахтин исследовал карнавализацию на примере Средневековой европейской культуры, принято считать, что данное им определение карнавала не подходит в полной мере к русской культуре. Подобное утверждение имеет место, однако оно же создаёт интенцию для изучения карнавальной культуры в России.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью определения особенностей репрезентации карнавальных форм в русской культуре и поиском нового способа рефлексии ак-

туальных проблем. Элементы карнавала позволяют дать детализированное представление об особенностях общественного самосознания. В результате изучения карнавальных образов не в прямом, а в переносном смысле, мы получаем больше возможностей для интерпретаций. Последнее, в свою очередь, позволяет нам не только посмотреть на поднимаемую автором проблему с иной перспективы, но и определить другие идеи, которые могут быть скрыты за комическими элементами.

Исследование карнавальной культуры с помощью метода синхронии позволяет преодолеть то расстояние между культурой наших дней и прошлого, о котором говорил Поль Рикёр [2]. На важности изучения оснований культуры с помощью такого подхода настаивал М. М. Бахтин: «Один из существенных недостатков современного литературоведения состоит в том, что оно пытается уложить всю литературу – в частности, ренессансную – в рамки официальной культуры. Между тем творчество того же Рабле можно действительно понять только в потоке народной культуры, которая всегда, на всех этапах своего развития противостояла официальной культуре и вырабатывала свою особую точку зрения на мир и особые формы его образного отражения» [1, с. 614].

В данном исследовании мы рассматриваем философские основания карнавальной культуры в России на примере творчества одного из самых видных деятелей XIX века – М. Е. Салтыкова-Щедрина. Данная фигура интересует нас по причине того, что писатель создавал свои произведения в период широкого распространения социальной сатиры. Его творчество не только высмеивает, но и раскрывает особенности современного ему общества. Данный тезис подчёркивает Р. Б. Фаргиева: «Сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина свойственно как глубокое психологическое исследование человеческих душ, так и широкомасштабное исследование российской провинциальной жизни» [4].

«История одного города» – политическое высказывание, которое даёт представление о жизни соотечественников Михаила Евграфовича. Первое на что стоит обратить внимание – гротеск¹. Он в данном произведении демонстрируется в качестве инструмента

¹ Гротеск – изображение чего-н. в фантастическом, уродливо-комическом виде, основанное на резких контрастах и преувеличениях

критики не только правящего сословия (представленного в произведении градоначальниками), но и самих жителей города. Название последнего – Глупов – с одной стороны, даёт характеристику людей, которые его населяют. С другой, мы видим и само отношение автора к ним. А так как глуповцы представляют собой собирательный образ современников Салтыкова-Щедрина, то в них мы видим явную сатиру на большинство жителей Российской Империи: их неспособность брать ответственность за свою жизнь. Однако, при дальнейшем рассмотрении мы увидим, что у этого есть и обратная сторона.

С самого начала данная история предстаёт в качестве летописи, которая является видоизменённой формой «Повести временных лет». В этом мы видим, как осмыслили древнерусское прошлое современники Михаила Евграфовича: большое количество разрозненных племён, которые постоянно конфликтовали между собой и только появление князя в их землях смогло навести порядок. Кроме того, автор использует гротеск для того, чтобы показать, насколько бессмысленными были попытки добиться самостоятельного управления хозяйством: «Собрав воедино куралесов, гущеедов и прочие племена, головотяпы начали устраиваться внутри, с очевидною целью добиться какого-нибудь порядка <...> Началось с того, что Волгу толчком замесили, потом телёнка на баню тащили, потом в кошеле кашу варили...» [3, с. 6].

Также стоит сказать, что Салтыков-Щедрин не видел большой разницы между своими современниками и тем, какими последние, видели своих предков: «Жители ликовали; еще не видав в глаза вновь назначенного правителя, они уже рассказывали об нем анекдоты и называли его “красавчиком” и “умницей”. Поздравляли друг друга с радостью, целовались, проливали слезы, заходили в кабаки, снова выходили из них и опять заходили» [3, с. 14]. Подобное описание горожан как бездумной толпы, имеет явное сходство с карнавальным культурой, которую М. М. Бахтин описывал как: «Оно [карнавальное ядро] находится на границах искусства и самой жизни. В сущности, это – сама жизнь, но оформленная особым игровым образом» [1, с. 14–15].

Наличие подобных карнавальных мотивов в творчестве Салтыкова-Щедрина позволяет не только определить основания его

литературной деятельности, но также особенности организации провинциального общества XIX в. Согласно подобному описанию мы можем предполагать, что черты, которые были присущи современникам Михаила Евграфовича, демонстрировали их внутреннюю свободу. Описание того, как глуповцы встретили новость о назначении нового градоначальника, позволяет посмотреть на них не как на безвольную массу, но как на людей праздника. Не только город Глупов, но и вся книга – полноценная уличная постановка. Прибытие в город нового градоначальника – то, что Бахтин описывал как «избрание на время пира королев и королев “для смеха” (“roi pour rire”))» [1, с. 12]

Таким образом, имея понимание об особенностях карнавальной культуры, мы видим, что она может использоваться для переосмысления художественной литературы. В контексте карнавала «История одного города» является не только сатирической повестью. Это философское произведение, являющееся рефлексией на тему взаимосвязи жителей провинции и власти. Гротескный образ головотяпов – отношение современников Салтыкова-Щедрина к своему прошлому, а глуповцев – осмысление людьми XIX в. самих себя. На примере «Истории одного города» мы видим важность создания подобных произведений в наши дни. Такой подход является способом саморефлексии, где с одной стороны за маской гротеска скрыты актуальные проблемы, с другой – способ их прожить и отпустить. Этот способ – карнавальный смех: всенародный, универсальный и амбивалентный [1, с. 21].

Список литературы

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / Михаил Бахтин. СПб. Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 640 с.
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с французского, вступ. Ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. М.: ДА!Медиа, 2014. 125 с.
4. Фаргиева Р. Б. Произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина в типологическом аспекте // Вестник науки. 2021. №4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proizvedeniya-m-e-saltykova-schedrina-v-tipologicheskom-aspekte> (дата обращения: 09.04.2025)

СООТВЕТСТВИЕ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЙ ИДЕАЛАМ РЕСПУБЛИКИ

Кристина
А. Степная

*студент факультета международных
отношений и политических исследований
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. Республиканская традиция берет свое начало еще с Античности и на протяжении столетий является ориентиром построения идеального государства. Размышления о республике, свободе и справедливости до сих пор занимают философов, политических теоретиков и государственных деятелей. Но соответствуют ли современные демократии первоначальным идеалам республики? В проведенном теоретическом исследовании особое внимание уделяется изучению ценностей и принципов, свойственным республиканскому управлению, таким как индивидуальная свобода и справедливость, гражданская активность и верховенство права, а также рассматриваются теоретические концепции республиканизма, с помощью которых выявляется соответствие или несоответствие современных государственных образований республиканской традиции.

Ключевые слова: республиканская традиция, демократия, гражданское общество, свобода, добродетель, гражданское мужество, верховенство права.

CONFORMITY OF MODERN DEMOCRACIES TO THE IDEALS OF THE REPUBLIC

Kristina A.
Stepnaya

*BA student of the Faculty of International Relations
and Political Studies
Russian Academy of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation
Saint Petersburg, Russian Federation*

Abstract. The Republican tradition dates back to Antiquity and has been a guideline for building an ideal state for centuries. Reflections on the republic, freedom and justice still occupy philosophers, political theorists and statesmen. But do modern democracies correspond to the original ideals of the republic? In the conducted theoretical research, special attention is paid to the study of values and principles inherent in republican governance, such as individual freedom and justice, civic engagement and the rule of law, as well as theoretical concepts of republicanism, which identify the conformity or inconsistency of modern state entities to the republican tradition.

Keywords: Republican tradition, democracy, civil society, freedom, virtue, civil courage, the rule of the law.

Введение

В современных исследованиях Афины выступают как образец для построения не только демократии, но и республики, имеющей собственные идеалы, которые могут укорениться при таких формах правления как конституционная монархия или демократия. Республика – это некий идеал, который несет в себе истинно политическое, ибо «в республиках больше жизни, больше ненависти, больше жажды мести; в них никогда не умирала и не умирает память о былой свободе» [11, с. 243]. Однако в возникающем конфликте ценностей, угрожающем сохранению свободы и справедливости – основополагающим элементам республиканизма, назревает кризис современных демократий.

В своем исследовании я сфокусируюсь на вопросе, соответствуют ли современные демократии республиканским идеалам Античности, или же эти идеалы безвозвратно исчезли среди многообразия «неправильных» форм правления.

Я полагаю, что республиканская традиция сегодня находится на грани исчезновения, несмотря на тенденцию популяризации демократических ценностей в современном мире. Например, Соединенные Штаты Америки, изначально сформировавшие свою государственность в соответствии с республиканскими веяниями французских интеллектуалов эпохи Просвещения – придерживаются ли они до сих пор выбранной традиции или же пренебрегли ей в один из переломных моментов двадцатого века? Не растворилось ли понятие добродетельного гражданина в массовом обществе, а политические дебаты – в риторике популизма?

Объектом исследования является республиканская традиция как идейно-политическая мысль; предметом исследования – видоизменение республиканизма в современных демократиях.

Республика (= республиканизм) – это политический идеал, идейное течение, набор институтов, ограничивающих срок деятельности государственных органов власти и провозглашающих конституционно-правовой строй; цicerоновское *res publica*, «общее дело» [12, с. 10]. Демократия – политический режим определенного государства, характеризующийся политическим плюрализмом, доминированием закона, высокой степенью реализации прав человека и наличием развитого гражданского общества [5, с. 118]. Под демократией я не буду иметь ввиду безответственную власть большинства, критикуемую Платоном.

Республиканские ценности тогда и сейчас

Республиканизм зародился в Риме, когда Цицерон писал о независимости римских граждан. Вслед за греческим писателем Полибием, Цицерон и его последователи утверждали, будто римская модель стала ассоциироваться с воплощением трех главных республиканских ценностей: личностного идеала свободы как отсутствия доминирования, смешанного государственного устройства и участвующих в дебатах граждан.

Позднее сформировались три главные республиканские ценности: личностный идеал свободы как недоминирования, смешанного государства и участвующих в дебатах граждан. Эти ценности заимствовались гражданами средневековых Флоренции и Венеции. Ф. Петит писал о них как о равных друг другу гражданах респу-

блики, выделяющиеся среди «запуганных подданных папского Рима или французской монархии» [10, с. 52].

Семнадцатый век также ознаменовался распространением республиканизма, когда англичане, испытав тяжести Гражданской войны, учредили равенство монарха и граждан перед законом. Еще через сто лет началось становление республики в Америке, происходившее почти одновременно с Французской революцией, вдохновленной республиканскими идеями.

XIX век не сопровождался особыми потрясениями, но с наступлением двадцатого столетия после преодоления многочисленных трудностей всюду распространилось мнение о победе демократий. Два смежных понятия – демократия и республика – предопределили повестку нового столетия [10, с. 54].

Однако сегодня ни одно государство нельзя назвать демократической республикой не только в связи с невозможностью представить такое государство в чистом виде (оно как идея, ориентир совершенства), но и в связи со всё большим несоответствием их республиканской традиции.

Обоснование

1. Распространение господства массового общества способствует поглощению индивидуальной свободы, которая является важным элементом республиканской традиции. Исследованию масс и массовизации общества посвящены работы Г. Лебона, У. Мак-Дугалла, Г. Тарда, С. Московичи, З. Фрейда, Х. Ортеги-и-Гассета, Я. В. Мюллера и др. В процессе массовизации все люди сливаются воедино, становятся похожими друг на друга, теряют индивидуальность, что противоречит понятию гражданина в республике, где всему присуще разнообразие. Х. Арендт писала, что для людей жизнь – это пребывание среди других людей, т.е. среди большого и разнообразного числа обусловленных личностей. К тому же, «всякая идея человека осмысливает множественность» [1, с. 17], а человек массы – это уже не множественность граждан с их собственными разнообразными политическими действиями, это совокупность одинаковых индивидов, так как масса сминает всё непохожее: «разнородное утопает в однородном» [6, с. 93]. Теряя нашу разнородность, мы перестаем

быть гражданами, ибо изначально граждане греческого полиса выходили в публичную сферу с собственными мыслями и сталкивались с другими гражданами, также имевших собственные мысли [1], что Макиавелли называл *virtu*, или гражданская добродетель, когда человек находил в себе частички мужества для преодоления себя и вступлении в публичную сферу, независимо от того, что подумают другие [11]. Таким образом, современная «массовая» демократия теряет разнообразие участвующих в политической жизни государства граждан, превращая их в однородных индивидуумов, что противоречит идее множественности для осуществления *vita activa*, характерной для граждан республики. «Общий мир исчезает, когда его видят уже только в одном аспекте, он вообще существует только в многообразии своих перспектив» [1, с. 76].

2. Установление власти бюрократии и дальнейшее ее расширение создают угрозу надзора над всем обществом, что противоречит главному республиканскому идеалу – свободе. Ф. Петит говорил, что свобода есть отсутствие доминирования, так как одной из основных тем рассуждений о республике на протяжении столетий было стремление так организовать общество, чтобы граждане не находились под силой доминирования [10, с. 62]. А под доминированием подразумевается не столько постоянное вмешательство в частную жизнь, сколько надзор, контроль, запугивание и готовность сиюминутно дать ответную реакцию на любые подозрительные действия. Власть бюрократии как раз и являет собой наличие доминирования, т.е. отсутствие реальной свободы. «Бюрократия – это ничьи правила, поскольку в правительстве бюро и офисов нет никого, кто принимает решения» [3, с. 58].

Мюллер отмечал, что установление диктатуры бюрократии повлекло за собой массовое общество, о котором говорилось выше. «Харизматические лидеры по необходимости должны заручиться поддержкой антидемократических и бездушных бюрократических машин, мобилизующих для них избирателей» [9, с. 73].

По мнению Х. Арендт, «в современном мире бюрократизированной политики нам придется удовлетвориться сохранением изолированных «пространств свободы» [3, с. 68]. Это значит, что обширное пространство публичного всё более сокращается и по-

степенно переходит в сферу частного. Многие частные моменты выносятся в публичность, что разрушает самую ее сущность.

Таким образом, если свобода перестает быть истинной ценностью в современном мире, то как можно говорить, что государство стремится к республиканизму? Только имея свободу граждан способен сохранить сферу частного, которая будет давать ему возможность появляться в пространстве публичности. При наличии доминирования, личность не сможет функционировать свободно, так как будет постоянно находиться под давлением.

3. Современные государства выступают скорее как мнимые демократии, существующих в условиях популизма и имеющих склонность к авторитаризму, что противоречит истинной республиканской традиции, требующей не столько институционального оформления, сколько реальной гражданской активности. Отечественный исследователь А. В. Магун пишет, что современные политики публично заявляют о демократии с целью скрыто перейти к иному политическому строю [8, с. 128]. Главной проблемой здесь является упадок политического участия граждан. К примеру, Д. ван Рейбрук говорит: «Демократия, основанная на процедуре выборов, больна», потому что политическая активность граждан явно снижается, а значит, находится под угрозой. Идея писателя в возвращении к античным методам выражения интересов большинства – прямой демократии. В какой-то степени можно согласиться с Рейбруком, так как современная выборная демократия утрачивает свою истинную сущность по причине всё большей гражданской апатии [7, с. 12]. Мы предпочитаем попросту делегировать выборному меньшинству решение всех существующих проблем, объясняя политическую пассивность отсутствием времени, желания, другими интересами и др. Если попытаться заново внедрить методы прямой демократии, то, может быть, каждый, считающий себя добродетельным гражданином явился бы в публичное пространство с целью высказать свое мнение и быть услышанным другими. Наверное, регулярность подобных действий не позволили бы захватить власть и установить диктатуру.

Таким образом, современные демократии существуют скорее как отдаленные от политического идеала государственные образования, еще продвигающиеся по ступеням эволюции, и, быть

может, однажды способные построить республику. Например, у Соединенных Штатов Америки была наиболее благоприятная обстановка для создания истинной республики, которую задумывали отцы-основатели. «Люди, которые учредили Соединенные Штаты Америки, верили, что они предпринимают нечто небывалое. Идея, согласно которой демократическая республика признавалась потенциально жизнеспособной, противоречила всем историческим учениям». Но в то же время существует мнение, что «все республики существовали и гибли из-за собственной добродетели и что в конечном счете власть и роскошь неизбежно вели к загниванию и упадку» [4, с. 109]. Т.е. Америка испытывает кризис демократии по причине неспособности сохранить республиканскую традицию.

Выводы

Тезис о несоответствии современных демократий идеалам республики скорее подтвердился после рассмотрения приведенных аргументов. На самом деле их гораздо больше. Например, противоречивость современных демократий в сфере правоприменения, ибо «верховенство закона и права», провозглашавшееся Цицероном [13] в качестве важного элемента республики, не имеет своего полного воплощения в современном мире. «Роль права как компонента государственной системы, когда-то призванного защитить свободу, сводится к формальной защите вседозволенности, что не только разрушает свободу, но и в принципе противоречит природе права как системе норм» [5, с. 120].

Идеи добродетельного гражданина, обладающего гражданским мужеством и политической активностью, не приживаются в настоящее время по причине распространения массового общества, что создает угрозу для функционирования демократии. Вместе с этим, мы утрачиваем и нашу свободу – то, что было очень важно для античных мыслителей. Мы становимся свидетелями разрушения современного демократического общества. Свобода приносится в жертву государственной бюрократии, ценностям равенства и толерантности, что способствует появлению институционального произвола. Современная рыночная экономика подчиняет человека воле предприятий и торговых корпораций, навязывающих обще-

ству всё большее потребление товаров и привязывающих современного человека к рыночной системе ценностей [5, с. 126].

Что ждет нас впереди: всепоглощающее утопание в зарождающемся тоталитаризме массового общества, подчинение диктату искусственного интеллекта, произвол бюрократической машины или же новый виток возрождения идей Античности, свободы, равенства и справедливости? Быть может, однажды мы станем свидетелями новой демократической революции, ведущей нас к становлению истинной и светлой республики?

Всё это мы можем лишь предполагать, но зато уже точно знаем, что в наших руках изменить этот мир. Х. Арендт дает нам надежду того, что в наших руках создать тот мир, в котором мы будем жить оставшееся время, ибо люди получили двойной дар свободы и действия, а значит могут учредить свою собственную действительность [2, с. 258].

Список литературы

1. Арендт, Х. *Vita Activa*, или о деятельной жизни / пер. с нем. И англ. В. В. Бибихина; под ред. Д.М. Носова. Санкт-Петербург: Алетей, 2000. 437 с.
2. Арендт, Х. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли* [Что такое свобода?] / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
3. Берковиц, Р. Протест и демократия: Ханна Арендт и учреждение свободы // Статис. 2018. Т. 6, № 1. С. 56–78.
4. Жежко-Браун, И. В. «Конец Америки» - трансформация демократии в США // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 4–1. С. 88–116.

МОРЕПОЛЬЗОВАНИЕ И РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НА ТЕРРИТОРИИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ДРЕВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕБРОНЗОВОГО ВЕКА ГЛЕЙКИ II)

Роман А. Чикин

*Магистр, исторический факультет
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация*

Аннотация. Исследование направлено ввести в научный оборот некоторые накопленные за 2022-2024 гг. археологические материалы, раскрывающие важный социально-экономический аспект населения Восточного Крыма в эпоху раннего бронзового века: культуру морепользования. Публикуется небольшая выборка материалов, полученных в результате работ последних лет Керченской экспедиции Института археологии Крыма РАН на не имеющем аналогов поселении рубежа IV-III тыс. д.н.э. Глейки II, расположенном на северной окраине современного г. Керчь.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, морепользование, рыболовство.

SEAFARING AND FISHING ON THE TERRITORY OF THE KERCH PENINSULA IN ANCIENT TIMES (BASED ON RESEARCH MATERIALS FROM THE EARLY BRONZE AGE SETTLEMENT OF GLEIKI II)

Roman A. Chikin *Master, Faculty of History
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation*

Abstract. This study aims to introduce some accumulated archeological materials for 2022-2024 years that reveal important socio-economic aspect of population who lived in Eastern Crimea in early bronze age: sea-using culture into scientific circulation. Now we publish a small selection of materials, obtained as a result of works over the last years of Kerch expedition of the Institute of Archaeology of the Crimea of the RAS, at the settlement at the turn of the IV-III millennium BC, known as Gleiki II that has no analogues and located on the north side of modern Kerch.

Keywords: archeology, bronze age, seafaring, fishing.

Древнейшие следы морепользования акватории Боспора Киммерийского традиционно принято связывать с эпохой греческой колонизации. На обыденном уровне у современных керчан даже сложилось представление, что мореплавание и рыболовство в их родной край принесли древние греки. Заметим, что если во многих краеведческих музеях средней полосы рыболовство показано со времен первобытных поселений, то в крымских музеях рыболовство соотносится с процветающей античной культурой. Однако исследования памятников эпохи бронзы в Восточном Крыму уверенно демонстрируют обширную бытовую и хозяйственную деятельность первобытных племен, населявших морское побережье в области рыболовства и рыбозаготовки. На сегодняшний день известно несколько десятков памятников эпохи средней бронзы, материалы которых позволяют специалистам выделять рыбный промысел как одну из основных составляющих экономической деятельности оседлого населения, подчеркнем, уже тесно знакомых с воспроизводящим хозяйством – земледелием и скотоводством

[1]. В основном эти памятники относятся к выделенной А. Е. Кислым каменной культуре Восточного Крыма.

Керченская экспедиция Института археологии Крыма РАН под руководством д. и. н. А. Е. Кислого с 1990-х годов исследует поселение эпохи ранней бронзы Глейки II, расположенное в урочище м. Фонарь на самой восточной точке Керченского полуострова. Памятник находится в прибрежной оползневой зоне с весьма подвижными глинистыми грунтами, ежегодно обрушающимися в пролив. На поселении остались лишь некоторые островки культурного слоя, удерживаемые скальными выступами. Последние исследования позволяют датировать поселение рубежом IV-III тыс. до н.э. [2, С. 124]. Мощность культурного слоя на отдельных участках раскопа достигает 3-х метров. По своей культурной принадлежности поселение уникальное: керамический комплекс своеобразный, но, вероятно, близкий к ямной, кемиобинской и, в частных случаях, к майкопской посуде.

Многолетние исследования позволили накопить богатый материал, свидетельствующий о тесной связи древнего населения памятника с морепользованием. Отсюда предположение, что такая специализация была не единственным, но основным методом ведения хозяйства: во-первых, культурный слой активно насыщен остеологическим материалом: отложения рыбных костей и чешуи

Рис. 1. Глейки II. Слой рыбных костей и чешуи

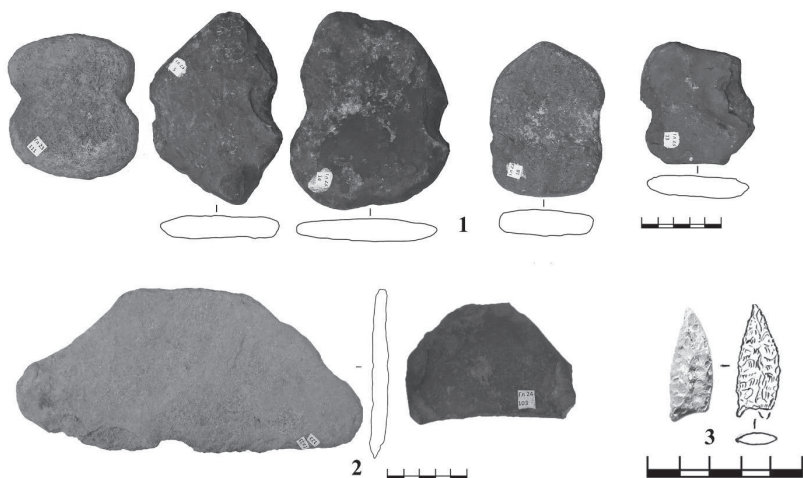

Рис. 2. Глейки II. 1 – рыболовные грузила, 2 – рыбчистки, 3 – кремневый наконечник гарпуна

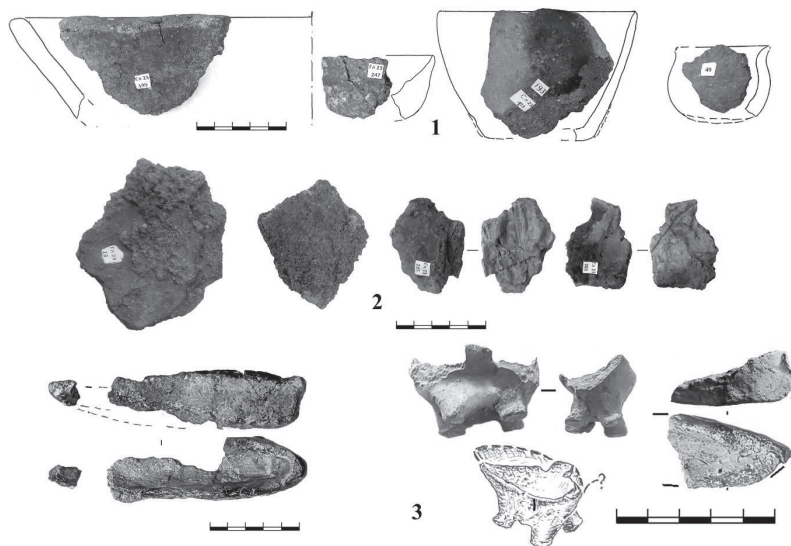

Рис. 3. Глейки II. 1 – керамические формы для приготовления рыбы, 2 – керамика со следами рыбного нагара и отпечатками костей, 3 – модельки лодочек

на отдельных участках Раскопа I достигают 35 см (рис 1). Различная степень сохранности костей и контекст находок позволили установить, что обработка и приготовление рыбы производилась самыми различными методами: жарка, варка, запекание в глине, вероятно засолка, сушка и вяление.

Во-вторых, яркий и своеобразный вещевой комплекс: галечниковые и известковые орудия труда, представленные многочисленными рыболовными грузилами с двумя и, реже, более проточинами для привязывания (рис. 2.1); рыбочистки с подработанной ретушью рабочей гранью (рис. 2.2); кремневые наконечники гарпунов (рис. 2.3). Керамический комплекс богат на специализированные формы посуды для приготовления рыбной продукции: разнообразны рыбные блюда, жаровни, миски и соусницы (рис. 3.1), а также многочисленные фрагменты керамики: как посуды, так и глиняной обмазки со следами приготовления – накипью и нагаром рыбного жира, чешуи, отпечатками плавников и костей (рис. 3.2).

В-третьих, находки артефактов, которые в контексте с имеющимися материалами могут быть связаны с традицией мореплавания и морепользования: многочисленные модельки лодочек, судов, плавсредств, в том числе и оформленные в виде миниатюрных курильниц (рис. 3.3). Как правило, подобные изделия небольшие, грубой формовки и лепки, кострового обжига. В комплексе иных находок, обнаруженных в культурном слое памятника на незначительной по площади раскопа I, не связанных однозначно с традициями морепользования (галечниковые и керамические антропоморфные и зооморфные статуэтки, модельки колес, костяные и галечниковые амулеты-подвески), лодочки стоит интерпретировать как предметы культовой принадлежности.

Комплекс археологических находок, орудий труда и остеологического материала, географическое расположение, а также факт наличия на ближайшей к поселению возвышенности, вероятно, древнейшего на полуострове маяка [1, с. 54] не оставляет сомнения в выраженном взаимодействии с морем населения Глеек II. При этом культурный слой памятника также включает немало находок, свидетельствующих об употреблении в пищу зерновых культур, а также скота (каменные зернотерки, терочники, кости скота и пр.). Ответить окончательно на вопрос, каким образом население не-

большого рыболовецкого поселения на мысе Фонарь заполучали эти ресурсы – путем обмена и торговли рыбой с соседними племенами, в результате агрессивных столкновений, от универсального использования всех имеющихся на близлежащих территориях ресурсов или используя перечисленные методы сразу – пока что не представляется возможным. Необходимо доисследование памятника и поиск аналогичных культурно-хронологически в ойкумене. Однако важно подчеркнуть иное: при объективных возможностях перейти к воспроизводящему типу хозяйствования, при доступных технологиях, население, оставившее памятник, остается на позициях использования самого доступного ресурса, низшего, по сравнению с земледелием и скотоводством, порядка.

Список литературы

1. Кислый А. Е. Каменская культура Восточного Крыма: Древность и современность. Ростов-на-Дону: Медиаграф, 2022. 192 с.
2. Кислый А.Е., Чикин Р.А., Супренков А.А. Исследование поселения Глейки в 2023 году // История и археология Крыма. 2024. Вып. XXII. С. 124–128.

О НАУКОМЕТРИЧЕСКОМ БИХЕВИОРИЗМЕ

Елена
Г. Шкорубская

специалист
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается влияние наукометрических систем и административного контроля на современную научную коммуникацию. Представлен анализ трансформации смысла научной статьи в контексте требования к ученым активно участвовать в коммуникационном процессе, что порождает своеобразный «наукометрический бихевиоризм» – подход к оценке и самооценке учёных через призму внешних наукометрических показателей. Публикации становятся не столько результатом научного поиска, сколько способом накопления временного символического капитала, необходимого для продвижения в академической иерархии. Эта тенденция приводит к трансформации текстового поведения учёных, что проявляется в выборе ими тех или иных публикационных стратегий. Таким образом, наукометрический бихевиоризм и зависимость от внешних административных факторов искажает саму суть научной статьи как средства обмена знаниями и ведет к негативным последствиям как для ученых, так и для науки в целом.

Ключевые слова: научная статья, наукометрический бихевиоризм, научная коммуникация, текстовое поведение.

ON SCIENTOMETRIC BEHAVIORISM

Elena
G. Shkorubskaya

specialist
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

Abstract. The article examines the impact of scientometric systems and administrative control on modern scientific communication. The author analyzes the transformation of the meaning of a scientific article in the context of scientists' requirement to actively participate in the communication process, which gives rise to a kind of "scientometric behaviorism" – an approach to the assessment and self-assessment of scientists through the prism of external scientometric indicators. Publications are becoming not so much the result of scientific research as a way of accumulating temporary symbolic capital necessary for advancement in the academic hierarchy. This trend leads to a transformation of the textual behavior of scientists, which is manifested in their choice of certain publication strategies. The author emphasizes that scientometric behaviorism and dependence on external administrative factors distorts the very essence of a scientific article as a means of knowledge exchange and leads to negative consequences for both scientists and science as a whole.

Keywords: scientific article, scientometric behaviorism, scientific communication, textual behavior.

Так как эффективность каждого отдельного ученого зависит от степени его включенности в коммуникативное поле современной науки, возникает парадоксальная ситуация принуждения к коммуникации, когда ученый не просто хочет поделиться с сообществом значимыми результатами своих исследований, а обязан делиться хоть какими-то результатами просто для того, чтобы отстоять свое право называться исследователем. Это отражается в эволюции употребления общеизвестной фразы – "publish or perish" («публикуйся или умри»), которая изначально не обладала негативными коннотациями и лишь отражала фундаментальность публикации для существования научного знания. Первое упоминание этой фразы в негативном контексте встречается в 1928 году, когда отслеживание количества публикаций стало частью университетской политики Гарвардского университета, определяющей вопросы трудоустройства и увольнения [8].

Стремление быть оцененным коллегами-соперниками является важнейшим мотивом научной деятельности, поэтому мы не можем и не должны идеализировать научную коммуникацию, оставляя в качестве ее мотивации исключительно стремление к истине. Однако накопление научного символического капитала предполагает все же действие в рамках поля науки и в интересах науки. Здесь уместно применить разграничение «исключительно научного» и

«временного» капитала, вводимое П. Бурдьё, которые существенно различаются и с точки зрения способов накопления, и с точки зрения целей: накопление собственно научного капитала которого зависит исключительно от научной деятельности агента, а временный капитал выражается в получении власти над научным миром, может быть накоплен через каналы, которые не являются исключительно научными, и носителями которого является бюрократическая прослойка поля науки – министерство, ректоры университетов, директора академий и другие «научные администраторы» [4, р. 56–57]. При этом временный символический капитал в большей степени связан с отдельными государствами (поскольку именно он обрамляет то, что иногда называется «национальной наукой»), в то время как собственно научный капитал носит скорее международный характер. Соотношение этих типов символического капитала в поле науки зависит от степени автономности поля – чем выше автономия, тем сильнее иерархия связана с распределением научного капитала, уменьшение же автономии поля может выводить временный капитал на первый план, вплоть до полного подчинения сугубо научных вопросов бюрократической целесообразности, экономической выгоде или политической идеологии. В условиях принуждения к коммуникации публикация статьи будет в первую очередь мотивирована накоплением временного символического капитала, что позволяет говорить об инструментализации научной коммуникации.

«Инструментальная» публикация гетерономна и определена не стремлением к самой коммуникации, а необходимостью достижения иных целей. Публикация, с одной стороны, превращается в обязательное следствие траты времени или денег на исследование (независимо от успешности самого исследования), что приводит к таким неблагоприятным последствиям как фальсификация результатов исследования, сокрытие недостатков или откровенных ошибок. С другой стороны, публикуются «статьи для никого», единственное назначение которых – добавить еще одну строчку в список публикаций автора. Инструментализация коммуникации ведет к тому, что те механизмы регуляции, которые должны обеспечивать контроль качества публикаций, перестают быть адекватными изначальным задачам. Внутренняя самооценка и самоконтроль науки дают сбой,

так как оценка результатов исследования передается вовне (научным администраторам, заказчикам исследований, государству).

Подобный подход является ничем иным, как своеобразным «наукометрическим бихевиоризмом», предполагающим сводимость научной коммуникации, научной деятельности, внутренней жизни ученого к объективно регистрируемым поведенческим показателям. Работа ученых рассматривается через призму «стимула» (получаемой извне информации и финансовой поддержки) и «реакции» (выдаваемой в ответ информации в виде публикаций или цитирования). Публикационные показатели становятся объективными индикаторами научной значимости исследователя, любая экспертная оценка, самооценка, да и внутридисциплинарные критерии научности отвергаются как излишне субъективные. Если бы эта искаженная перспектива оставалась уделом исследователей, работающих с библиометрией, у нас, возможно, не было бы оснований говорить о существенных трансформациях смысла научной статьи. Но благодаря своей простоте, наглядности и кажущейся объективности, количественный учет научных публикаций вышел далеко за пределы информационных баз данных, библиотечных каталогов и науковедческих исследований. Они оказались крайне востребованными со стороны правительственных ведомств и «менеджеров науки», что впоследствии позволило заменить внутренний самоконтроль науки на внешний административный контроль.

Кроме того, для наукометрических показателей очень точно работает закон Гудхарта: «когда достижение некоторого показателя становится целью, он перестает быть хорошим показателем» [1, с. 53]. Это вызвано тем, что как только объявляется поощрение или наказание за соответствие или несоответствие некоторым показателям, деятельность оцениваемых кардинально меняется и любые изначальные цели заменяются одной – достижением определенных показателей. Становится более выгодным накопление временного символического капитала, который скорее обеспечит трудоустройство, возможность получать гранты и финансирование, чем собственно научного символического капитала, что в конечном счете приводит к «макдольнадизации» науки в соответствии с принципами эффективности, просчитываемости, контроля и предсказуемости [2].

Меняются не только *обстоятельства порождения* научного текста, но и *коммуникативная ситуация*, и даже конечная *цель*, что говорит о полной смене формата научной публикации. При этом и причины смены формата статьи носят внешний для науки характер, в связи с чем и текстовое поведение, формирующееся в данных условиях, зачастую носит оттенок девиации, явно отклоняясь от научного этоса. Сами исследователи начинают оценивать себя через индекс Хирша или импакт-фактор журналов, в которых они публикуются, цитирование начинает использоваться не только институциями, но и исследователями, когда им это выгодно (например, при составлении резюме, при расчете премий или стимулирующих). Возникают практики «взаимного цитирования» и «дарственного авторства» и даже купли-продажи (со)авторства, что часто приобретает промышленные масштабы [5]).

Требование иметь высокий импакт-фактор приводят к манипуляциям со стороны редакторов научных журналов. Обзорные редакторские статьи, в которых фигурируют ссылки на статьи, размещенные журнале в течение последних двух лет; принуждение авторов, которые хотят опубликоваться в журнале, к цитированию других публикаций и авторов данного журнала; вступление в «картели взаимного цитирования» – все это уже прочно вошло в современные публикационные практики.

Однако даже если мы не будем затрагивать откровенно девиантное поведение, работа с текстом добросовестных исследователей существенно изменилась. Ограниченность по количеству слов в статье приводит к изменению выбора цитируемого материала. Авторы, предоставляющие в журналы свои статьи, вынуждены подчиняться перформативу из раздела «для авторов» и готовить публикацию под определенный журнал, что может приводить и к коррекции темы исследования. В перспективе стремление публиковаться в рейтинговых журналах сказывается и на выборе темы исследования: как отмечает И. Жэнгра, это «ведет к отказу от изучения локальных, маргинальных и немодных тем. Такая тенденция опасна для гуманитарных и социальных наук, объекты которых имеют по определению более локальный характер, чем у естественных наук» [3, с. 84]. Условные рефлексy на поощрения, основанные на наукометрических стимулах, настолько вошли в со-

временные академические практики, что даже несмотря на осознание некорректности, надуманности и неадекватности соответствующих рейтингов, ученые продолжают строить свою публикационную активность исходя из требований, предъявляемых к ним в разного рода отчетах.

Мы не можем редуцировать статью исключительно к форме и месту публикации, однако мы постоянно это делаем. Мы не можем оценивать качество работы исключительно по наличию ссылок на нее, однако мы это делаем. Мы не можем сводить содержание статьи к аннотации и списку литературы, однако мы делаем и это. Редукция статьи к акту отчетности и основанию для количественной оценки работы исследователя приводит к трансформации смысла научной публикации, вплоть до полного его искажения. Наукометрический бихевиоризм, натаскивание ученых на показатели, приводит к изменению текстового поведения ученых [7], когда мы публикуем статьи не потому что получили значимые результаты, цитируем статьи не потому что считаем работу действительно важной и выбираем журнал для публикации не потому что он лучше всего подходит нашей тематике исследований. Подобные практики в конечном счете деструктивно сказываются не только на научной деятельности, но и на психическом состоянии самих ученых [6].

Все вышеуказанное приводит к тому, что множится количество журналов и научных статей, не выполняющих свои функции. «Хищнические» журналы, создаваемые исключительно для обеспечения публикации в рейтинговых базах цитирования, не формируют сообщество, не осуществляют фильтрацию статей на соответствие требованиям научности, не создают площадки для коммуникации, в конце концов, не обеспечивают накопление собственно научного капитала. Предоставляемая авторам возможность за определенную плату опубликоваться (а иногда и опубликовать «статью под ключ») в журнале, который некоторое время будет включен в международные базы цитирования, удовлетворяет лишь одну потребность — умножить количество статей, которые будут оценены людьми и организациями, не имеющими к исследовательской деятельности ни малейшего отношения, но оказывающими влияние на доступ к тем или иным благам, необходимым для продвижения по карьерной лестнице. Именно здесь наиболее

ярко проявляется накопление временного капитала, получаемого не за вклад в науку, а за достижение предписываемых показателей.

Таким образом, оценка деятельности ученых на основе количественных показателей, связанных с их публикационной активностью, приводит к дисфункции научной статьи как средства коммуникации ученых и искажению ее смысла, а кроме того, существенно влияет на публикационные стратегии ученых и их текстовое поведение.

Список литературы

1. Арнольд Д. Фаулер К. Гнусные цифры // Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М.: МЦНМО, 2011. С. 52–62.
2. Вахитов Р. Макдональдизация вузовской науки в современной России // Versus. 2022. Т. 2, № 2. С. 87–103.
3. Жэнгра И. Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 184 с.
4. Bourdieu, P. Science of Science and Reflexivity. Chicago and London: University of Chicago Press, 2004. 129 p.
5. Garisto D. Publishing Nightmare: a Researcher's Quest to Keep His Own Work from Being Plagiarized // Nature. 2024. Vol. 633, № 8029. P. 260–262.
6. Hanitzsch T., Markiewicz A., Bødker H. Publish and perish: mental health among communication and media scholars // Journal of Communication. 2024. Vol. 74, № 6. P. 429–442.
7. Johann D. et al. The Impact of Researchers' perceived Pressure on their Publication Strategies // Research Evaluation. 2024. Vol. 0, № 00. P. 1–16.
8. Moskovkin V.M. Origin and Evolution of the “Publish or Perish” Phenomenon // Leiden Madtrics. 2024. URL: <https://www.leidenmadtrics.nl/articles/origin-and-evolution-of-the-publish-or-perish-phenomenon> (accessed: 28.11.2024).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО И ПУТИ ИХ КОРРЕКЦИИ

Юлия
В. Чумакова

*студент, специальность: 37.03.01. Психология
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
Науч. рук. Черный Е.В., д.пс.н., профессор*

Аннотация. В современном мире человек подвергается постоянным стрессам в связи с бесконечным потоком информации из различных источников. Сейчас особенно уязвимой в информационном поле являются родные и близкие военнослужащих, участвующих в Специальной военной операции. В тяжёлый период ожидания и неопределённости обостряются переживания, касающиеся жизни и здоровья близкого человека, находящегося в боевых условиях. Участие в боевых действиях имеет долгосрочное влияние на личность военнослужащих и членов их семей. Сложившаяся ситуация приводит к необходимости организации психологической диагностики и помощи семьям участников Специальной военной операции. Психологическая помощь должна быть направлена на адаптацию к новой реальности, принятие изменений в жизни, а также поиск гармоничного существования в нынешних условиях.

Ключевые слова: переживания, родственники военнослужащих, Специальная военная операция, психокоррекционная работа.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE EXPERIENCES OF FAMILY MEMBERS OF PARTICIPANTS IN A SPECIAL MILITARY OPERATION AND WAYS TO CORRECT THEM

Student

Julia
V. Chumakova

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
specialty: 37.03.01. Psychology
Simferopol, Russian Federation*

Abstract. In the modern world, people are subjected to constant stress due to the endless flow of information from various sources. It is important to mention here a particularly vulnerable group of the population: native servicemen participating in a Special Military Operation. During the difficult waiting period, this group of the population is extremely vulnerable, which is explained by various experiences regarding the life and health of a loved one in combat conditions, and is aggravated by a constant sense of uncertainty. Participation in combat operations has long-term psychological and behavioral effects on the personality of military personnel and their family members. The current situation leads to the need to organize psychological diagnostics and assistance to the families of participants in a Special military operation. Psychological help should be aimed at adapting to a new reality, accepting changes in life, as well as finding a harmonious existence in the current conditions.

Keywords: experiences, relatives of military personnel, Special military operation, psychocorrective work.

В современном мире человек подвержен постоянным стрессам в связи с непрерывным поступлением информации из различных источников. Здесь важно сказать об особенно уязвимой группе населения: родных военнослужащих, участвующих в Специальной военной операции (СВО), поскольку им постоянно приходится сталкиваться со стрессовыми ситуациями как из-за влияния внешних факторов (бесконечный информационный поток), так и, несомненно, из-за изменения семейной ситуации.

Родные участников СВО чаще всего сталкиваются с проблемой ожидания возвращения домой их близкого человека. В тяжёлый период ожидания данная группа населения крайне уязвима, что объясняется различными переживаниями относительно жизни

и здоровья близкого человека, находящегося в боевых условиях, и отягчается постоянным чувством неопределённости. Для родственников военнослужащих важно находить в себе силы как для поддержки солдата, так и друг друга, необходимо учиться жить в новой обстановке и постоянно справляться со стрессом.

В условиях социальной напряжённости и экономической нестабильности среда становится травмирующей для психики ветеранов войны. В зарубежной литературе 1980-х годов появились исследования о социопатиях и депрессиях в семьях военнослужащих, страдающих психическими расстройствами и зависимостями [12]. В последующих работах встречались данные о деструктивном влиянии боевого стресса на последующие поколения как результат генетического наследования приобретённых патологических изменений нервной системы и как следствие хронического стресса в семьях ветеранов [10].

А. Ю. Киворковой и А. Г. Соловьёвым было проведено исследование на выборке, состоявшей из жён военнослужащих. Были исследованы психофизиологические параметры цветового теста М. Люшера с выявлением показателей работоспособности, усталости, тревоги и др.; изучалось функциональное состояние нервно-мышечной системы и скорость проведения нервного импульса; уровень активации центральной нервной системы (ЦНС) при помощи методики простой зрительной моторной реакции (ПЗМР); функциональное психическое состояние (самочувствие, активность, настроение) с помощью методики САН; применялся клинический опросник оценки невротического состояния; опросник Г. Айзенка для оценки степени возбудимости автономной нервной системы, а также характерологический опросник Леонгарда-Шмишека для выявления типа акцентуации характера. При первичном обращении у жён присутствовали жалобы на немотивированные колебания настроения, слезливость, тревожность, плохой сон, вспыльчивость, конфликтность, нарушение внутрисемейных отношений в целом. Результаты исследования показали, что жёнам военнослужащих присущи субдепрессивные и тревожные синдромальные проявления или смешанные тревожно-депрессивные расстройства, связанные вегетативными проявлениями. Была обнаружена склонность к быстрой смене настроения, чувству вины,

беспокойству, а также другие показатели, свидетельствующие о лабильности нервной системы [7].

Значительное количество исследований было посвящено изучению внутрисемейных отношений военнослужащих. Гудковой И. В. было проведено исследование военнослужащих и их жён с помощью следующих методик: «Индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л. Н. Собчик; тест «Опросник уровня субъективного контроля» (УСК); тест «Анализ семейной тревоги» (АСТ) Э. Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса; тест «Понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность» (ПЭА) А. Н. Волковой в модификации В. И. Слепковой; тест «Оценка межличностной совместимости» Д. Кейрси; методика оценки темперамента, созданная на основе работ К. Г. Юнга и И. Майерс-Бриггс. В результате проведённого исследования было установлено, что у респондентов с высоким уровнем удовлетворённости браком значительно лучше, чем у остальных респондентов, развиты такие личностные качества, как спонтанность, ригидность (стабильность) и лабильность как способность подстраиваться под ситуацию, они более рассудительны и логичны и менее импульсивны и интровертированы, чем остальные респонденты. У них сильнее, чем у остальных респондентов, выражена способность принимать ответственность, особенно в том, что касается их собственных достижений и межличностных отношений. Также этим респондентам свойственны гармоничность и сбалансированность стремлений контролировать ситуацию и принимать на себя ответственность за все процессы, происходящие в их семьях. Они, в первую очередь, принимают своих мужей в целом, с учётом всех их индивидуальных особенностей, во-вторых, уважают и разделяют их взгляды, интересы и увлечения, ценят их мнение и только в третью очередь считают их привлекательными, стремятся быть с ними рядом, общаться, обмениваться впечатлениями и делиться эмоциями. Респонденты с низким уровнем удовлетворённости браком, по сравнению с респондентами, включёнными в остальные экспериментальные группы, наименее тревожны и наиболее интровертированы, агрессивны. При этом они, в отличие от представительниц остальных групп, способны брать на себя ответственность за состояние своего здоровья. У них отмечаются стремление контролировать свою

семейную ситуацию, страх не удержать этот контроль и не слишком сильно выраженная тенденция принимать на себя ответственность за те аспекты своей семейной жизни, которые воспринимаются ими как негативные. В первую очередь они испытывают к своим мужьям эмоциональное влечение, принимают их такими, какие они есть и только потом – уважают и признают их авторитет, учитывая их мнения. Выяснилось, что женщины, чья удовлетворённость браком по соответствующей шкале находится между низкими и средними показателями, менее всего склонны признавать свою ответственность за события, происходящие в их жизни. Таким образом, можно предположить, что уровень удовлетворённости браком зависит от того, насколько осознанно супруги относятся друг к другу. В частности, уровень удовлетворённости браком во многом может отягчаться длительным отбытием супруга в зону боевых действий [3].

Важно сказать, что роль членов семей военнослужащих рассматривается в качестве одной из разновидностей психологической поддержки: жёны военнослужащих, по существу, являются ассоциированными членами военной службы. Более того, личностные особенности жён военнослужащих, их толерантность к специфике профессиональной деятельности супругов способствуют полному психологическому восстановлению в кругу семьи [2].

Привычный и понятный образ жизни, устои, надежды и планы, сформировавшиеся во многих семьях, были разрушены и все оказались в ситуации неопределённости, что усиливает стресс и напряжение для каждого человека. На психологическом уровне люди испытывают чувство утраты, и именно здесь вступает в действие механизм преодоления горя. Члены семей военнослужащих, испытывая страх, обращаются к специалисту по поводу панических атак, жалуются на тревожный сон, невозможность найти место для сна, различные негативные и разрушительные мысли [8].

Дети военнослужащих зачастую буквально воспринимают всё происходящее и транслируют то, что видят в семье. Ребёнок может понимать чувства других людей и ещё не может эмоционально освободиться от того, что было воспринято чрезмерно [4; 6].

Важно, чтобы фокус внимания родителей был сосредоточен на себе, чтобы была возможность проработать свои переживания со

специалистом, который поможет выяснить, что конкретно делает человек, что транслирует, насколько это помогает ему и его близким, создает ли он или разрушает [9].

Участие в боевых действиях имеет долгосрочные психологические и поведенческие влияния на личность военнослужащих и членов их семей. Учитывая, что семейные отношения могут стабилизировать или дестабилизировать работоспособность и уровень адекватности самосознания военнослужащих, необходимо разрабатывать и внедрять методы психологического сопровождения не только для лиц опасных профессий, но и для членов их семей.

Автором данной статьи было проведено исследование компонентов переживаний членов семей военнослужащих, участвующих в СВО (родителей, жён, детей). Методики: опросник для оценки тревожности Спилбергера-Ханина; «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман, адапт. М. А. Падун, А. В. Котельниковой; опросник «Самочувствие-активность-настроение (САН)» В. А. Доскина, Н. А. Лаврентьевой, В. Б. Шарай, М. П. Мирошникова. Исследование показало, что: все группы родственников имеют повышенный уровень ситуативной тревожности, однако у жён самый высокий уровень. Группа детей имеет наименьший уровень ситуативной тревожности (29,23%). Жёны чувствуют несправедливость к себе значимо больше, чем к другим людям, в сравнении с родителями военнослужащих, а также в сравнении с сиблингами. При сравнении убеждений о контроле, получены следующие результаты: жёны имеют значимо более выраженные убеждения в том, что не могут контролировать происходящие с ними события в сравнении с детьми. Выявлено, что жёны имеют значимо низкие показатели самочувствия в сравнении родителями, детьми, а также при сравнении с сиблингами [11].

Важность психокоррекционной работы с семьями военнослужащих обусловлена множеством факторов: огромную роль играет возвращение родственников к привычному образу жизни и, что немаловажно, их умение слышать и поддерживать друг друга и военнослужащего.

Обстоятельства угрозы жизни близкому человеку и его потери вызывают негативные психоэмоциональные состояния у родных военнослужащих. В частности, это преобладание острых или хро-

нических негативных эмоций: горя, отчаяния, тревоги, страха, депрессии, вины, агрессии, раздражительности, дисфории. Иногда развивается посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), требующее особого внимания со стороны специалистов [1].

Сложившаяся ситуация приводит к необходимости организации психологической диагностики и помощи семьям участников Специальной военной операции. Психологическая помощь должна быть направлена на адаптацию к новой реальности, принятие изменений в жизни, а также поиск гармоничного существования в нынешних условиях [1].

Важнейшими задачами психолога в работе с родственниками военнослужащих являются улучшение психоэмоционального состояния, агрессивности обратившегося за помощью человека и снижение тревожности [5].

Основными задачами краткосрочной психологической коррекции выступают:

- улучшение психоэмоционального состояния человека;
- формирование у него позитивных ожиданий;
- формирование мотивации к самостоятельному использованию техник саморегуляции.

В работе с семьями военнослужащих психологу необходимо стремиться сформировать жизнестойкость, поскольку это крайне важно при постоянном нахождении в стрессовой ситуации [1].

Жизнестойкость у членов семей военнослужащих можно развить благодаря нескольким подходам:

- 1) когнитивно-поведенческому, когда специалист работает с негативными мыслями, установками клиента; развивает навыки релаксации;
- 2) экзистенциально-гуманистическому, когда работа направлена на поиск личностного смысла в сложившейся тяжёлой ситуации, на развитие самопринятия;
- 3) системному, при котором укрепляется семейная коммуникация, развивается адаптивность семейной системы.

Список литературы

1. Абдулаева Л. Д. Организация работы педагогов-психологов с обучающимися из семей участников (ветеранов) Специальной военной операции: методические рекомендации. Махачкала: ГБУ ДПО РД «Дагестанский институт развития образования», 2024.
2. Акьюлов, Р. И. Роль семьи в жизнедеятельности государственных служащих: автореф. дис.канд. социол. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.
3. Гудкова, И. В. Психологические особенности членов семей военнослужащих, выполняющих боевые задачи за пределами границ Российской Федерации // Прикладная психология и педагогика. 2020.
4. Епанчинцева, Г. А. О роли стрессоустойчивости в профессиональной деятельности военнослужащих // Национальная ассоциация учёных. 2015. № 2-8 (7). С. 106-108.
5. Зубенко, С. В. Методические рекомендации по работе психолога с участниками СВО и членами их семей: методические рекомендации; URL: <https://solncesvet.ru/tv/445693> (дата обращения: 25.05.2025)
6. Зубова, Л. В. Аутентичность в становлении личности // 30 янв.-1 фев. 2013 г. Оренбург: Изд.- полиграф. комплекс «Университет», 2013. С. 3088-3090.
7. Киворкова, А. Ю. Факторы риска и критерии эффективности психокоррекции аномальной личностной изменчивости жён военнослужащих // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2014. №1. С. 35–38.
8. Кулумбегова, Л. А. Региональные особенности социально-психологической адаптации семей военнослужащих / Л. А. Кулумбегова // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-4. С. 322–325.
9. Пригода, А. В. Кризисная психологическая помощь родственникам военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции // Шаг в науку. 2023. № 2. С. 42–45.
10. Решетников, М. М. Психопатология героического прошлого и будущее поколения // Всерос. конф. М., 1997. С. 32–35.
11. Чумакова, Ю. В. Особенности переживаний членов семей участников Специальной военной операции // Таврический научный вестник. Педагогика и психология. 2024. С. 137–140.
12. Caplan, G. Emotional crises. 111: The encyclopedia of mental health. N. Y., 1963, vol. 2, p. 521–532.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МОЛОДАЯ НАУКА»

В рамках проведения первой Всероссийской конференции молодых ученых «Анахарсис» состоялось заседание в режиме круглого стола с целью обсуждения проблем молодых ученых и научных исследований в молодежной среде под названием «Молодая наука». Для активизации интереса к заявленной тематике молодому преподавателю КФУ имени В. И. Вернадского Д. Г. Валугеву оргкомитет конференции сделал предложение подготовить выступление в формате столь популярного в наши дни манифеста, представив, как бы выглядел манифест молодых ученых, попавший в публичное пространство. Участники круглого стола обсудили сам манифест и проблемы научных исследований в молодежной среде.

Участники круглого стола: к.ю.н. Елькин С. В., проректор по молодежной политике КФУ имени В. И. Вернадского; Карташев А. Л., директор издательства «Академический проект» (Москва); д.ф.н., проф. Шоркин А. Д. (КФУ имени В. И. Вернадского); д.псих.н., проф. Черный Е. В. (КФУ имени В. И. Вернадского); д.ф.н., проф. Грива О. А. (КФУ имени В. И. Вернадского); д.ф.н., член-корр. РАН Рыскельдиева Л. Т. (КФУ имени В. И. Вернадского); д.ф.н., проф. Коротченко Ю. М. (КФУ имени В. И. Вернадского); д.ф.н., доц. Зарапин О. В. (КФУ имени В.И. Вернадского); к.ф.н., доц. Шиян А. А. (РГГУ); к.ф.н., доц. Шиян Т. А. (Фонд «Центр гуманитарных исследований», Москва); к.ф.н. Воробьева А. Д. (ВолГТУ); Кравченко И.В. (КФУ имени В.И. Вернадского); Шкорубская Е.Г. (КФУ имени В. И. Вернадского); Валугев Д. Г. (КФУ имени В. И. Вернадского), аспиранты, студенты.

МАНИФЕСТ (НЕ)МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Кто такие «молодые ученые»? Мы, молодые ученые, отказываемся ими быть!

«Молодая наука» – академическое ярмо, брошенное на шею тем, кто должен был идти первыми. Академия контролирует наши мысли, наши порывы, наши поиски. Нам не нужна забота патронов и начальников. Они стали стражами истлевших институтов, скитальцами в коридорах бездушной бюрократии. Их «поддержка» – это ошейник. Их «путь развития» – это болото. Нас привязывают к стойлу – но мы его снесём!

«Молодая наука» – не наука. Это ее мертвое подобие, натянутое на скелет грантов, рейтингов, публикационных планов и регламентов. Академия лепит из нас удобных исполнителей, покорных слуг наукообразных предприятий. Она дрессирует на послушание, убивая в нас риск, бунт, страсть к познанию. В помойку регалии, премии, квоты и торжественные речи! Мы будем плохими учениками. Мы будем теми, кто ломает клетку изнутри!

Академия обанкротилась. Институты, кафедры, лаборатории давно стали удобными лавочками по продаже «полезных знаний». Их коридоры пропитаны страхом перед очередным отчётом, перед урезанным финансированием, перед сокращением ставок. Но мы несем в себе то, чего они боятся — живую мысль, неукротимую силу открытий. Мы вырвем новые смыслы из пустоты, разрушим границы дозволенного и сметём тех, кто эти границы возводил.

Мы – не питомцы академий. Мы – кочевники мысли. Нас учат не спотыкаться, не отклоняться от проторенных дорог, чтобы не пройти мимо «результата». Но истина покоряется только тем, кто умеет потеряться в неизвестности. Мы забираем у академии своё право на ошибку, на безумие, на провал, а значит и на открытие. Наш путь ведет туда, куда боится ступить дисциплинированный разум. И мы вернемся оттуда с тем, чего академия не в силах ни предвидеть, ни принять.

Науке нет дела до Академии. Наука существует там, где мысль свободна и любопытство не требует разрешения. Ей без-

различен возраст, должности, титулы. Ей неведомы регламенты, отчёты и бюрократические ритуалы. Наука – это прямое столкновение с реальностью: и в кровь, и на грани безумия, но всегда через свободу.

...Наука не для общества. Наука для истины

...Мы не молодые и не старые. Мы живые

...Пока мы стремимся туда, где никого нет – мы остаемся наукой

Что делать?

- *Бросать вызов наставникам, если они запрещают дерзость.*
- *Отказываться от подачек, если за ними пустота.*
- *Исследовать то, что зажигает сердце.*
- *Работать не ради результата, а ради вопрошания.*
- *Бросить пыльные коридоры ради живого общения.*
- *Идти туда, где страшно.*
- *Делать, а не обсуждать.*

НАШ ЗАКОН – СВОБОДА

НАШ СТРАХ – СТАТИЧНОСТЬ

НАШЕ ДЕЛО – ОТКРЫТИЕ

...Наука будет живой, пока мы свободны

...И только так!

С. В. Елькин отметил безусловную необходимость самореализации молодого человека, в науке, в том числе. Для этого, по его словам, необходимо предоставить ему доступ к лучшим практикам по выбранному направлению не только для выработки у молодого ученого собственного образа как исследователя, не только для знакомства и погружения в реальность сегодняшней науки, но и для формирования рефлексивной позиции. Он также добавил, что роль научного руководителя при этом нельзя недооценивать и поделился своим жизненным опытом, рассказав о том, как ушел из науки и пришел в практику.

С. В. Елькин отметил также, что, представляя интересы Российской Федерации в судах, он постоянно сталкивается с необходимостью быть сильнее противника и что научный опыт, полученный им в университете, позволяет подходить к оппоненту с невидимой для него стороны. Ничто не может лучше проиллюстрировать актуальность и востребованность приобщения к науке современного моло-

дого человека, чем умение выйти за поставленные ситуацией пределы и возвращение обратно в нужную точку из иной интеллектуальной «локации». Елькин также задался вопросом, видит ли и осознает ли современный студент необходимость научных компетенций и их (не только потенциальную) востребованность в реальной жизни. Он полагает, что ответ на этот вопрос не очевиден и теряется под воздействием современных СМИ, сетей и мессенджеров. Поэтому, как подчеркнул С. В. Елькин, особая роль очевидно принадлежит научным руководителям, которые могут и обязаны удерживать внимание студента, чтобы показать все возможности, предоставляемые приобщением к науке уже на уровне того, что они называют «молодой наукой».

По поводу представленного Д. Валуевым текста манифеста С. В. Елькин выразил сомнение в готовности авторов подобных текстов к самостоятельному научному творчеству, и эта неготовность не всегда может быть легко различима. Клиповость мышления, по его мнению, очень часто ставит барьеры между наставником и аспирантом, между научным руководителем и студентом, мешает понять факт того, что диалог между ними может вестись в разных логиках. Елькин задался вопросом о критерии, спрашивая, готов ли ученик тогда, когда наставник готов выпустить его в самостоятельную научную жизнь, или же наоборот, учителем становятся тогда, когда появляется ученик.

Е. В. Черный признался, что ему понравился манифест в плане стиля, так как он задорный, дерзкий и симпатичный, но в плане содержания, к сожалению, он оказался пустым. Во-первых, Черный отметил, что в эстетике 20-го века существовали и другие манифесты. Например, в 1913 году Джоном Уотсоном был опубликован «Бихевиористский манифест», в котором очень содержательно критиковалось то, что изучала психология и предлагались новые принципы психологии как науки о поведении. А в 1963 году было опубликовано несколько манифестов гуманистической психологии, где предлагался третий путь развития психологии, в отличие от существующих двух. Черный отметил, что не все манифесты призывают к разрушению, они предлагают некий путь, и в таком случае это интересно и есть что обсуждать, поскольку из подобных манифестов рождается новое направление наук.

Во-вторых, он задал вопрос, что именно критикуется в этом манифесте, и ответил, что критикуется инструментальная часть науки, так как никакого содержания здесь не предлагается. Он пояснил, что речь идет о неких «оковах», которые следовало бы преодолеть. В качестве примера он привел Михаила Эпштейна (достаточно известного философа, культуролога, писателя), который сбросил в свое время эти «оковы» и теперь давно живет не в России, полагая, что выбрал свободу. Черный задался вопросом, действительно ли для этого необходимо уезжать из страны, и кто мешает проводить исследования в такой сфере, как философия, где никакой эмпирики и экспериментов не требуется, или кто мешает молодому человеку написать книгу вне научной сферы. Он добавил, что А. Л. Карташев, как генеральный директор одного из ведущих научных издательств, может подтвердить, что бывает так, когда человек присылает в издательство книгу, и ее публикуют, находя нужных рецензентов. Он спросил, кто же «оковал» этих людей, которые вполне успешно проводят свои исследования. Он также задался вопросом, можно ли создать философское объединение вне академической структуры, и сам же ответил, что это возможно, никто этому не мешает, оно может быть молодежным, и там не будет никаких оков, а будут существовать те правила, которые выстроены в манифесте.

Е. В. Черный сформулировал проблему, заключающуюся в том, что существует академическая наука, которая, как и всякая академическая, зачастую является замшелой и устаревшей в чем-то, и спросил, кто этого не знает, добавив, что это не новость. Он также отметил существование бюрократических норм и правил, и вновь задал вопрос, кто о них не знает, подчеркнув, что это тоже не новость. Черный утверждал, что все живут в системе и, в каком-то смысле, ее принимают, потому что, если ее не принимать, никто не мешает из нее выйти. Это, по его словам, означает, что существует некоторый комфорт и выгода от существования в этой системе. Он подчеркнул, что это очень личный вопрос — принимать ее или нет, и что каждый может ее не принимать, но никто не держит. Однако, он отметил, что молодой человек в эту систему входит как студент, заканчивает бакалавриат, вероятно, и магистратуру, потом аспирантуру, потом защита диссертации. По-видимому, таков путь и автора манифеста,

он находится совсем не вне этой системы, но даже не предлагает ее изменить. Он просто говорит о том, какая противная эта система, но Е. В. Черный задается вопросом, как ее изменить, отмечая, что можно либо выйти из нее, либо ее поменять. Он спросил, что предлагает автор манифеста, и предположил, что, возможно, он предлагает убить всех, кто старше, но затем задал риторический вопрос, не создаст ли он после этого точно такую же систему, поскольку ничего другого не предложил.

Т. А. Шиян подчеркнул важность для любого исследователя, а не только «молодого», чувствовать в занятии наукой или философией личную, экзистенциальную ценность. Без этого войти в профессию и продуктивно работать в ней вряд ли удастся. С одной стороны, ничто не мешает желающим, в том числе и молодым или не социализированным, самоорганизоваться и проводить частные – домашние или сетевые – семинары. Для этого ни у кого не нужно спрашивать разрешения, это личное дело участников и никакие институты здесь не помеха. С другой стороны, вхождение в существующие институциональные структуры, освоение работы в них – часть профессиональной подготовки. Существует практика привлечения студентов и аспирантов к помощи в подготовке и проведении конференций. Это важная часть вхождения в профессиональное сообщество. В ходе такой практики студенты и аспиранты не только получают представление о принятых формах научной коммуникации, получают навыки их организации, но и формируют личные, неформальные контакты, дополняющие формальные отношения и преодолевающие институциональные барьеры.

Кроме того, добавил Т. А. Шиян, что само выражение «грязный институт» является неправильным с социальной точки зрения. Каждый социальный институт имеет свои цели, функции, задачи, и он не может быть грязным или чистым. Но есть люди, которые имеют свои цели и задачи, часто не совпадающие с целями, задачами и функциями института. В лучшем случае эти цели и задачи реализуются попутно, но могут и нарушать институциональные нормы, как формально сформулированные, так и традиционно сложившиеся, например, нормы профессиональной этики и этикета.

А. Д. Шоркин обнаружил ряд несуразиц в представленном манифесте. Во-первых, это полнейшая несочетаемость стилистической изысканности текста как вербального продукта и небрежность в отношении формы подачи материала и сопровождающих ее реплик. Во-вторых, это нелогичность дискурса, заданного этим манифестом, и неясность предмета обсуждения: молодая наука как предмет манифеста и сам этот манифест не совпадают. В-третьих, это путаница, связанная с наукой: наука не бывает молодой или старой, пожилой или юной. Было подчеркнуто, что в сегодняшнем обсуждении заложена путаница между идеологией науки и наукой как институтом. Наука – это и система готового знания, и система нового знания, и социальный институт. На вопрос – является ли наука самым грязным социальным институтом из тех, что знают? – следует ответить, что нет, есть и погрязнее. Но путать социальный институт с идеологией науки или с системой знаний, это все равно, что оценивать чистоту души по чистоте ног или рук. Однако, если вопрос о науке как о социальном институте ставить всерьез, то это правильный шаг. Есть ли в этом институте изъяны? Отвечая утвердительно, Шоркин подчеркнул, что они чудовищны, а их происхождение очевидно. Достаточно вспомнить, сколько получал доцент с 50-х годов в Советском Союзе. Директор завода получал 240 рублей, инженер – 130, а доцент, молодой доцент, получал 320. Профессор получал 450 рублей, а заведующий кафедрой 500. Зарплата доцента составляла пять зарплат продавца, тогда как сейчас она меньше, чем одна зарплата продавца. Работа продавца нелегкая по-своему, но ее можно достаточно быстро освоить, а чтобы стать доцентом, надо 15 лет мозги «сушить». Шоркин отметил, что, когда он поступал в аспирантуру, конкурс был 10 человек на место, а сейчас приходится в аспирантуру зазывать. Достаточно ли новой идеологии, чтобы удерживать аспиранта? Этот вопрос вызывает другой – когда и кого вообще удерживала идеология? Отсюда следует простой вывод: если восстановить разницу в зарплате, то появится конкурс в аспирантуру без всяких «манифестов».

По поводу т.н. «грязи» в науке А. Д. Шоркин с сожалением и возмущением констатировал «смерть» института честного и добросовестного научного рецензирования, вследствие чего появляются те, кто к науке «примазался». Во-первых, это явная паранау-

ка, маскирующаяся псевдонаучными утверждениями, а, во-вторых, это бюрократический слой псевдоученых, попавших на руководящие должности. Усиливается это обстоятельство общепринятым требованием оценивать научную работу гуманитариев по индексу Хирша, что абсурдно с социологической точки зрения. Люди, абсолютно не разбираясь, выстраивают соответствующие рейтинги, которыми руководствуются при заключении эффективных контрактов и выплачивают стимулирующие, но все это не имеет никакой научной основы. Это все есть бюрократическое творчество, беспомощное и жалкое, которое всегда подчинено каким-то корыстным частным интересам. Шоркин отметил, что эпиграфом к сегодняшнему обсуждению он бы взял слова О. Мандельштама: «Я скажу это начерно, шепотом, потому что еще не пора: Постигается потом и опытом безотчетного неба игра» и заявил, что наскоком взять научные вершины не получится.

О. А. Грива сознательно противопоставила критике современной науки и воспроизводимой ею культуры в духе эпатажа и т.н. манифеста планомерную и методичную, ежедневную добросовестную работу со студентами, направленную на внимательное и заботливое, свойственное истинным учителям, формирование у них исследовательских навыков или просто первых ростков интереса к науке. Она высказалась за то, чтобы именно в университете развивать университетскую науку и делать это в рамках существующей системы, что не означает изменения и усовершенствования этой системы. Грива О. А. высказала опасения о том, что студенты-второкурсники, присутствующие за круглым столом, могут, что называется «набраться дурного» по отношению к науке, как феномену, что приведет к необходимости убеждать их потом в том, что наука в своей основе и идее – дело возвышенное.

Грива О. А. утверждала, что не надо лениться, а необходимо работать со студентами: готовить их к выступлениям на научных конференциях, учить делать доклады, писать курсовые и дипломные работы. Она признала, что данные процессы содержат элементы принуждения, но это надо делать, надо целенаправленно руководить студентами в научной деятельности. Грива О. А. привела в пример проектную работу на кафедре религиоведения и философии культу-

ры, где в процессе работы над проектом студенты под руководством научного руководителя сами придумывают тему, разбираются на группы, разрабатывают алгоритм выполнения проекта. Разумеется, надо учитывать особенности личностей студентов. Есть студенты, склонные к научному поиску, есть далекие от него, а есть и такие, чью склонность только предстоит выявить. Она подчеркнула, что если не начать с ними заниматься с первого курса, то за четыре года эта имеющаяся у них склонность может и не проявиться, и будет жаль, даже если это будет один человек со всего факультета. Она добавила, что без рутинной работы слой молодых людей, увлеченных наукой, сам собой не сформируется.

Мнение О. А. Гривы, по её признанию, скорее всего, идет вразрез с мнением основного докладчика, который призывает к свободе, вдохновению и вольнице. Она также считает, что нужно работать – так, как это делал, например, Ломоносов, пришедший пешком в Москву учиться. Она отметила, что лучшим мотиватором является сам образ ученого, который привлекает, особенно в детстве, и хочется быть на него похожим. И если кому-то не нравится университетская наука, то честнее, хлопнув дверью, уйти и заниматься чем-нибудь более прибыльным, например, стать кинорежиссером или заняться пчеловодством. Она подчеркнула, что ученый в своем труде похож на художника-передвижника, закатавшего рукава и работающего, а не ждущего вдохновения.

Ю. М. Коротченко задалась вопросом: если, как утверждалось, манифест монологичен и не имеет коммуникативной интенции, то зачем нужны вообще его самопрезентации? Если манифест, по заявлению докладчика, не должно обсуждать, то возникает риск обесценивания происходящего здесь обсуждения, т.к. не ясно, насколько в принципе валиден и репрезентативен разговор-диалог о представленном манифесте, если последний, по определению, не может быть предметом обсуждения. В противовес предложенному манифесту Коротченко Ю. М. сослалась на мысли о науке и ученых, принадлежащие основателю европейской науки Аристотелю. Она процитировала Стагирита: «Что же касается учения об умозаклучениях, то мы не нашли ничего такого, что было бы сказано до нас, а должны были сами создать его с большой затратой внимания». То есть науч-

ная деятельность, по утверждению автора «Органона», чиста в своей аскетичности, в достижении настоящего результата. Это пишет Аристотель, то есть очень старый ученый, с учетом поправки на относительность возрастных понятий в отношении научных результатов. Ю. М. Коротченко, приведя выражение «молодость – это недостаток, который быстро проходит у людей», поставила под сомнение корректность термина «молодая наука» даже непосредственно в момент его артикуляции. Она продолжила цитировать Аристотеля: «Если же вам, рассматривающим это учение, созданное вначале при таких обстоятельствах, оно кажется вполне удовлетворительным по сравнению с другими учениями... то остаётся сказать, что вам, слушателям, следует быть снисходительными к упущениям в том учении, а за всё изобретённое нами, глубоко признательными». Другими словами, если говорить о чистоте научной деятельности, а не о институциональном статусе науки, то она подразумевает известную все ученым аскезу научного поиска, ведь без нее неясно, откуда что берется. Она задала риторические вопросы: как вообще что-то в науке получается, если это всегда результат некоей внутренней драматургии личности? корректны ли вообще возрастные аргументы в науке?

А. Д. Воробьева с сожалением отметила факт разобщенности между институциональностью/статичностью науки и ее процессуальностью/динамичностью) в качестве научной деятельности. Ситуация такова, что процесс научной деятельности вынесен в зону неформальной практики, и можно сказать, что научная жизнь уходит или уже ушла из институции. Она заявила, что нельзя согласиться с мнением, неоднократно высказанным за Круглым столом, что, если человек не встраивается в институциональную систему, ему не следует заниматься наукой и лучше выбрать другое дело. Есть множество примеров, которые вскрывают тенденцию: многие специалисты, работающие в вузе, не воспринимают вузовскую работу как академическую деятельность. Академическая деятельность становится эффективной и продуктивной именно в формах самоорганизации, что видно на примерах организации конференций, как это происходило в стенах их университета. Она рассказала, что вначале они действовали, используя ресурсы университета, но потом поняли, что лучше искать ресурсы в других местах, искать спонсоров и при-

глашать людей. Она отметила, что это, оказывается, намного легче, вплоть до того, что организационной основой конференции может служить чей-то день рождения. Подобного рода практики являются неформальными и сложно сочетаются с бюрократией, попытка их институционализировать у них не удалась. Неформальные практики нужны и полезны, но ими нельзя ограничиваться. Они недостаточны для решения вопросов поступления в аспирантуру, подготовки диссертации и т.д., требующих от молодого исследователя институционального закрепления.

А. Л. Карташев оценил поставленную за Круглым столом проблему как острую и злободневную: проблема науки, особенно молодежной, сегодня чрезвычайно актуальна. А то, что форма представленных для обсуждения мыслей, по его словам, скандальна – это вовсе несущественно. Манифест, судя по всему, отражает некий социальный запрос или отражает некий «шаг» человека, его готовность поступить определенным образом или поставить вопрос заостренно и даже провокационно. Он считает очевидным, что проблемы науки в первую очередь материальные (сначала финансы, место, люди – затем и результаты появятся): если есть финансирование, наука будет развиваться, если нет, то не будет. Карташев добавил, что последние 30 лет он занимается изданием книг по философии и наблюдает, как меняется философия и ее институты. Он рассказал, что в свое время, в бытность В. С. Степина директором ИФ РАН, тот пытался сохранить философию как науку, в том числе несколько редуцировав ее всеобщность до практикоориентированной философии науки. Карташев напомнил, что раньше философия была одной из базовых дисциплин, ее преподавали всем, она была значима. Он сравнил, что если раньше у преподавателя философии была нагрузка 550 часов в год, то сейчас – 800 и больше. И ранее у преподавателя философии было больше времени для того, чтобы и качественно готовиться к занятиям, и заниматься научной работой. На это выделялись и время, и деньги. При написании монографии или учебника в ряде случаев предоставлялся творческий отпуск. Преподаватель в настоящее время задается вопросом, где получить нормальную зарплату, где найти работу помимо своего вуза, а в таком случае у него не остается времени для научных исследований, повышения своей квалификации, для

написания научных статей. Карташев добавил, что многие авторы, которые ранее писали учебники и монографии, в настоящее время сетуют на то, что оценка их деятельности зависит от количества написанных и опубликованных статей в журналах определенного списка, а также от классификаторов и рейтингов, которые на этих статьях и этих журналах базируются. Сейчас не пишут книг, а пишут научные статьи, иногда узконаправленные монографии по отдельным темам, на которые выделяют грант, тогда как книг – тех, что читают, про смысл жизни, про то, как надо жить, ради чего жить – таких почти не пишут, и это очень большая проблема. По его словам, нет книг для чтения, которые он мог бы издать за свой счет, а потом продать, как полагается – чтобы книги покупали, а потом их читали, чтобы он, как научный издатель, мог выполнить свою посредническую культурную роль – роль посредника между умными людьми и умными авторами. Он подчеркнул, что книги надо писать не под заказ/грант или в силу графоманства, как сейчас нередко и бывает, а по велению души, в силу внутренней неудержимой тяги рассказать людям, донести до широкой научной общественности свои научные находки, размышления, результаты исследований по широкому кругу проблем, интересующих многих людей.

Еще одна проблема, по мнению Карташева, связана с электронными изданиями. Он упомянул, что когда-то все издатели, и он в том числе, были убеждены, что за ними будущее, и с энтузиазмом издавали электронные учебники. Теперь, по его словам, они понимают, что удобство электронной книги губит издательское дело: вузы уже не закупают по 500 печатных учебников, а покупают один электронный, при этом издательские расходы бумажной и электронной версии одинаковы, а значит, электронные книги им издавать вовсе не выгодно. Ни в коем случае нельзя понимать это высказывание как луддизм, новые возможности требуют новых механизмов и технологий. Что теряет традиционное книгоиздание? Оно теряет неразрывный процесс сотворчества ученого, редактора, корректора и практического книжного маркетолога. Что мы приобретаем? Огромное ускорение в движении и конвенции научных знаний, тотальную информационную доступность. Это, разумеется, хорошо, но плохо то, что критерии научности, адекватности, полезности, важности и многие другие вещи размываются. То есть за огромным количеством

фактов исчезают обобщения, исчезает структура и система. В философии это как раз и называется эпохой постмодерна.

Он закончил одним сравнением: в Советском Союзе была мясомолочная промышленность, которая не была отдельно мясной и молочной, потому что была цепочка, организованная госпланом, гарантировавшая пользу и выгоду, так как сначала было молоко, потом мясо.

Таким образом, необходимо продумывать и создавать новые технологии по воспроизводству адекватного и практикоориентированного современного научного знания. Роль молодых ученых в данном процессе трудно переоценить. Именно они носители новых технологических приемов и форм. Другими словами, подытожил он, вопросы, поднятые за Круглым столом, чрезвычайно важны, и системный подход к производству и воспроизводству научного знания необходим и даже неизбежен.

И. В. Кравченко констатировал дефицит понимания смысла научной деятельности как симптом, отражающий проблемность приобщения к науке со стороны студентов и начинающих специалистов. Отталкиваясь от своего опыта работы в рамках направления подготовки «культурология», Иван Васильевич отметил, что даже те люди, которые включены в научную деятельность, слабо отдают себе отчет в том, что есть наука. И с сожалением констатировал существенный недостаток дисциплин и мероприятий, которые бы обозначали науку без ее сакрализации или идеологизации в оптике демонстрации работоспособности механизмов науки. Подобный подход, по его мнению, возможен при определенной системе коммуникации, которая бы позволяла считывать представление о науке, о статусе исследователя, включая статус молодого исследователя. Речь идет о подчеркнуто индивидуализированном социальном порядке, замкнутом в контуре учитель – ученик. Замечено, что связывающий учителя и ученика процесс обсуждения, вербальной коммуникации может занимать месяцы, годы и десятилетия. Отсюда сложный вопрос о том, как можно поддерживать этот порядок и эту персональную коммуникацию. Это вопрос и к учителю, и к ученику – о готовности допустить колоссальную трату времени для того, чтобы эта коммуникация что-то порождала, имела результат и не заикливалась на самом процессе. Сложно говорить об общей, макро-совокупности

молодых учёных, потому что здесь значимы точечные примеры. Подобные примеры вскрывают логику селекции и отсылают к особому элитаризму. Он выражается в сознательном выборе людей, готовых на значительные временные затраты, готовых отдать месяцы или даже целые годы для того, чтобы заниматься производством текстов.

О. В. Зарапин вернул участников Круглого стола к его началу – к представленному «Манифесту». Этот взбудораживший участников текст породил серию вопросов. Почему на конференции студент, выступающий с докладом и погруженный в науку, и студент в учебной аудитории могут быть совершенно разными людьми? Как получается, что к третьему или четвертому курсу у студентов теряется не только запал или страсть к учебе, но и даже малейшее желание учиться, и куда девается их интерес и мыслительная энергия? Есть умные и талантливые аспиранты, но организационная дисциплина в виде дедлайнов, отчетов и таблиц их не просто вводит в ступор, а даже невротизирует. В чем источник такой реакции? В поиске ответов на эти вопросы О. В. Зарапин поделился своими соображениями с участниками круглого стола. Когда преподаватель попадает в студенческую аудиторию, вопрос «зачем это?» по отношению к философии возникает с неизменной регулярностью. И сегодня преподаватели, как правило, отвечают на него в терминах компетенций. Но есть другая терминология: понятие «интеллектуальная добродетель», например, и связанная с ним тематика аретического поворота. Это понятие указывает на то, что занятие наукой ценно не само по себе, а потому, что продуцирует у человека определенное качество. Важно поставить вопрос – какое же это качество и какие качества вообще важны современным молодым людям? Олег Викторович подчеркнул: три дня конференции показали, что это непростой вопрос. Например, на секции культурологии, посвященной онлайн-играм, прозвучал доклад, посвященный “*game-streaming*”. У участников он вызвал интерес, а сам Зарапин О. В. выразил недоумение в отношении определения того состояния ума, при котором человек может 6 часов смотреть на то, как кто-то другой играет. Играет не он сам, а другой! Кроме того, были выделены доклады, касающиеся так или иначе критики антропоцентризма и точки зрения условного «клеща». Высказано предположение, что, вероятно, подобная тема-

тика говорит о таком качестве ума современного молодого человека, которое можно назвать «новой открытостью». Это разновидность эксцентричности, понятая как способность смотреть на мир с совершенно разных точек зрения – сейчас с одной, моей, человеческой, а через минуту – с совершенно другой, к примеру, с точки зрения клеща. И это не собственно открытость, не гибкость, не мобильность, а именно какая-то эксцентричность.

Е. Г. Шкорубская обратила внимание участников на то, что в обсуждении молодой науки надо дать голос самому предмету обсуждения, однако тот, о ком сегодня идет речь, вовсе не предмет и не объект, а субъект вообще и субъект какой-то научной деятельности, в частности. Она добавила, что студенты в университете, как ей кажется, давно привыкли быть именно объектом – в условиях, когда от них требуют явки на научные, в том числе, мероприятия, и при этом считают присутствующих по головам. Также она согласилась с Иваном Васильевичем, заявив, что если старшее поколение хочет знать что-то о молодежной науке, то следует спросить у молодых, поговорить с ними как с субъектами. Она взяла на себя смелость говорить от имени молодых ученых, утверждая, что ещё со студенческой скамьи наука привлекает образом ученого и его деятельности, идеалом поиска истины. Кто-то проходит конкурентный отбор в науку, а кто-то отсеивается. Но для тех, кто прошел отбор, возникает огромное препятствие в виде того, о чем говорил Алексей Давыдович Шоркин, а именно: у них просто нет денег, и они вынуждены работать, работать и подрабатывать, и это их первая и главная проблема. Вторая проблема – бюрократия и эта проблема не менее серьезна. Она подтвердила, что, как говорил уважаемый издатель, они тоже не пишут книги, им их писать не выгодно, и от них тоже требуются статьи, статьи, статьи, причем, в определенных журналах и со ссылками на определенных авторов. То есть, по ее словам, ими руководит наукометрия, и они ей послушны уже не только в силу подражания старшим, которые сами воспроизводят такие публикационные стратегии, но и в силу условий получения, например, ученой степени. Она согласилась, что любой социальный институт грязен, но, загрязняясь, он обрывает дисфункциями. Впрочем, констатировала она, в науке сейчас дисфункций гораздо меньше, чем в системе образования, с которой наука тесно

вязана. Она отметила, что в науке остаются те, кто сумел осознанно приспособиться или у кого вдруг получилось противостоять институциональному давлению – но таких мало. В этом случае, по ее мнению, не надо сетовать на то, что нет смены и в науку не идут молодые, поскольку они просто вынуждены из нее уходить. Е. Г. Шкорубская подытожила: они начинали разговор о проблемах молодой науки, а превратился он в серию вопросов типа «что это они все жалуются?», обращенных к молодым ученым.

А. А. Шиян предупредила, что говорить будет с ориентацией на практику и с учетом того, что проблемы, поставленные здесь, для науки вообще и молодой науки, в частности, чрезвычайно важны. И проблемы науки, по ее мнению, надо делить на проблемы знания и проблемы социального института. Она отметила, что то, что социальный институт не лишен грязи, ясно уже из того, что в свое время сформулировал Т. Кун, когда подвел их к пониманию науки как того, чем занимается научное сообщество. А любое сообщество определяется, в том числе, людьми и их отношениями, но тогда в этом смысле наука – далеко не самый грязный институт, есть еще гораздо, гораздо хуже. По ее мнению, наука как социальный институт – это лучшее из всего плохого. Она сказала, что в РГГУ она работает больше 25 лет, недолго работала и в ВШЭ, поэтому, как ей кажется, поняла, как все устроено. В ВШЭ, несмотря на серьезную заидеологизированность, хорошо налажена система научных лабораторий – и локальных, и всероссийских, и международных. К работе в них из всего штатного состава привлекается 50% молодежи, и это обязательное условие. И финансируются они из внебюджетных средств, в частности, по линии госзадания. Она выразила мнение, что с них в этом отношении надо брать пример. Впрочем, она глубоко убеждена, что при всей важности финансирования им не следует «поднимать лапки» в случае его отсутствия и говорить, что ничего сделать невозможно. Более того, с тем, что есть, а точнее, с тем, что у них ничего нет, можно как-то развивать науку вообще, и молодежную науку, в частности, посредством научных семинаров, совместных проектов, пусть и не финансируемых. Она бы назвала это созданием структур. Во-первых, в отсутствие организационных ресурсов и финансов это может быть стимулированием,

получением баллов при поступлении в магистратуру и аспирантуру. Во-вторых, студентам, особо активным в науке, можно разрешать свободный график учебы. В-третьих, это конференции и семинары, организованные и тематически продуманные самими студентами. В этих условиях действительно заинтересованные в науке начинают что-то делать: писать статьи, реально участвовать в конференциях. Помогают им в этом, прямо скажем, преподаватели-энтузиасты, на равных работающие с бакалаврами и аспирантами. Кроме того, она добавила, что сейчас много философских групп, причем, специализированных тематически, например, в *Telegram* – этот ресурс тоже надо использовать. Там происходит осмысленное общение молодежи из очень разных регионов России.

Д. Г. Валуев, отвечая на реплики и замечания, высказанные в адрес «Манифеста (не) молодого учёного», подчеркнул, что реакция, которую вызвал данный текст, оформилась в виде специфического дискурсивного поля, в котором сам манифест оказался объектом критики, развенчания и символического вытеснения. Формирование такого поля и было одной из исходных задач манифеста: создать ситуацию, в которой станет зримым скрытое напряжение между заявляемой открытостью научного пространства и реальными механизмами его структурной замкнутости. В этом смысле реакция на манифест, по его оценке, сама по себе засвидетельствовала успех предпринятой попытки – ведь именно благодаря ей стало возможно выявление определённого зазора, который необходимо было продемонстрировать.

Этот зазор, по утверждению Д. Валуева, не ограничивается абстрактным различием между нормативным и эмпирическим аспектами научной жизни. Он проявляется прежде всего как расхождение между образом науки, формирующимся у молодого учёного – переживаемым как внутренняя, подлинная потребность в горизонтальной кооперации, в живой научной коммуникации, – и той речевой позицией, с которой на эту потребность отвечает институционально организованное научное сообщество, действующее через административно артикулируемую речь, исключающую возможность подлинного диалога. Иначе говоря, это зазор между горизонталью личностного соучастия и вертикалью формализованного признания.

Более того, Валуев указал, что сам акт реакции на манифест демонстрирует типичные стратегии репрессивного отклика, воспроизводимые теми, кто принимает на себя роль условного «противника» манифеста. Эти стратегии, по его наблюдению, формируются по нескольким направлениям. Во-первых, происходит попытка подорвать саму значимость заявленной проблематики, представив её как преувеличенную, надуманную или утопичную – за счёт дискредитации образов и понятий, использованных в тексте. Во-вторых, целевая аудитория манифеста – в данном случае молодые исследователи – подвергается десубъективации: отрицается не только их опыт, но и сама возможность выступать с артикулированной позицией. В-третьих, фиксируются персонализированные выпады в адрес автора манифеста, направленные на исключение его из самого круга «молодых учёных»: ставится под сомнение его право говорить от их имени, его профессиональная компетентность и даже легитимность участия в проблемном поле.

И, наконец, в-четвёртых, те, кто занимают позицию оппонента, создают особую коммуникативную ситуацию, в которой происходит подмена голоса: обсуждение ведётся как бы от имени целевой аудитории, при этом сама эта аудитория оказывается вытесненной, замещённой, лишённой возможности выразить собственное видение. Тем самым снижается её представленность и видимость в публичном поле.

Такой режим реагирования, подчёркивает Валуев, становится возможным благодаря фундаментальному прагматическому зазору между форматом манифеста как жанра, претендующего на прорыв, на побуждение к переосмыслению, и реальной ситуацией его восприятия. Именно в этом зазоре и осуществляется отрицание манифеста как акта – не в смысле открытого спора, а в форме институционального молчания, перенаправления дискурса и символического исключения.

ОГЛАВЛЕНИЕ*

Татьяна М. Акулова

**Истина как процесс и событие
в философии А. Бадью..... 3**

Иван А. Алымов

**Геополитические факторы динамики правовых
и моральных норм в современном обществе..... 8**

Анатолий Р. Базаев

Андрей Г. Некита

**Виртуальные артисты как форма
коллективного сетевого творчества
(на примере Хацунэ Мику) 15**

Александр В. Бойко

Стратегии реконструкции субъекта..... 23

Данила Бурлаченко

**Реалистический и нормативно-ценностный подходы
в принятии политических решений
на примере КНР 27**

Дмитрий Г. Валуев

**Трансформация текстов типа манифест
в позднем Модерне 33**

* Тезисы докладов расположены в алфавитном порядке

Анна А. Волкова

Не-человек в мире: способы выживания..... 38

Александра Д. Воробьева

**Проблема товарного фетишизма
в современном обществе: от Маркса до Бодрийяра.... 45**

Сергей С. Грамашов

**Современный стоицизм:
возрождение или аберрация? 50**

Любовь А. Григорьева

**Культурный ландшафт как источник формирования
идентификационных кодов человека 57**

Кирилл Г. Гринь

**Смысловая структура социальных представлений
у верующих и атеистов
в условиях цифровой трансформации 64**

Елизавета А. Джижикова

**Особенности эмоциональной направленности
студентов с интернет зависимостью..... 70**

Наталья А. Запарина

**Грета Тунберг и современная
политическая коммуникация: анализ феномена 79**

Светлана В. Карташева

**Платоновское понятие мимезиса в контексте
живописи экспрессионизма. О духовно-нравственных
основаниях экспрессионизма 89**

Надежда В. Кода	
Концепция бытийной истории позднего Мартина Хайдеггера и философская антропология XX–XXI вв.....	96
Валерия А. Копанева	
Интерсубъективность как жизненная стратегия.....	100
Лариса А. Корнева	
Возрастные особенности терминальных ценностей участников специальной военной операции.....	104
Андрей А. Коченков	
Слабость воли и неконцептуальное содержание эмоций.....	112
Михаил Ю. Кузнецов	
Конфуцианство: Философия Жизни и Социального Порядка.....	117
Дмитрий В. Кускашев	
Александр М. Голубкин	
Особенности организации и проведения выборов Губернатора Калининградской области	125
Анна И. Нестерова	
Сенсорные баги: реальность или игра?	131
Елена А. Половинкина	
Социальная реальность в контексте трансформации бытийных смыслов	135

Мария А. Примак

**Исследование конформизма
и гендерных стереотипов молодежи..... 141**

Дарья К. Рубаненко

**Виртуальная зависимость как фактор,
препятствующий успешному овладению профессией
у студентов выпускного курса 146**

Михаил В. Сидор

**Герменевтика карнавала в творчестве
М. Е. Салтыкова-Щедрина в контексте
актуальной саморефлексии общества..... 152**

Кристина А. Степная

**Соответствие современных демократий
идеалам республики..... 157**

Роман А. Чикин

**Морепользование и рыбный промысел
на территории Керченского полуострова в древности
(по материалам исследования поселения
раннебронзового века Глейки II) 165**

Елена Г. Шкорубская

О наукометрическом бихевиоризме..... 171

Юлия В. Чумакова

**Психологические особенности переживаний
членов семей участников СВО и пути их коррекции... 178**

Круглый стол «Молодая наука» 186

Научное издание

**ПЕРВЫЕ
ВСЕРОССИЙСКИЕ
ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

27.04.25 – 30.04.25

**Человек в современном мире:
как жить?**

Материалы конференции

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *Е. С. Кутузова*

Подписано в печать 05.08.2025
Формат 60х84 1/16
Усл. печ. л. 16,74
Тираж 100 экз.

Издательство-типография: ООО «Антиква», ИП Гальцовой Н. А.
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкай 6, оф. 3,
тел. : +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru